

АРКАДІЙ ДВЕРЧЕНКО

ПОДХОДЦЕВЪ
И ДВОЕ ДРУГИХЪ

Annotation

Юмористическая повесть «Подходцев и двое других» полна юмора, выдумки, но и грусти, некоторой ностальгии по ушедшей молодости, веселой и бесшабашной богемной жизни.

- [Аркадий Аверченко](#)
 - [Введение](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
-

Аркадий Аверченко
Подходцев и двое других

Введение

Если бы на поверхности земного шара оставались следы ото всех бродящих по земле человеков — какой бы гигантский запутанный клубок получился! Сколько миллиардов линий скрестились бы, и сколько разгадок разных историй нашел бы опытный следопыт в скрещении одного пути с другим и в отклонении одного пути от другого...

Бог с высоты видит все это, и если бы его Божественное Внимание могло быть занято только такой неприхотливой пищей — сколько бы занимательных, трагических и комических историй представилось Всевидящему Оку.

Мы все жалки и мелки перед лицом Бога... Ни одному из нас не удалось проникнуть в лабиринт запутанных путей человеческих, никто даже сотой части клубка не распутал; и только автору этих строк удалось проследить пути одной человеческой троицы, которая причудливо сошлась разными путями к одной и той же точке.

Сошлась, чтобы надолго не разойтись.

Вот их пути...

Часть I

Глава 1

Подходцев

Молодой широкоплечий блондин, с открытым веселым лицом и энергичными движениями, вышел из дома № 7 по Новопроложенному переулку и, усевшись на извозчика, сказал:

— Вези меня на Дворянскую 5, да только, братец, поскорее.

Извозчик чмокнул губами, и лошадь затрусил.

— Ты не особенно хорошо едешь, извозчик, — иронически заметил седок.

— Еду себе и еду, — холодно возразил извозчик.

— Скажу тебе больше: ты едешь просто плохо.

— Н-о-о-о, ты, проклятая!

— Должен тебя огорчить извозчик, но ты едешь гнусно, отвратительно.

— Овес нынче дорог, барин.

— Не вижу никакой логической связи между ценой на овес и скоростью движения лошади.

— Чаво?

— Тово. Это все равно, как если бы я, доехавши до места назначения, отказался от уплаты причитающихся тебе денег под тем предлогом, что нынче калоши вздорожали на сто процентов.

— Лошадь не бежит, — угрюмым тоном промолвил извозчик.

— Тогда она не лошадь, — учтиво возразил седок.

— А что ж она?

— Не знаю. Я думаю, что тебе нужно было бы быть осмотрительнее при покупке лошади. Ты ее когда купил?

— О позапрошлом годе.

— Покупая, ты требовал именно лошадь или тебе сорт имеющего быть всунутым в оглобли животного был безразличен?

— Чаво?

— Может быть, тебе по твоей неопытности подсунули вместо лошади крокодила?

Извозчик обиделся.

— Почему это? — надменно спросил он.

— Очень просто: что такое лошадь? Это — животное, которое бежит. Твое животное не бежит. Значит, оно — не лошадь.

— Четыре ноги имеет, — усмехнулся извозчик, — значит и лошадь.

— Стул тоже имеет четыре ноги, а, однако, не бежит.

— У ей голова есть, а у стула нету, — возразил извозчик, очевидно, серьезно заинтересованный этим принципиальным спором.

— Подумаешь, важность — голова. Вон и у тебя голова есть, а что толку?

На это извозчик ничего не нашелся ответить.

— Вон видишь, все нас перегоняют.

— Что ж, и мы кой-кого перегоним, — хвастливо усмехнулся извозчик и действительно перегнал лошадь, запряженную в щегольский экипаж и мирно дремавшую у чьего-то подъезда.

Голову седока осенила какая-то мысль. Он лукаво улыбнулся и предложил:

— Хочешь, сделаем так: за каждую лошадь, которую ты перегонишь, я плачу тебе пятак. За каждую лошадь, которая перегонит тебя, я вычитаю с тебя пятак.

Это странное предложение произвело на извозчика ошеломляющее действие. Он в один момент вышел из состояния полудремоты, дико захохотал, привстал на козлах и, хлестнув по лошади, закричал:

— Идет! Считай, барин.

— Стой, стой! Только, брат, уговор: стоячие и противоположно едущие не считаются.

— Само собой! Будьте покойны. Эх, ты, милая-а-ая!..

Лошадь понеслась как стрела, а седок, откинувшись с довольным видом на спинку экипажа, принялся отсчитывать пятаки.

— Пять! Десять! Пятнадцать! Двадцать пять! Пять долой — нас экипаж один обогнал.

— Так то ж рысак!

— Это деталь! Опять двадцать пять, тридцать! Сорок...

Хитрый извозчик в один момент постиг своим светлым мужицким умом не только принципы этой азартной игры, но и ее выгоды. Поэтому он при первом удобном случае свернул с малолюдной улицы на проспект, где экипажей было в десять раз

больше, и, не обращая внимания на сделанный крюк, развил такую скорость, что седок еле успевал считать:

— Рубль тридцать! Еще пять! Рубль сорок. Рубль сорок пять!

— Нет, рубль пятьдесят, — заспорил извозчик. — Сейчас обогнал пару.

— Да ведь она в одной запряжке, пара.

— Это все едино! Уговаривались за лошадь пятак, а тут на-кося двух обогнали!

— Однако и фрукт, брат, ты! Значит, за тройку ты сдерешь пятиалтынный?

— Само собой, три лошади, три пятака. Н-но!!

— Да не гони ты так, черт. Ты меня разорить можешь!

— Мой антирес! — весело заорал извозчик. — Н-но!!

— Извозчик...

— Ась?

— Имей в виду, если кого-нибудь раздавишь — по рублю с человека буду вычитывать.

— Ладно, будьте покойны. А если не раздавлю — вы мне рупь.

— Еще что выдумал! Этаким образом ты с меня и тысячу выколотишь.

— Хи-хи! Н-н-но!!

— Смотри, дурак, чуть на женщину не наехал.

— На женщину я никак не могу наехать, — солидно возразил извозчик и сейчас же подтвердил эти слова самым положительным образом: наехал на мужчину.

Раздались крики, оханья, кто-то смачно выругался, кто-то поднимал с земли испачканного в пыли и в прахе небольшого роста господина, отплевывавшегося розовой кровавой слюной.

— Черти! — орал доброволец из публики. — Прут на народ. Рази так ездют? Надо хорошо ездить, а не плохо ездить надо.

— Дать бы извозчику по морде, — посоветовал дворник.

Недовольный такой перспективой, извозчик подобрал в руки вожжи, с явным намерением ускакать от всей этой катавасии, но седок угадал это намерение, опустил могучую руку на его плечо и сказал спокойно, но твердо:

— Нет, брат, стой. Уезжать нельзя. Умели воровать, надо уметь и ответ держать! Может быть, его в больницу нужно свезти — как же

мы уедем?..

Он легким юношеским прыжком соскочил с экипажа и подошел к пострадавшему, которого поддерживал под руку инициатор награждения извозчика оплеухой.

Глава 2

Громов

Пострадавший поднял на подошедшего ясные кроткие голубые глаза и сказал:

— С какой это радости вы так рассказали?

— Простите. Моя фамилия Подходцев, и я готов вам дать всяческое удовлетворение. Конечно, вы не виноваты: переходили себе спокойно улицу, а в это время мой дурак и налетел на вас безо всякого предупреждения. Я могу так и на суде показать.

— А вы думаете, должен быть суд? — с легким беспокойством спросил пострадавший, еще раз отплюнувшись кровавой слюной.

— Это от вас зависит.

К месту происшествия спокойно, с развальцем, подходил околоточный.

— В чем дело, господа? Прошу разойтись.

— Мне бы очень хотелось разойтись, но едва ли это удастся, — проворчал Подходцев. — Мой возница, благодаря моим же подстрекательствам, ехал быстрее, чем нужно, и наехал на этого господина, который, ничего не подозревая, переходил улицу.

— Этот господин говорит неправду, — возразил пострадавший, счищая пыль с локтей. — Они ехали, как следует, а я сам виноват: мне захотелось покончить жизнь самоубийством, я и бросился под лошадь.

Околоточный немного растерялся от такого оборота дела.

— Как же вы это так, — укоризненно сказал он. — Разве можно так?

— Что?

— Да кончать жизнь самоубийством?..

— А что в ней хорошего, господин околоточный? Так, чепуха какая-то, а не жизнь. И вообще, ответьте мне на вопрос: к чему жизнь наша? Куда мы стремимся? В чем идеал?

— Вы не имеете права задавать таких вопросов при исполнении служебных обязанностей! — запальчиво сказал околоточный.

— Ну, вот видите! Если даже полиция не может ответить, в чем смысл жизни, то кто же может?

Околоточный пожал плечами, вынул книжку и сухо спросил:

— Вы имеете к седоку и извозчику какую-нибудь претензию?

— Никакой буквально.

— А вы? — обратился околоточный к Подходцеву.

— Я? К этому господину? Претензию? Да я его считаю самым очаровательным существом в мире!

— В таком случае, в чем же дело?!

— Ни в чем.

— Так расходитесь! Зачем скопляться?!

Околоточный сердито откашлялся и ушел, а Подходцев протянул пострадавшему руку и спросил с легким смущением:

— Не могу ли я быть чем-нибудь вам полезен?

— Шить умеете? — улыбнулся одними голубыми глазами пострадавший.

— Не умею.

— Значит, не можете быть полезны. У меня порядочная дыра на локте.

— У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть порядочная, — сказал Подходцев, но, считая этот комплимент недостаточной компенсацией за все, что произошло, добавил:

— Может быть, вам трудно идти — тогда я уступлю вам своего извозчика.

— Не могу ехать.

— Почему? Вам трудно сидеть?

— Да, трудно, когда не знаешь, чем заплатить извозчику.

Это было сказано с такой благородной простотой, что Подходцев почувствовал еще большую симпатию к молодому человеку.

— Как ваша фамилия? — осведомился он.

— Моя фамилия — Громов. А вашу я слышал: Подходцев.

Снова оба пожали друг другу руки, продолжая оживленную беседу на краю панели, возле извозчика, совсем погасшего после того, как его увлечение спортом было приостановлено столь резко и неожиданно.

— В таком случае разрешите мне отвезти вас домой.

— К кому домой? — подмигнул Громов.

— К вам, конечно.

— А вы знаете адрес?

— Чей?

— Мой.

— Я думаю, вы его знаете.

Громов усмехнулся.

— Даже под пыткой я не назову его. Первое: я только вчера вечером приехал в этот город. Второе: у меня нет денег для квартиры. Третье: я, пожалуй, сам виноват в том, что попал под вашу лошадь, — не спавший всю ночь и рассеянный.

— Хотите поехать ко мне? Мы вдвоем что-нибудь сочиним.

— Мне неудобно. Будто вы обязаны сделать для меня что-нибудь только потому, что ваш возница на меня наехал...

Подходцев протянул могучие руки, взял своего нового знакомого под мышки, усадил на извозчика и сказал:

— Пошел! Обрато на Новопроложенный.

Извозчик оживился.

— С пятаками?

— Ну тебя к дьяволу! Поезжай просто.

Извозчик снова погас, на этот раз уже окончательно и бесповоротно. Не загорелся он и тогда, когда они доехали и Подходцев, вынимая деньги, сказал:

— По таксе, плюс тридцать восемь перегнанных лошадей, с меня следует два рубля тридцать. Минус рубль за раздавленного, по уговору — остается рубль тридцать. Получай и постарайся переменить свое загадочное животное на обыкновенную человеческую лошадь.

Громов, с удивлением слушавший странные математические вычисления, при последних словах засмеялся, и таким образом эти два человека со смехом вошли в дом и со смехом стали оба жить в нем.

Глава 3

Дома

Квартира Подходцева состояла из двух комнат — одной огромной и одной микроскопической — похожая на большую жирафу, увенчанную маленькой головкой.

Обстановка была скудная, и Подходцев, обведя широким жестом комнату, поспешил объяснить гостю:

— То, что маленькое на четырех ножках, — ходит у меня под именем стульев. Большое, уже выросшее и сделавшее себе карьеру — называется у меня «стол». Впрочем, так как я иногда на столе сижу, а на стуле, лежа в кровати, обедаю, то я совершенно сбил с толку этих животных, и они ходят у меня под всякую упряжь.

— А почему у вас две кровати? — осведомился гость.

— Эта комната так велика, что мне иногда, когда я бываю по делам в южной ее стороне, трудно достигнуть северной стороны, в особенности, если хочется спать. Поэтому я поставил на каждой стороне по кровати. А в общем — черт его знает, зачем я поставил две кровати.

Хозяин опустился на одну из кроватей и погрузился в задумчивость.

— Действительно, зачем я поставил другую кровать? Недоумеваю. Вы есть хотите?

— То есть как?

— Да так: рыбу, мясо, хлеб. Вино вот тоже некоторые пьют.

— Да я, собственно, уже пообедал, — промямлил гость.

Но тут же врожденная искренность и простота его характера взяли перевес над требованиями хорошего тона. Он рассмеялся и сам перебил себя:

— С чего это мне вздумалось соврать? Ничего я не обедал и за котлету отдал бы столько собственного мяса, сколько она будет весить.

— Странные мы народы: я зачем-то поставил лишнюю кровать, вы корчите из себя великосветского денди, щелкая в то же время зубами от голода.

— Да, если откровенно сказать, то мне... действительно... неловко.

— А мне, думаете, ловко? Чуть не размазал по мостовой хорошего человека. Положим, и извозчик идиот порядочный.

— Послушайте, Подходцев... Скажите откровенно, что заставило вас не удрать от меня на своем извозчике, а остаться и расхлебывать всю эту историю до конца?

— Хотите, я вас удивлю?

— Ну?

— Я просто порядочный человек. А теперь скажите и вы: почему вам пришло в голову обелить нас с извозчиком, вместо того чтобы предать обоих в руки сбиров?

— Хотите, теперь я вас удивлю?

— Вы тоже порядочный человек?

— Нет! Я просто хитрый человек. Я просто поступаю по рецепту одного умного художника. Однажды к нему пришел судебный пристав описывать за долги его имущество. И что же! Вместо того чтобы отнестись к этому неприятному гостю с омерзением, повернуться к нему спиной, мой художник принял его по-братски, угостил завтраком, откупорил бутылочку вина и так сдружился с этим тигром в образе человека, что тот ему сделал всяческие послабления: что-то рассрочил, чего-то не тронул, о чем-то предупредил. По-моему, этот художник был не добрый, а хитрый человек.

— Мне ваш художник нравится. Действительно, если бы вы свергли нас с извозчиком в темницу — все бы на этом проиграли, а вы ничего не выиграли. Тогда как теперь...

— Тогда как теперь я заключил такое, хи-хи, милое знакомство...

— Ах, как можно говорить такие вещи молодым девушкам, — смутился Подходцев.

И, чтобы скрыть свое смущение, засуетился: вынул из шкапика коробку сардин, блюдо с холодными котлетами, сыр, хлеб и бутылку красного вина; быстро и ловко постлал скатерть и разложил приборы.

Гость сверкающими глазами следил за всем, что появлялось на столе. В ответ на пригласительный жест хозяина пододвинул к столу стул и сказал:

— Завтра же опять пойду на ту самую улицу...

— Зачем?

— Может быть, опять какое-нибудь животное наедет. Если всякая такая катастрофа несет за собой пир Валтасара...

— О, — засмеялся Подходцев, — мы постараемся найти для вас другую профессию, менее головоломную...

Громов поддел на вилку сардинку, понес ее ко рту и вдруг на полдороге застыл, выпучив глаза...

— Что с вами?..

— Ах я, идиотина!

— А, знаете, ей-Богу, не заметно!

— Ах, бревно я! Ведь вы очень спешили, когда на меня наехали?

— Очень. Я, видите ли, обещал извозчику по пятаку за каждую лошадь, которую мы обго...

— В том-то и дело!! Ведь вы спешили?

— Ну?

— И не доехали!

— Не доехал, — машинально повторил Подходцев.

— А если спешили, значит, по очень важному делу, а я вас запутал, а благодаря мне вы не попали в это место...

— А ведь в самом деле, я и забыл...

— Что ж теперь будет?! Может быть, вы еще успеете?

— Кой черт! Эта собака уже ушла из дому.

— Никогда не прощу себе этого... Дело спешное?

— Очень. Нужно было перехватить у Харченки пятьдесят рублей для квартиры и прочего. Ну, да черт с ним, выкручусь!

— Как же вы выкрутитесь?

— У меня светлая голова на этот счет. Да вот слышите? Кто-то бежит по лестнице... В этом этаже больше никого нет, значит — ко мне; спешит — значит, я ему нужен. А раз я ему нужен, он должен ссудить меня пятьюдесятью рублями. Я так прямо и скажу ему...

Дверь с треском распахнулась, и странный гость влетел в комнату, до того странный, что оба — и Подходцев, и Громов — инстинктивно поднялись со своих мест и придвинулись ближе друг к другу...

Это был молодой человек довольно грузного вида, с черными, коротко остриженными волосами и лицом в обыкновенное время смуглым, но теперь таким бледным, что черные блестящие глаза

казались на фоне этого лица двумя маслинами в куске сливочного масла.

Но не это поразило двух новых приятелей. Поразил их костюм незнакомца... На ногах его, лишенных брюк, красовалось голубенькое щегольское трико, жилет отсутствовал совсем, а пиджак чудесным образом переместился с плеч владельца на одну из его рук, которая ходила ходуном от ужаса.

Отсутствие воротничка и галстука даже в слабой степени не могла заменить большая японская ваза, которую незнакомец держал в другой руке с явно выраженной целью самозащиты...

Увидев двух молодых людей, окаменевших от удивления, новоприбывший, задышавшись, опустился на кровать и прохрипел:

— Затворите дверь! На ключ.

Подходцев поспешил исполнить его желание, потом уселся верхом на стул, впери свой спокойный взор в нового гостя и любезно сказал:

— Не хотите ли чего-нибудь закусить?

— Спасибо... Я уже тово... ел. Нельзя ли полстакана вина?

— Пожалуйста... Эта ваза вас, кажется, стесняет? Поставьте ее сюда. Ну, как вам нравится моя квартирка?

— Ничего, — пробормотал незнакомец, колотясь зубами о край стакана. — Нич... чего себе... У... уд... добна.

— Да, знаете. Теперь хорошую квартиру так трудно найти, — любезно заметил Подходцев, изнемогавший от приступа деликатности и упорно не замечавший более чем легкого костюма нового гостя.

— Вам не дует из окна? — участливо спросил Громов.

— Н... ничего. Я немного посижу и пойду себе... домой.

— Ну, куда вам спешить, — радушно воскликнул Подходцев. — Только что пришли и сейчас же уходить. Посидите!

— Я к вам зашел совершенно случайно...

— Помилуйте! Мы очень польщены... Позвольте, я вам помогу надеть пиджак на руки.

И едва новоприбывший надел с помощью Подходцева пиджак, как половина самообладания (вероятно верхняя, если расчленить самообладание по частям костюма) вернулась к нему.

— А мы ведь не знакомы, — сказал он.

Встал и расшаркался.

Глава 4

Легкомысленный Клинков

— Позвольте представиться: Клинков.

— Ага! А мы — Подходцев и Громов.

Гость снова опустился на кровать и тоскливо прошептал:

— Вас, вероятно, очень удивляет мой костюм.

— Ничего подобного! — горячо воскликнул мягкосердечный Громов. — Это даже красиво. Голубой цвет вам удивительно к лицу.

Клинков вдруг вскочил и с ужасом в глазах стал прислушиваться.

— Он, кажется, идет?!

— Кто, кто?

— Муж. Вы понимаете, он меня застал... Хотел, кажется, стрелять, я насилу убежал...

— Если что меня и удивляет, — заметил Подходцев с самым проницаемым видом, — так это японская ваза.

— О! Я схватил первое, что попало под руку. Я разбил бы ее об его голову, если бы он напал на меня. Я пробежал так три этажа, а он, кажется, гнался за мной... И если бы не подвернулась ваша квартира...

— Кстати! — хлопнул себя по лбу Подходцев. — У вас есть пятьдесят рублей?

— Нет... Двадцать есть. И еще мелочь.

— Мало, — призадумался Подходцев. — Не обернусь. Мне пятьдесят нужно.

— А вы продайте эту вазу, — подмигнул Клинков, очевидно совсем успокоившийся. — Ваза, кажется, не дешевая.

— Удобно ли? Ваза принадлежит любимой женщине...

— Пустяки! Ведь не буду же я возвращать им эту вазу: «Нате, мол, не ваша ли? По ошибке, вместо шляпы захватил...» Да кроме того, я у них оставил своих вещей рублей на пятьдесят.

— Может быть, сходить за ними?

— Боже вас сохрани! Вы его наведете только на след. Это животное размахивает револьвером, будто это простая лайковая перчатка...

— Однако послушайте... Вы покинули на произвол судьбы женщину, оставили ее во власти этого зверя...

— Женщину?! — воскликнул Клинков тоном превосходства. — Вы, очевидно, не знаете женщин вообще, а ее в особенности. Женщина, предоставленная сама себе, от десяти мужей отвергнется безо всякого ущерба.

И закончил тоном записного профессионала:

— Нет, нашему брату куда труднее.

— А все-таки вазу лучше вернуть, — нерешительно промямлил Подходцев.

— Боже вас сохрани! Произошла страшная, но красивая в своем трагизме драма. И вдруг вы ее будете опошлять возвратом какой-то вазы. Ну до вазы ли человеку, у которого сейчас сердце разбито, который разочаровался в женщинах. Продайте ее антиквару, и конец. А пока что — вот вам мои двадцать рублей.

— Позвольте! Они вам самим понадобятся. Вы можете послать на квартиру за другим костюмом и сегодня выйти на улицу. Вы где живете?

— Ах, не спрашивайте, — простонал Клинков.

— Почему?

— Я снимал комнату у сестры того человека, который хотел в меня стрелять...

— Ну?

— И я не могу теперь к ней показаться...

— Вот глупости! Какое ей, в сущности, дело. Муж живет здесь, сестра его в другом месте... Вы просто ее жилец...

— Да, «просто жилец»! Если она узнает от брата, что я ей изменил, она...

Раздался такой взрыв смеха, что даже мрачный Клинков повеселел.

— Вам смешно, а мне, ей-Богу, пока некуда деваться...

В его тоне было столько добродушной беспомощности, что подходцевское сердце растаяло.

— Э, чего там, право. Не вешайте носа. Есть у меня две кровати и диван. Ум хорошо, два лучше, три совсем великолепно, а так как вазой оплачивается целый будущий месяц, то... не будем омрачать наших горизонтов! Вот вам. Клинков, одеяло, подсаживайтесь к столу, вы,

Громов, выньте из-за окна две новых бутылочки, а я, господа, поднимаю этот стакан за людей, которые не вешают носа!

— За что же его вешать, — сказал Клинков, закутываясь в одеяло. — Это было бы жестоко. Мой нос, во всяком случае, этого не заслуживает.

Три стакана наполнились красной влагой, и эта влага была первым цементом, который так крепко спаял трех столь не похожих друг на друга людей.

Разные пути их вдруг причудливо скрестились, и эти три реки — одна тихая, меланхолическая (Громов), другая быстрая, прямая (Подходцев), а третья капризная, непостоянная (Клинков) — слились воедино и потекли отныне по одному руслу...

После третьего стакана было много хохота и возни (Подходцев в лицах представлял первое появление Клинкова), а после четвертого стакана Громов довольно искусно изобразил, как точильщик точит ножи, что навело Клинкова на мысль рассказать не совсем приличный анекдот.

И только ложась спать, все трое с некоторым удивлением отметили, что они как будто созданы друг для друга.

Вот так они и встретились — причудливо, неожиданно и не совсем обычно, с общепринятой точки зрения. Но такова и жизнь — причудливая, полная необычайностей и неожиданностей...

Глава 5

Издательское предприятие

Большая пустынная комната, только по окраинам обставленная кое-какой мебелью, дремлет в сумерках. На одной из кроватей еле виден силуэт крепко спящего человека. То, что он крепко спит, чувствуется по его ровному дыханию и неподвижной позе.

И если бы к нему наклониться ближе, можно было бы увидеть, что во сне он улыбается. Так спать может только человек с чистой совестью.

Это Подходцев.

Его неразлучные товарищи по комнате в совместной жизни — Клинков и Громов — должны быть недалеко, потому что эта троица почти никогда не расстается...

Действительно, не успели еще сумерки сгуститься в темный весенний вечер, как на лестнице раздались два голоса — бархатный баритон Клинкова и звенящий тенор Громова:

— А я тебе говорю, что эта девушка все время смотрела на меня!

— Это ничего не доказывает! В паноптикумах публика больше всего рассматривает не красавицу Клеопатру со змеей, а душительницу детей Марианну Скублинскую!

Не найдя на это ответа, грузный Клинков сердито запыхтел и первым вошел в общую комнату, захлопнув дверь перед самым носом Громова.

— Пусти! — прозвенел Громов, налетая плечом на дверь.

— Проси прощенья, — прогудел голос Клинкова изнутри.

— Ну ладно. Прости, что я тебя назвал идиотом.

— Постой, да ведь ты меня не называл идиотом?

— Я подумал, но это все равно. Пусти! Если не пустишь, встану завтра пораньше и зашью рукава в твоём пиджаке.

— Ну, иди, черт... С тебя станется.

Громов вошел, и тут же оба издали удивленное восклицание:

— Чего это он тут набросал на полу?

— Какие-то бумажки. Может быть, старые письма его возлюбленных...

— Или счета от несчастного портного...

— Или повестки от мирового...

Клинков поднял одну скомканную бумажку, расправил ее и вскрикнул:

— Господи Иисусе! Да ведь это деньги. Пятирублевая бумажка.

— И вот!

— И вот! Я слепну! Я задыхаюсь!

— Да тут их десятки!

— Сотни!

— Зачем он их разбросал тут?

— Я догадываюсь: он хочет нас поразить.

— Знаешь, давай сделаем вид, что мы ничего не замечаем.

— Идет. Эй, Подходцев! Не стыдно ль спать, когда цвет русской интеллигенции бодрствует?! Вставай!

Подходцев проснулся, спустил ноги с кровати, поглядел на бумажки, на спокойные лица товарищей и до глубины души удивился их равнодушию.

— Вы только сейчас вошли?

— Уже минут пять. А что?

— Вы ничего не замечаете?

— Нет. А что?

— На полу-то...

— Что ж на полу... Бумажки какие-то набросаны. Зачем ты соришь, ей-Богу? Что за неряшливость?

— Да вы поглядите, что это за бумажки!! — прогремел Подходцев.

Клинков поднял одну бумажку и в ужасе бросил ее.

— Ой! Деньги! И на них кровь.

— Подходцев... Он умер сразу, или агония у него была мучительная?

— У кого?

— Кого ты убил и ограбил.

— Животное ты! Эти денежки чисты, как декабрьский снег!.. Оказывается, что три дня подряд я снился одной из моих теток... И снился «нехорошо», как она пишет. Думая, что я болен или заточен в тюрьму, она и прислала мне ни с того ни с сего четыреста рублей.

— Что за достойная женщина!

- Завтра же, — сказал Клинков, — я приснюсь своей тетке.
- Да уж... Если бы это от тебя зависело, ты извел бы бедную старуху своими появлениями.
- Что ж ты думаешь делать с этими деньгами?
- Не я, а мы. Деньги общие.
- Нет! — твердо сказал Клинков. — Для общих денег это слишком большая сумма!..
- Но ведь я получил их благодаря вам.
- Каким образом?
- Тетке снилось, что я нехорошо живу. Результат — деньги. Теперь: если я действительно нехорошо живу, то благодаря кому? Благодаря вам. Значит, мы заработали эти деньги все вместе.
- Убийственная логика.
- Верно, за нее убить мало.

Три друга собрали деньги, разгладили их, положили на середину стола и, усевшись вокруг, принялись их рассматривать чрезвычайно пристально.

— Большие деньги, — покачал головой Громов. — Если начать на них пить — можно получить белую горячку, если есть — ожирение сердца и подагру, если тратить на красавиц — общее расстройство организма.

- Следовательно, нужно сделать на них что-нибудь полезное.
- Можно открыть кроличий завод. Выгодное дело!
- Или купить имение с образцовым питомником.
- Или нанять целиком доходный дом и отдавать его под квартиры.
- А почему ты молчишь, Громов?
- Мне пришла в голову мысль, — застенчиво произнес Громов.
- И как же она себя чувствует в этом пустом помещении?
- Мысль такая: давайте, господа, издавать сатирический журнал.

— Я могу только издать удивленный крик, — признался Подходцев, действительно ошеломленный.

— Но ведь это идея, — вдруг расцвел Клинков. — Вы знаете, а может быть, и не знаете, что я довольно недурно рисую карикатуры. Громов пишет прозу и стихи.

— А что же я буду делать? — ревниво спросил Подходцев.
— Ты? Издательская и хозяйственная часть.
— Это будет чрезвычайно приятный журнал.
— И полезный в хозяйстве, — добавил Подходцев, кусая ус.
— Почему?
— Как средство от мух.
— Не понимаю.
— Мухи будутдохнуть от ваших рисунков и стихов.
— Берегись, Подходцев! Мы назовем свой журнал «Апельсин», и тогда ты действительно ничего в нем не поймешь.
— Постойте, постойте, — вскричал Громов, сжимая голову руками. — «Апельсин»... А, ей-Богу, это недурно. Звучно, запоминается и непретенциозно!
— По-моему, тоже, — хлопнул тяжелой рукой по столу Клинков. — Это хорошо: «Газетчик, дайте мне „Апельсин“!»
Громов вскочил, схватил с дивана подушку, приложил ее, как сумку, к своему боку и, приняв позу газетчика, ответил густым басом:
— «Апельсинов» уже нет — все распроданы.
— Что ж ты, дубина, не берешь их больше?
— Да я взял много, но сейчас же все расхватали. Поверите — с руками рвут.
— А ты мне не можешь где-нибудь достать старый номер?
— Трудновато. За рубль — пожалуй.
— Три дам, только достань.
— Слушаю-с, ваше сиятельство.
Эта наглядная интермедия произвела на колебавшегося Подходцева глубокое впечатление.
— Действительно, издавать журнал прелюбопытно. А книжные магазины тоже будут продавать?
— Конечно! — вскричал Клинков. И обратился к Громову: — Скажите, приказчик книжного магазина, у вас имеется «Апельсин»?
Громов зашел за стол, изображавший собою прилавок, и, изогнувшись, ответил:
— «Апельсин»? Сколько номеров прикажете?
— Десять. Хочу послать своей племяннице, брату, еще кое-кому.
— У нас осталось всего три штуки...
— О, добрый приказчик! Дайте мне десять номеров.

— Не могу, — сухо ответил Громов, — на вас не напасешься.

— О, многомилостивый торговец! Сжальтесь надо мной... Жена запретила мне являться домой без десяти номеров «Апельсина».

— Или берите три, или проваливайте.

Клинков упал на колени и, протягивая молитвенно руки, завопил:

— Я утоплюсь, если вы не дадите мне десяти номеров. О, спасите меня!..

И, встав с колен, отряхнул пыль с брюк, обернулся к Подходцеву и сказал другим, более спокойным тоном:

— Так будет в книжных магазинах.

— Значит, публика, по-вашему, заинтересуется им?

— Публика? — подхватил Клинков. — Я себе рисую такую картину...

Он снова упал перед Громовым на колени и, протягивая к нему руки, простонал:

— Марья Петровна! Я люблю вас, будьте моей.

— Хорошо, — пропищал Громов, кокетливо обмахиваясь подушкой.

— Мы будем так счастливы... Будем по вечерам читать «Апельсин».

— А что такое «Апельсин»? — снова пропищал Громов, скорчив бессмысленную физиономию.

— А-а! — свирепо зарычал Клинков. — Вы, Марья Петровна, не знаете что такое «Апельсин»?! В таком случае — черт с вами! Отказываюсь от вас! Навсегда!

— Ах, — вскрикнула «Марья Петровна» и в обмороке упала Подходцеву на руки.

Такая блестящая иллюстрация успеха и значения журнала рассеяла последние колебания Подходцева.

— А денег у нас хватит? — спросил этот деловой малый.

— Конечно! Полтора ста — за бумагу, столько же — типографии, пятьдесят — на клише и остальное на мелкие расходы. Первый же номер даст рублей двести прибыли.

— Evviva, «Apelsino»! — вскричал Клинков. — Господин издатель! Дайте сотруднику десять рублей аванса.

Подходцев развалился на стуле и снисходительно поглядел на Клинкова:

— Ох, уж эти мне сотрудники. Все бы им только авансы да авансы. Ну, нате, возьмите. Только чтобы это было последний раз. И, пожалуйста, не запоздайте с материалом.

Клинков сунул деньги в карман и шаркнул ногой:

— Заведующий художественной частью журнала «Апельсин» приглашает редактора и издателя в ближайший ресторан откусать хлеба-соли, заложив этим, как говорится, фундамент.

Поднимаясь в три часа ночи по лестнице, редакция журнала «Апельсин» делала не совсем уверенные шаги и хором пела следующую, не совсем складную песню:

Мать и брат, отец и сын,
Все читают «Апельсин».
Нищий, дворник, кардинал —
Все читают наш журнал.

А Громов добавлял соло:

Кто же не читает,
Тот —
Идиот,
В «Апельсинах» ничего не понимает!

Глава 6

Деловые люди

Подходцев с утра до вечера носился по типографиям, продавцам бумаги и цинкографиям...

А ночью ему не было покоя.

Будил его заработавшийся за столом Громов:

— Слушай, Подходцев... Ты извини, что я тебя разбудил... Ничего?

— Да уж черт с тобой... Все равно проснулся. Что надо?

— Скажи, хорошая рифма — «водосточная» и «уполномоченная».

— Нет, — призадумавшись, отвечал Подходцев. — Поставь что угодно, но другое: восточная, неурочная, молочная, сочная, потолочная...

— Спасибо, милый. Теперь спи.

Будил и Клинков.

— Подходцев, проснись.

— Что тебе надо?!

— Сними на минутку рубашку.

— Что ты — сечь меня хочешь? — стонал уставший за день Подходцев.

— Нет, мне нужно зарисовать двуглавый мускул. У меня тут в карикатуре борец участвует.

— Попроси Громова.

— Ну, нашел тоже руку... У него кочерга, а не рука...

— О, чтоб вас черти... Ну, на, рисуй скорей.

— Согни руку так... Спасибо, дружище. А может, ты бы встал и надел ботинки?.. У тебя такие красивые. Я рисую светскую сценку, и одна нога у меня какая-то вымученная.

— О, чтоб вы...

А с другой стороны доносился заискивающий голос Громова:

— Подходушка, можно выразиться: «ее розовые губки усмехнулись»?

— Можно! Выражайся. Если вы меня еще раз разбудите — я тоже выразусь!..

Работа кипела.

В одной из комнат типографии лежал правильными пачками свежий, только что вышедший номер «Апельсина».

Это был великий день для трех товарищей. Десятки раз они хватались за номер, перелистывали его, даже внюхивались в запах типографской краски:

— А, ей-Богу, хорошо пахнет. По-моему, прекрасный номер. И рисунки хлесткие, и текст. Хе-хе...

Первый газетчик, который явился за десятком номеров, вызвал самые бурные овации трех друзей.

— Газетчик. Здравствуйте, дружище! У вас давно такое симпатичное лицо?

— А глаза! Прекрасные серые глаза.

— А голос! Если таким голосом сказать покупателю: «Вот, купите этот прекрасный журнал под названием „Апельсин“», — то всякий разорится, а купит!

— Вы, газетчик, держите его на виду. Он оранжевый, и этот цвет даст такие чудесные рефлексy на вашем лице, что вы покажетесь вдвое красивее...

Распропагандировав таким образом несколько газетчиков, вся редакция высыпала на улицу и отправилась бродить по самым людным местам.

У всех трех в руках красовались номера «Апельсина»... Подходцев шел впереди, делал вид, что читает журнал, и время от времени раздражался громким демонстративным смехом.

— Ну и чудачки же! Господи, до чего это смешно.

А Клинков и Громов, шагая сзади и стараясь запутаться в толпу гуляющих, беседовали громче, пожалуй, чем нужно:

— Это новый номер «Апельсина»?

— Да.

— Скажите, это хороший журнал?

— О, прекрасный! Его так расхватывают, что к вечеру, пожалуй, ни одного номера не будет...

— Что вы говорите! Это безумие! Сейчас же побегу, куплю.

— О-ой, — надрывался впереди Подходцев. — Ой, уморили! Ну и юмористы же!

На него поглядывали с некоторым удивлением.

— Читали? — интимно подмигнул он какому-то солидному господину в золотых очках.

— Нет, не читал.

— Напрасно. Такое тупое лицо от чтения хоть немного бы прояснилось.

— Виноват...

— Бог подаст! Я на улице не занимаюсь благотворительностью.

— Как вы смеете?!

Но Подходцев был уже далеко, догоняя ушедших вперед Громова и Клинкова и крича им во все горло:

— Читали новый журнал? Замечательный!

— Как же, как же! Говорят, на Казачьей улице одного газетчика убили и ограбили у него все номера «Апельсина». В некоторых местах уже по рублю продают! В книжных магазинах уже нет!

— Да, — тихо прошептал Подходцев... — Еще бы! В книжных магазинах нет, потому что эти свиньи не берут. Нам, говорят, журналы не интересны.

— Не берут, — еще тише прошептал Клинков. — А мы их заставим!

И скоро стройная организация пошла в обход по всем магазинам.

Первым входил Клинков.

— Есть у вас журнал «Апельсин»?

— Нет, не держим.

— А селедки у вас есть?

— Что-о?

— Да ясно: раз в книжном и журнальном магазине нет журналов — этот магазин, по логике, должен торговать селедками.

Постепенно он разгорячался.

— Как не стыдно, право! Весь город только и говорит, что о журнале, а они, извольте видеть, не держат! А мыло, свечи, гвозди — есть у вас?! Тьфу!

И уходил, хлопнув дверью и вызвав великий восторг и сенсацию среди скользящих покупателей...

Через пять минут входил Громов:

— Есть... «Апельсин»? — спрашивал он умирающим голосом. —
С утра хожу, ищу.

— Нет, извините...

Пошатнувшись, он издавал глухой стон и падал на стойку в глубоком обмороке... Его отпаивали водой, утешали, как могли, обещали, что завтра журнал у них будет, и Громов уходил, предварительно взяв клятву, что его не обманут — усталого доверчивого бедняка...

Через пять минут после него являлся Подходцев.

— Имею честь представиться: управляющий главной конторой журнала «Апельсин»... Хотя вы и отвергли наше телефонное предложение...

— Собственно, мы... гм! Не знали журнала... Теперь, ознакомившись... Вы нам пока десяточка три-четыре пришлите...

Около последнего из намеченных магазинов собрались все трое. Решили устроить самую внушительную демонстрацию, потому что магазин был большой и публики в нем всегда толклось много.

Все трое вошли плечо к плечу, все трое хором спросили: «Есть ли у вас „Апельсин“?», и все трое, услышав отрицательный ответ, в беспомощности повалились на прилавок.

Впечатление было потрясающее.

Глава 7

Конец предприятия

На следующее утро приступили к составлению второго номера.

Подходцев позировал Клинкову для спины Зевса-громовержца, а Громов тщетно подбирал рифму к слову «барышня».

— Поставь вместо барышни — девушку, — участливо посоветовал Подходцев.

— А на девушку, думаешь, есть рифма, — пробормотал Громов и вдруг задрожал: в открытых по случаю духоты дверях стоял околоточный.

— Вы не туда попали, — нерешительно заметил Громов.

— Здесь живет Громов?

— В таком случае вы туда попали. Подходцев! Ведь мы вчера не были пьяны? И не скандалили?

— Нет!

— Так чем же объяснить появление этого вестника горя и слез?

Все трое встали, сдвинулись ближе.

— Вот вам тут бумага из управления. По распоряжению г. управляющего губернией издание сатирического журнала «Апельсин» за его вредное антиправительственное направление — прекращается.

Трое пошатнулись и, не стовариваясь, как по команде упали на пол в глубоком обморочном состоянии.

Это была наглядная аллегория падения всего предприятия, так хорошо налаженного.

Околоточный пожал плечами, положил роковую бумагу на пол и, ступая на носках, вышел из комнаты.

— Почему ты, Клинков, — переворачиваясь на живот, с упреком сказал Подходцев, — не предупредил меня, что мы живем в России?

— Совсем у меня это из головы вон.

— Ну, что ж... Теперь, если приснюсь тетке — буду умнее.

Громов несмело сказал:

— Что ж, господа... Если праздновали рождение — отпразднуем и смерть «Апельсина»...

В этот день пили больше, чем обыкновенно.

Глава 8

Первый праздник, встреченный по-христиански

Все проснулись на своих узких постелях по очереди... Сначала толстый Клинков, на нос которого упал горячий луч солнца, раскрыл рот и чихнул так громко, что гитара на стене загудела в тон и гудела до тех пор, пока спавший под ней Подходцев не раскрыл заспанных глаз.

— Кой черт играете по утрам на гитаре? — спросил он недовольно.

Его голос разбудил спавшего на диване третьего сонливца — Громова.

— Что это за разговоры, черт возьми, — закричал он. — Дадите вы мне спать или нет?

— Это Подходцев, — сказал Клинков. — Все время тут разговаривает.

— Да что ему надо?

— Он уверяет, что ты недалекий человек.

— Верно, — пробурчал Громов, — настолько я недалек, что могу запустить в него ботинком.

Так он и поступил.

— А ты и поверил? — вскричал Подходцев, прячась под одеяло. — Это Клинков о тебе такого мнения, а не я.

— Для Клинкова есть другой ботинок, — возразил Громов. — Получай, Клинище!

— А теперь, когда ты уже расшвырял ботинки, я скажу тебе правду: ты не недалекий человек, а просто кретин.

— Нет, это не я кретин, а ты, — сказал Громов, не подкрепляя, однако, своего мнения никакими доказательствами...

— Однако вы тонко изучили друг друга, — хрипло рассмеялся толстяк Клинков, который всегда стремился сравнить двух друзей и потом любовался издали на их препирательства. — Оба кретины. У людей знакомые бывают на крестинах, а у нас на крестинах. Хо-хо!

Подходцев, если у тебя есть карандаш, — запиши этот каламбур. За него в том журнале, где я сотрудничаю, кое-что дадут.

— По тумачу за строчку — самый приличный гонорар. Чего это колокола так раззвонились? Пожар, что ли?

— Грязное невежество: не пожар, а Страстная суббота. Завтра, милые мои, Светлое Христово Воскресенье. Конечно, вам все равно, потому что души ваши давно запроданы дьяволу, а моей душеньке тоскливо и грустно, ибо я принужден проводить эти светлые дни с отбросами каторги. О, мама, мама! Далеко ты сейчас со своими куличами, крашеными яйцами и жареным барашком. Бедная женщина!

— Действительно, бедная, — вздохнул Подходцев. — Ей не повезло в детях.

— А что, миленькие: хорошая вещь — детство. Помню я, как меня наряжали в голубую рубашечку, бархатные панталоны и вели к Плащанице. Постился, говел... Потом ходили святить куличи. Удивительное чувство, когда священник впервые скажет: «Христос Воскресе!»

— Не расстраивай меня, — простонал Громов, — а то я заплачу.

— Разве вы люди? Вы свиньи. Живем мы, как черт знает что, а вам и горюшка мало. В вас нет стремления к лучшей жизни, к чистой, уютной обстановке, — нет в вас этого. Когда я жил у мамы, помню чистые скатерти, серебро на столе.

— Ну, если ты там вертелся близко, то на другой день суп и жаркое ели ломбардными квитанциями.

— Врете, я чистый, порядочный юноша. А что, господа, давайте устроим Пасху, как у людей. С куличами, с накрытым столом и со всей вообще празднично-буржуазной, уютной обстановкой.

— У нас из буржуазной обстановки есть всего одна вилка. Много ли в ней уюта?

— Ничего, главное — стол. Покрасим яйца, испечем куличи...

— А ты умеешь?

— По книжке можно. У нас две ножки шкафа подперты толстой поваренной книгой.

— Здорово удумано, — крикнул Подходцев. — В конце концов, что мы не такие люди, как все, что ли?

— Даже гораздо лучше.

Луч солнца освещал следующую картину: Подходцев и Громов сидели на полу у небольшой кадочки, в которую было насыпано муки чуть не доверху, и ожесточенно спорили.

Сбоку стояла корзина с яйцами, лежал кусок масла, ваниль и какие-то таинственные пакетики.

— Как твоя бедная голова выдерживает такие мозги, — кричал Громов, потрясая поваренной книгой. — Откуда ты взял, что ваниль распустится в воде, когда она — растение.

— Сам ты растение дубовой породы. Ваниль не растение, а препарат.

— Препарат чего?

— Препарат ванили.

— Так... Ваниль — препарат ванили. Подходцев — препарат Подходцева. Голова твоя препарат телячьей головы...

— Нет, ты не кричи, а объясни мне вот что: почему я должен сначала «взять лучше крупитчатой муки 3 фунта, развести 4-мя стаканами кипяченого молока», проделать с этими 3-мя фунтами тысячу разных вещей, а потом, по словам самоучителя, «когда тесто поднимется, добавить еще полтора фунта муки»? Почему не сразу 4 1/2 фунта?

— Раз сказано, значит, так надо.

— Извини, пожалуйста, если ты так глуп, что принимаешь всякую печатную болтовню на веру, то я не таков! Я оставляю за собой право критики.

— Да что ты, кухарка, что ли?

— Я не кухарка, но логически мыслить могу. Затем — что значит: «30 желтков, растертых добела»? Желток есть желток, и его, в крайнем случае, можно растереть дожелта.

Громов подумал и потом высказал робкое, нерешительное предположение:

— Может, тут ошибка? Не «растертые» добела, а «раскаленные» добела?

— Знаешь, ты, по-моему, выше Юлия Цезаря по своему положению. Того убил Брут, а тебя сам Бог убил. Ты должен отойти куда-нибудь в уголок и там гордиться. Раскаленные желтки! А почему тут сказано о «растопленном, но остывшем сливочном масле»? Где

смысл, где логика? Понимать ли это в том смысле, что оно жидкое, нехолодное, или что оно должно затвердеть? Тогда зачем его растапливать? Боже, Боже, как это все странно!

Дверь скрипнула в тот самый момент, когда Громов, раздраженный туманностью поваренной книги, вырвал из нее лист «о куличах» и бросил его в кадочку с мукой.

— На! Теперь это все перемешай!

...Дверь скрипнула, и на пороге появился смущенный Клинков. Не входя в комнату и пытаясь заслонить своей широкой фигурой что-то, прятавшееся сзади него и увенчанное красными перьями, — он разочарованно пролепетал:

— Как... вы уже вернулись? А я думал, что вы еще часок прошатаетесь по рынку.

— А что? Да входи... Чего ты боишься?

— Да уж лучше я не войду...

— Да почему же?

За спиной Клинкова раздался смех, и красные перья закачались.

— Вот видишь, — сказал женский голос. — Я тебе говорила — не надо. Такой день нынче, а ты пристал — пойдем да пойдем!.. Ей-Богу, бесстыдник.

— Клинков, Клинков, — укоризненно воскликнул Подходцев. — Когда же ты наконец перестанешь распутничать? Сам же затеял это пасхальное торжество и сам же среди бела дня приводишь жрицу свободной любви...

— Нашли жрицу, — сказала женщина, входя в комнату и осматриваясь. — Со вчерашнего дня жрать было нечего.

— Bravo! — закричал Клинков, желая рассеять общее недовольство. — Она тоже каламбурит!! Подходцев, запиши — продадим.

— У человека нет ничего святого, — сурово сказал Громов. — Сударыня, нечего делать, присядьте, отдохните, если вы никуда не спешите.

— Господи! Куда же мне спешить, — улыбнулась эта легкомысленная девица. — Куда, спрашивается, спешить, если меня хозяйка вчера совсем из квартиры выставила?

— Весна — сезон выставок, — сострил Клинков, снимая пальто. — Подходцев, запиши. Я разорю этим лучшую редакцию

столицы. Ах, как мне жаль, Маруся, что я не могу оказать вам того гостеприимства, на которое вы рассчитывали.

— Уйдите вы, — сердито сказала Маруся, нерешительно присаживаясь на кровать. — Ни на что я не рассчитывала. Отдохну и пойду.

Взгляд ее упал на кадочку с мукой, и она широко раскрыла глаза.

— Ой! Это что вы, господа, делаете?

— Куличи, — серьезно ответил Громов, поднимая измазанное мукой лицо. — Только у нас, знаете ли, не ладится...

— Видишь ли, Маруся, — важно заявил Клинков. — Мы решили отпраздновать праздник святой Пасхи по-настоящему. Мы — буржуи!

Маруся встала, осмотрела кадочку и сказала чрезвычайно озабоченно:

— Эх, вы! Кто ж так куличи делает. Высыпайте обратно муку. Хотите, я вам замешу?

Громов удивился.

— Да разве вы умеете?

— Вот тебе раз! Да как же не уметь!

— Уважаемая, достойная Маруся, — обрадовался совершенно измученный загадочностью поварской книги Подходцев. — Вы нас чрезвычайно обяжете...

Увидев такой оборот дела, сконфуженный сначала Клинков принял теперь очень нахальный вид. Заложил руки в карманы и процедил сквозь зубы:

— Теперь вы, господа, понимаете, для чего я ее привел?

— Лучше молчи, пока я тебя не ударил по голове этой лопаткой. По распущенности ты превзошел Гелиога-бала!

— Да, пожалуй... — подтвердил самодовольно Клинков. — Во мне сидит римлянин времен упадка.

— Нечего сказать, хорошенькое помещение он себе выбрал. Разведи-ка в этой баночке краску для яиц.

Римлянин времен упадка покорно взял пакетики с краской и отошел в угол, а Подходцев и Громов, предоставив гостю все куличные припасы, стали суетиться около стола.

— Накроем пока стол. Скатерть чистая есть?

— Вот есть... Какая-то черная. Только на ней, к сожалению, маленькое белое пятно.

— Милый мой, ты смотришь на эту вещь негативно. Это белая скатерть, но сплошь залитая чернилами, кроме этого белого места. И, конечно, залил ее Клинков. Он всюду постарается.

— Да уж, — отозвался из угла Клинков, поймавший только последнюю фразу. — Я всегда стараюсь. Я старательный. А вы всегда на меня кричите. Вон Марусю привел. Маруся, поцелуй меня.

— Уйди, уйди, не лезь. Заберите его от меня, или я его вымажу тестом.

Вдруг Подходцев застонал.

— Эх, черррт! Сломался!

— Что?

— Ключ от сардинок. Я попробовал открыть.

— Значит, пропала коробка, — ахнул Громов. — Теперь уж ничего не сделаешь. Помнишь, у нас тоже этак сломался ключ... Мы пробовали открыть ногтями, потом стучали по коробке каблуками, бросали на пол, думая, что она разобьется. Исковеркали — так и пропала коробка...

— И глупо, — отозвался Клинков. — Я тогда же предлагал подложить ее на рельсы, под колесо трамвая. В этих случаях самое верное — трамвай.

— Давайте, я открою, — сказала озабоченная Маруся, отрываясь от места.

— Видите, какая она у меня умница, — вскричал Клинков. — Я знал, что с сардинами что-нибудь случится, и привел ее.

— Отстань! Подходцев, режь колбасу. Знаешь, можно ее этаким звездочкой разложить. Красиво!

— Ножа нет, — сказал Подходцев.

— Можно без ножа, — посоветовал Клинков. — Взять просто откусить кусок и выплюнуть, откусить и выплюнуть, откусить и выплюнуть. Так и нарежем.

— Ничего другого не остается. Кто же этим займется?

Клинков категорически заявил:

— Конечно, я.

— Почему же ты, — поморщился Подходцев. — Уж лучше я.

— Или я!

— Неужели у вас нет ножа? — удивилась Маруся.

Подходцев задумчиво покачал головой.

— Был прекрасный нож. Но пришел этот мошенник Харченко и взял его якобы для того, чтобы убить свою любовницу, которая ему изменила. Любовницы не убил, а просто замошенничал ножик.

— И штопор был; и штопора нет.

— Где же он?

— Неужели ты не знаешь? Клинков погубил штопор; ему, после обильных возлияний, пришла на улице в голову мысль: откупорить земной шар.

— Вот свинья-то. Как же он это сделал?

— Вынул штопор и стал ввинчивать в деревянную тротуарную тумбу. Это, говорит, пробка, и я, говорит, откупорю земной шар.

— Неужели я это сделал? — с сомнением спросил Клинков.

— Конечно. На прошлой неделе. Уж я не говорю о рюмках — все перебиты. И перебил Клинков.

— Все я да я... Впрочем, братцы, обо мне не думайте: я буду пить из чернильницы.

— Нет, чернильница моя, — ты можешь взять себе пепельницу. Или сделай из бумаги трубочку.

Маруся с изумлением слушала эти странные разговоры; потом вытерла руки о фартук, сооруженный из наволочки, и, взяв карандаш и бумагу, молча стала писать...

— Каламбур записываешь? — спросил Клинков.

— Я записала тут, что купить надо. Вилки, ножей, штопор, рюмки и тарелки. Покупайте посуду, где брак, — там дешевле... Всего рубля на четыре выйдет.

— Дай денег, — обратился Клинков к Подходцеву.

— Что ты, милый? Я последние за муку отдал.

— Ну, ты дай.

— Я тоже все истратил. Да ведь у тебя должны быть?

Клинков смущенно приблизил бумагу к глазам и сказал:

— Едва ли по этой записке отпустят.

— Почему?

— Тарелка через «ять» написана. Потом «периц» через «и». Такого перца ни в одной лавке не найдешь.

— Клинков! — сурово сказал Подходцев. — Ты что-то подозрительно завертелся! Куда ты дел деньги, а?

— Никуда. Вон они. Видишь — пять рублей.

— Так за чем же остановка?

— Видите ли, — смутился Клинков, — я думаю, что эти деньги... я... должен... отдать... Марусе...

— Мне? — искренно удивилась Маруся. — За что?

— Ну... ты понимаешь... по справедливости... я же тебя привел... оторвал от дела...

— И верно! — сухо сказал Подходцев. — Отдай ей.

Маруся вдруг засуетилась, сняла с себя фартук, одернула засученные рукава, схватила шляпу и стала надевать ее дрожащими руками.

— До свиданья... я пойду... я не думала, что вы так... А вы... Скверно! Стыдно вам.

— Подходцев дурак и Клинков дурак, — решительно заявил Громов. — Маруся! Мы вас просим остаться. Деньги эти, конечно, пойдут на покупку ножей и прочих тарелок, и я надеюсь, что мы вместе разоведемся, мы с вами куличом, а эти два осла — сеном.

— Ура! — вскричал Клинков. — Дай я тебя поцелую.

— Отстаньте... — улыбнулась сквозь слезы огорченная гостья. — Вы лучше мне покажите, где печь куличи-то.

— О, моя путеводная звезда! Конечно, у хозяйки! У нее этакая печь есть, в которой даже нас, трех отроков, можно изжарить. Мэджи! Вашу руку, достойнейшая, — я вас провожу к хозяйке.

Когда они вышли, Громов сказал задумчиво:

— В сущности, очень порядочная девушка.

— Да... А Клинков осел.

— Конечно. Это не мешает ему быть ослом. Как ты думаешь, она не нарушит ансамбля, если мы ее попросим освятить в церкви кулич и потом разговестись с нами?

— Почему же... Ведь ты сам же говорил, что она порядочная девушка.

— А Клинков осел. Верно?

— Клинков, конечно, осел. Смотреть на него противно.

А поздно ночью, когда все трое, язва, по обыкновению, друг друга, валялись одетые в кроватях в ожидании свяченого кулича, — кулич пришел под бодрый звон колоколов — кулич, увенчанный

розаном и несомый разрумьянившейся Марусей, «вторым розаном», как ее галантно назвал Клинков.

Друзья радостно вскочили и бросились к Марусе. Она степенно похристосовалась с торжественно настроенным Подходцевым и Громовым, а с Клинковым отказалась, — на том основании, что он не умеет целоваться как следует.

— Да, — хвастливо подмигнул распутный Клинков. — Мои поцелуи не для этого случая. Не для Пасхи-с! Хе-хе! Позвольте хоть ручку.

Желание его было исполнено не только Марусей, но и двумя товарищами, сунувшими ему под нос свои руки.

Этой шуткой торжественность минуты была немного нарушена, но когда уселись за стол и чокнулись вином из настоящих стаканов, заедая настоящим свяченым куличом, — снова праздничное настроение воцарилось в комнате, освещенной лучами рассвета.

— Какой шик! — воскликнул Клинков, ощупывая новенькую, накрахмаленную скатерть. — У нас совсем как в приличных буржуазных домах.

— Да... настоящая приличная чопорная семья на четыре персоны!

И все четверо серьезно кивнули головами, упустив из виду, что никогда приличная чопорная семья не допустит посадить за одним столом с собою безработную проститутку.

Глава 9

Нехороший Харченко

Это была очень печальная осень: мокрая, грязная и безденежная...

Сидя верхом на стуле, Подходцев говорил:

— Безобразие, которому имени нет. Свет изменился к худшему. Все проваливается в пропасть, народ нищает, все капиталы скопляются в руках нескольких лиц, а мы не имеем даже пяти рублей, чтобы принять и угостить как следует нашего дорогого гостя.

«Дорогой гость» Громов лежал тут же, на кровати.

Сейчас же после Пасхи — «первой буржуазной Пасхи» — как называл ее Клинков, Громов уехал на завод летним практикантом. Все лето Подходцев и Клинков вели жизнь сиротливую, унылую, забрасывали «практиканта» письмами, наполненными самыми чудовищными советами, наставлениями и указаниями по поводу ведения дел на заводе, заклинали Громова возвратиться поскорей, а в последнем письме написали, что доктора приговорили Клинка к смерти и что приговоренный хотел бы испустить последний вздох на груди друга («Если грудь у тебя еще не стерлась от работы», — добавлял Подходцев...). Этого Громов не мог больше выдержать: ликвидировал свои заводские дела и вихрем прилетел в теплое гнездо. Случилось так, что к моменту его приезда все средства друзей пришли в упадок, и только этим можно было объяснить ту мрачную окраску, которую принял разговор. Выслушав Подходцева, Громов сделал рукой умиротворяющий жест и добродушно сказал:

— О, стоит ли обо мне так заботиться... Пара бутылок шампанского, котлетка из дичи да скромная прогулка на автомобиле — и я совершенно буду удовлетворен.

Подходцев, не слушая его, продолжал плакаться.

— Что делать? Где выход? Впереди зияющая бездна нищеты, сзади — разгул, пороки и кутежи, расстроившие мое здоровье...

— Чего ты, собственно, хочешь? — спросил его, кусая ногти, толстый Клинков.

— Я хотел бы и дальше расстраивать свое здоровье кутежами.

— Что-то теперь делает этот болван Харченко? — вспомнил Клинков.

— Ты говоришь об этом жирном пошляке Харченко?

После этого Клинков и Подходцев принялись ругать Харченко. Стоило им только вспомнить о Харченко, как они принимались его ругать. Ругать Харченко — был хороший тон компании, это был клапан, с помощью которого облегчалось всеобщее раздражение и негодование на жизнь.

— Жирная, скупая свинья!

— Богатый, толстокожий хам.

— Конечно, это ясно. Он пользуется нашим обществом бесплатно.

— Давай брать с него по пяти рублей за встречу, — предложил Клинков.

— Или лучше — полтора рубля в час. По таксе, как у посыльных.

— Это баснословно дешево. Подумать — такое общество.

— Кто Харченко? — спросил гость Громов.

— Харченко? О-о, это штука. Мы с ним за лето успели познакомиться как следует и уже хорошо изучили... Папенькин сынок, недалекий парень. Ему отец присылает триста рублей в месяц, и он проживает все это один, тайком, прячась от друзей, попивая в одиночестве дорогие ликеры, покуривая сигары и закатывая себе блестящие пиры. Он любит нас, потому что мы веселые, умные, щедрые, когда есть деньги, люди... Он частенько вползает в нашу компанию, но как только у компании деньги исчерпаны — он выползает из компании.

— Так он, значит, нехороший человек?

— Да, Громов. Нехороший.

— Так... Нехороших людей надо наказывать. Сведите меня к нему, познакомьте. Устроим ему какую-нибудь неприятность.

— Следует. Ты обратил внимание, Клинков, что в компанию к нам он всегда лезет, наше изящное, остроумное общество забавляет его, а как только дело коснется того, чтобы выпить с нами бутылочку винца и погулять в тот период, когда мы «в упадке», — он сейчас же назад.

— Давай надуем его. Скажем, что ты англичанин и ни слова не понимаешь по-русски. Пусть помучается.

— Слабо, — возразил Громов. — Постойте.

Он встал и сжал руками голову так крепко, что в ней родилась мысль... Он сказал:

— Вот что ему нужно сделать...

Глава 10

Первое наказание Харченки

Харченко занимал маленький особняк из трех комнат, с парадным входом на Гольй переулок. Переулок этот кончался каким-то оврагом, заросшим сорной травой, и «вообще», как говорил Подходцев, «это место пользовалось дурной славой, потому что здесь жил Харченко...»

Шли шумно, весело, в ногу, громко, на удивление прохожих, напевая какой-то солдатский марш.

Харченко был дома.

— Здравствуй, Витечка, — ласково приветствовал его Подходцев. — Как твоё здоровье?

— А-а, веселые ребята! Здравствуйте. Чайку хотите?

— Ты нас извини, Витя, но мы к тебе с одним человечком. Вот, познакомьтесь.

Харченко протянул Громову руку; тот схватил ее, крепко сжал и неожиданно залепетал:

— А-бб-а... Мму...

— Что это он? — испугался Харченко.

— Глухонемой. Ты его не бойся, Витя. Он из Новочеркаска приехал.

— Да зачем вы его привели ко мне?

— А куда его девать? Второй день как пристал к нам — вот возимся.

— Вот несчастный, — сказал сострадательно Харченко, осматривая Громова. — Неужели ничего не понимает?

— Ни крошечки.

— Гм... И глаза у него мутные-мутные. Совершенно бессмысленные. И ему тоже дать чаю?

— И ему дай. Только ты с ним, Витя, не особенно церемонься... Налей ему чаю в какую-нибудь коробочку и поставь в уголку. Он ведь как животное — ничего не соображает.

— А он... не кусается? — спросил, морщась, Харченко.

— Ну, Витенька... Ты форменный глупец... Где же это видано, чтобы глухонемые кусались? Ты только не дразни его.

— Черт знает! Очень нужно было приводить его. Эй, ты!.. А-бб-а! Иди сюда. Куш тут.

Харченко был действительно человеком без стыда и совести... Он налил чаю в большую чашку с отбитым краем, бросил в нее кусок сахара и поставил в уголку на стуле, указал на нее Громову.

— А-вввв-в... Хххх... — залепетал беспомощно Громов и замахал руками перед лицом Харченки.

— Что он?! — закричал испуганно Харченко.

— Сахару ему мало положил. Не скупись, Витя. Разве ты не знаешь, что глухонемые страшно любят сахар?

Как будто в подтверждение этих слов, Громов подскочил к столу, запустил руку в сахарницу и, вытащив несколько кусков, набил ими рот и карманы.

— Видишь? — прищурился Подходцев.

— Да что это вы, братцы, — возмутился Харченко, — привели черт знает кого!.. Скажи ему, Подходцев, чтобы он сидел смирно и пил свой чай.

— А-бб-а! — закричал Подходцев, давая Громову пинок. — Ты! Сиди там! Куш! Пей это... чай... понимаешь? Дубье новочеркасское!

Громов покорно отошел в уголок, сел на пол и, склонив голову, стал тянуть из своей громадной чашки чай. Нерастаявшие куски сахара вылавливал руками и, причмокивая, ел с громким хрустеньем.

— Форменная обезьяна, — покачал головой Харченко и обратился к Подходцеву: — Что поддельваете, ребята?

— Ничего, Витечка. Занимаемся, книжечки читаем, по бульварчикам гуляем, котлетки в ресторанчиках кушаем.

Замолчали. Наступила многозначительная пауза. Подходцев вдруг крякнул и спросил с места в карьер, безо всяких приготовлений:

— Скажи, Витечка, ты никогда не травил мышей?

— Не травил, — отвечал Харченко. — А что?

— Да, понимаешь, завелись у нас в квартире мыши. Купил я сейчас отравы, а как им ее давать — не знаю.

— А какая отравка?

— Да вот, взгляни.

Подходцев вынул из кармана маленький сверток с белым порошком и, развернув его, положил на стол.

— Как же это называется?

— Это, Витенька, вещь вредная, ядовитая. Мышьяковистое соединение.

Глухонемой Громов стал на ноги, поставил пустую чашку в уголок, приблизился к столу и, увидав белый порошок, с радостным, бессмысленным криком бросился на него.

— Что он делает?! — вскочил Харченко.

Было поздно... Громов схватил горсть «мышьяковистого соединения» и с довольным визгом, кривляясь, отправил его в широко открытую пасть.

— Сахар!!! — в ужасе вскричал Подходцев. — Он думает, что это сахар!!! Остановите его...

Харченко бросился к Громову, но на пути ему попался Клинков; он обхватил руками шею Харченки и заголосил:

— Витенька, миленький, что же мы наделали?!

— Пусти! — бешено крикнул Харченко и, оттолкнув прилипшего к нему Клинка, нагнулся к Громову.

Громов лежал на ковре, пуская изо рта пузыри, и смотрел на Витю закатившимся белым глазом. Грудь и живот его с хрипом поднялись несколько раз и опали... По всему телу прошла судорога, ноги забились о ковер и — Громов затих.

Картина смерти была тяжелая, потрясающая...

Подходцев встал на колени, прислонил ухо к груди усопшего, перекрестился и, обратив на Витю полные ужаса глаза, шепнул:

— Готов.

Затем, сняв со стены зеркало и приложив его ко рту усопшего обратной деревянной стороной, благоговейно повторил:

— Готов.

Харченко захныкал.

— Что вы наделали!.. Зачем вы его привели?.. Это вы его отравили! Яд был ваш!

— Молчи, дурак. Никто его не травил. Сам он отравился. Клинков, положим его на диван. Дай-ка, Витя, простыню... Надо закрыть его. Гм... Действительно! В пренеприятную историю влопались.

— Что же теперь будет? — в ужасе прошептал Харченко, стараясь не глядеть на покойника.

— Особенного, конечно, ничего, — успокоительно сказал Подходцев. — Ну, полежит у тебя до утра, а утром пойдешь, заяви в участок. Ты не бойся, Витя. Все равно улики против тебя нет. Продержат несколько месяцев в тюрьме, да и выпустят.

— За... что? В... тюрьму?

— Как за что? Подумай сам: у тебя в квартире находят отравленного человека. Кто? Что? Неизвестно. Что ты скажешь? Что мы его привели? Мы заявим, что и не видели тебя, и никого к тебе не приводили. Не правда ли, Клинков?

— Конечно. Что нам за расчет... Своя рубашка к телу ближе.

— А ты, Витя, уж выпутывайся, как знаешь, — жестко засмеялся Подходцев. — Можешь, впрочем, разрезать его на куски и закопать в овраге. Пойдем, Клинков.

— Братцы! Господа! Товарищи! Куда же вы?! Как же?..

— Какие мы тебе товарищи, — сурово сказал Подходцев. — Пусти! Идем, Клинков.

— Нет, я не пущу вас, — закричал Харченко, наваливаясь на дверь. — Я боюсь. Вы его привели, вы и забирайте.

— Вот дурак... Чего тебе бояться? Ты привилегированный и получишь отдельную камеру; обед будешь покупать на свои деньги. Да, пожалуй, и отец возьмет тебя на поруки.

— Я покойника боюсь, — рыдая, завопил Харченко.

— По-кой-ни-ка? Не надо был травить его, и не боялся бы.

— Товарищи!!! Миленькие! Заберите его... что хотите — отдам.

— Вот чудак-человек... Куда же мы его возьмем? Можно было бы на извозчика его взвалить да вывезти куда-нибудь за город и бросить... Но ведь извозчик-то даром не поедет!

— Конечно! — поддержал Клинков. — А у нас денег нет.

— Ну, сколько вам нужно?.. — обрадовался Витя. — Я дам. Три рубля довольно?

— Слышишь, Подходцев, — горько усмехнулся Клинков. — Три рубля. Пойдем, Подходцев... Три рубля! Ты бы еще по таксе предложил заплатить...

Стали торговаться. Несмотря на трагизм момента, Харченко обнаружил невероятную скупость, и когда друзья заломили цену сто

рублей — он едва не упал мертвый рядом с покойником...

Сошлись на сорока рублях и трех бутылках вина. Вино, по объяснению Подходцева, было необходимо для того, чтобы залить воспоминание о страшном приключении и заглушить укоры совести.

Подходцев взвалил покойника Клинкову на спину, подошел к Харченко, получил плату и, пожимая ему руку, внушительно сказал:

— Только чтобы все — между нами! Чтобы ни одна душа не знала! А то: гнить нам всем в тюрьме.

— Ладно, — нервно содрогаясь, простонал Харченко. — Только уходите!

Вышли в пустынный переулок... Впереди шел Клинков с глухонемым на спине, сзади Подходцев с выторгованным вином.

Отошли шагов двадцать...

— Опустите меня, — попросил покойник. — Меня после сахара мучает страшная жажда. У кого вино?

— Есть! — звякнул бутылками Подходцев. — В овраг, панове!

Возвращались в город поздним вечером.

— Меня мучает голод, который не тетка, — заявил Громов.

— К «Золотому Якорю»? — лаконически спросил Клинков Подходцева.

— Туда.

Ресторанчик «Золотой Якорь» помещался в подвальном этаже большого дома. Был он мал, дешев, изобиловал винами, славился своими специальными блюдами и категорической прямизной мрачного, неразговорчивого хозяина.

Три друга вошли в боковую комнатку и велели вызвать неразговорчивого хозяина.

— Здравствуйте, хозяин, — небрежно кивнул головой Подходцев. — Мы были должны вам десять рублей, на которые вы, по вашему же выражению, «махнули рукой». Пусть же эта ваша рука, вместо таких беспочвенных жестов, сделает жест, более соответствующий ее назначению. Хозяин! Протяните руку.

На протянутую руку хозяина легло восемь золотых монет.

— Хозяин! Две штучки в расчет, шесть штучек — по нашим указаниям! Хозяин! Я и мои друзья — народ все упрямый, непоколебимый, с твердым, настойчивым характером. Если эти деньги будут у нас — мы их сегодня же прикончим. А вы человек

слабохарактерный, мягкий, безвольный, и сам черт не выдерет у вас этих монет, когда они к вам попадут. Поэтому забирайте их и кормите нас, покуда хватит. Я думаю, дней пять мы здесь протянем... А когда деньги кончатся — заявите нам об этом в мягкой, деликатной форме.

Каменное лицо хозяина не пошевелилось. Он сунул деньги в карман и, волоча ноги, ушел.

Маленькая, темная комната освещалась тусклой лампой. На столе вместо скатерти лежала клеенка, над головами навис тяжелый каменный свод... И, тем не менее Подходцев, развалившись на диване, заявил:

— Какая чудесная погода!

Глава 11

Случай с Клинковым. Закат пышного солнца

Несколько дней прокатились над отуманенными успехом и вином головами трех друзей.

...Они сидели в мрачной комнатке ресторана «Золотой Якорь» и вели веселую непринужденную беседу обо всем, что приходило на ум.

— Наша беда в том, — заявил Подходцев, — что мы мало времени вращаемся в светском изысканном обществе. Мы дичаем, и нравы наши грубеют.

Громов рассмеялся.

— Это верно! Недавно я попал случайно в большое, чрезвычайно приличное общество, где было много дам. Я чувствовал себя отвратительным, угрюмым кабацким гулякой, а дамы казались мне такими чистыми, светлыми... ангелами из другого мира. Когда одна из них спросила меня — жива ли моя матушка? — я был так растроган, что чуть не заплакал...

— Более странная история случилась со мной, — перебил Клинков. — Надо вам сказать, братцы, что я пользуюсь у женщин необычайным успехом... Правда, женщины эти — горничные, хорошенькие прачки, приносившие мне белье, а в лучшем случае — какие-нибудь девицы из «Эльдорадо», которым нравится мой внушительный вид и благородство жестов. Но я человек нетребовательный и довольствуюсь малым — прачка так прачка, девица так девица... Ей-Богу. И вот, вращаясь все время в этом обществе, попал я однажды на именины к одному видному человеку. Вам все равно, кто он такой... Важный такой старик, имеет единственную дочь барышню. Выпил я за столом несколько стаканов разных напитков, а потом пошел в маленькую комнатку рядом с гостиной, сел на диван, да и давай рассматривать книжку с картинками. Смотрю, эта девица, дочка-то, вошла, смотрит на меня, потом села около, «Как вам, — говорит, — нравится этот рисунок?» — «Забавный», — отвечаю я и в то же самое время машинально (такая уж у меня выработалась привычка с женщинами) кладу свою руку на ее талию... Она вздрогнула, изумленно смотрит на меня: «Что вы это?»

Что такое?!» Я ничего не понимаю, спрашиваю рассеянно, с легким недоумением: «А что? Что случилось?» Тут только я сообразил... Отдернул руку, будто оса ее ужалила, стал извиняться. «Извините, — говорю, — машинально!» Она сначала рассердилась, потом стала расспрашивать: «что за странная машинальность?» Я и объяснил ей откровенно: «видите ли, мне, собственно, не особенно и хотелось обнять вас — устал я от всего этого, — но как-то все-таки странным и невежливым казалось — сидеть рядом и не обнять. Войдите в мое положение: ведь с приличными, порядочными женщинами мне не приходилось сидеть...»

— Что ж она? — спросил Подходцев.

— Ничего. Пожалела... «Бедный вы, — говорит. — Вас спасти бы надо...» Выпьем за ее здоровье, братцы.

— Эй, кравчий, — крикнул Подходцев, властно хлопнув в ладоши. — Две бутылки вина и три порции фаршированных помидоров.

Слуга кивнул головой и убежал. Через пять минут он явился с громадным подносом, на котором стоял крошечный стакан вина и одна фаршированная помидорка.

— Это... что... такое?.. — с грозным изумлением вскочил Подходцев.

— Не знаю-с. Хозяин дали.

Все трое переглянулись.

— Баста, — засмеялся Громов. — Хозяин — машина хорошая и действует автоматически. Очевидно, наш капитал кончился на этой помидоре. Нельзя было более деликатно намекнуть об этом. Из тридцати рублей осталось копеек двенадцать. Щелк — и машинка захлопнулась!

— Позови хозяина, кравчий! Посмотрим в глаза опасности. А, хозяин! Здравствуйте, хозяин! Здоровы, хозяин? Ну, дорогой хозяин... Говорите прямо, мы приготовились к самому худшему. Ну что — уже?

— Уже, — заявил хозяин, бесчувственно и равнодушно осматривая потолок.

— Ладно. Будем же мужественны, панове! Берите ваши шапки и пойдем. Место богатым! Место миллионерам, черт возьми!!

...Через пять минут друзья очутились уже на свежем воздухе, искоса с лукавыми улыбками поглядывая друг на друга...

Глава 12

Второе наказание Харченки

Так как в душе у всех чувствовалась некоторая пустота, то все первым долгом принялись, по своему обыкновению, ругать Харченку.

— Экий подлец этот Харченко...

— А! Ты говоришь об этой порочной свинье? Стоит ли говорить о нем?!

— Скуп и глуп.

— Вот уж — что верно, то верно. Подумайте, если бы он дал за глухонемого не сорок, а семьдесят или восемьдесят рублей — мы бы жили-поживали еще недельку.

— Да уж... от этого человека дожидаться чего-нибудь! Как же! Подумать только — вынесли покойника, рисковали будущностью, прятали концы в воду — и все-то за какие-то сорок рублей. Сорок рублей за сокрытие трупа!

Труп неодобрительно заявил:

— Конечно, он обошел вас — ясно, как день. Вы продешевили. Я еще тогда же собирался сказать вам это, когда лежал на диване под простыней, да только не хотелось обесценивать предприятия.

— Да... продешевили. Надо сознаться. Ты не знаешь, Громов, сколько вообще берут за сокрытие мертвых тел?

— Разно... Смотря по телу... Конечно, глухонемые дешевле, но ведь не сорок же рублей?! Я должен стоять до ста.

— Гм... Жалко... Может, подбросить тебя к нему снова?

— Нет. Я могу быть глухонемым, могу сделаться на короткое время трупом, но разложившимся трупом сделаться невозможно. Это удается только раз в жизни и — безвозвратно.

— Что же делать?

— Нужно вернуть свои деньги, — сказал Громов серьезно. — Идите сейчас к Харченке и ждите меня... не смущайтесь и не ахайте, когда я войду — не в усах счастье.

Он сделал друзьям приветственный жест и исчез за углом.

— Пойдем к этому мошеннику, — сказал Подходцев. — Интересно, как он себя чувствует.

Мошенник Харченко чувствовал себя неважно. Он лежал на кровати и читал какую-то книгу. Не особенно обрадовался неожиданным гостям.

— Куда вы пропали? Я ждал, беспокоился... А он где?

— Здравствуй, Витечка. Ну, как твоё здоровьице?

— Убирайтесь к черту! Я из-за вас ночей не сплю...

— Является? — таинственно прищурился Подходцев. — Ну, ничего... Это до сорока дней будет. А потом исчезнет.

— Куда вы его дели?..

— Ах, Витечка... Ты нам слишком мало дал денежек!.. Мы его возили, возили, извозчику дали пятьдесят рублей, чтоб молчал, а мертвенького у тебя в овражке закопали. Десять рубликов своих приплатили. Может, вернешь?

Харченко побледнел.

— Как, в овраге?! Здесь, около меня?

Зазвенел звонок.

Харченко пошел отворять парадную дверь и впустил невысокого, бритого, коротко остриженного человека, который мрачно оглядел всю компанию и, нимало не медля, опустился на стул.

Жаль ли было ему своих элегантных усов и прекрасных мягких волос — или его мучил голод, но Громов был чрезвычайно мрачен.

Харченко со страхом и изумлением оглядывал его, а потом нервно спросил:

— Кто вы такой? Что вам угодно?

— Что мне угодно? Справочку. У вас не было моего брата?

— Какого брата? — закричал Харченко. — Что нужно? Никакого брата мы не знаем!

— Какого брата? Моего. Глухонемого. Он несколько дней как исчез... Сначала я думал, что он уехал в Новочеркасск, а потом, по справкам, выяснилось, что он был у вас.

— Я... сейчас... — пролепетал Харченко и выскочил в столовую.

Там он сел за стол, положил голову на руки и, сотрясаясь тяжелым телом, заплакал.

Подходцев вышел вслед за ним, положил руку на его плечо и спросил сурово:

— Чего ревешь, дурак? Надо бы следы замести, а он разливается, как дождик. Замолчи.

— Да... чт... что вы наде... лали? За-зачем вы меня втянули в это? Вон, теперь брат появился.

— Ничего. Выкрутимся. Пойдем туда — вытри слезы; как не стыдно, право! Как преступления совершать, так ты мастер, а как тянуть Варвару на расправу — так ты в слезы! Экий дурак... Боже ты мой...

— Я совершил преступление? Да какое?..

— Как какое? А сорок рублей за что дал? Лучше бы молчал, миленький! Пойдем.

Подходцев втолкнул Харченку в дверь, вошел вслед за ним и, приблизившись к бритому незнакомцу, сказал:

— Вы спрашиваете о глухонемом? Да, он был здесь, но в тот же день уехал.

— Что-то мне не верится, — с сомнением сказал бритый. — Боюсь — не случилось ли с ним чего?.. Тут места глухие, а он человек больной, без языка и ушей. Говорят, здесь какой-то овраг близко... Я думаю — не пошарить ли мне в овраге?

Подходцев бросил мимолетный взгляд на бледного, близкого к обмороку Харченку и всплеснул руками, фальшиво смеясь:

— Что вы! Да чего же ему быть в овраге?.. Вот новости... Уехал просто человек в Новочеркасск... Гм... А оттуда он собирался в Пятигорск и Тифлис... еще куда-то. Где-нибудь в этих городах вы его и найдете.

Бритый человек закрыл лицо руками и заплакал...

— Я верю вам! Но что-то подсказывает моему сердцу, что с несчастным братом стряслось неладное. О, как бы я хотел выяснить это... Нет! Так или иначе — я разыщу его.

— Поезжайте в Новочеркасск... или в Пятигорск!

— Я поехал бы... Я сегодня бы и выехал, но — увы! У меня нет денег.

— Вот оно что, — задумчиво протянул Подходцев. — Действительно... А уехать вам надо! Обождите... Одну минутку.

Подходцев взял Харченку за руку и вышел с ним в столовую.

— Слушай... во что бы то ни стало — нужно его сплавить!..

Харченку захныкал.

— Все — я! Опять я... Опять денег давай... Что у меня, завод денежный, что ли?.. Откуда я возьму?..

— Да пойми, чудак, ежели он здесь останется — ведь мы ночей спать не будем. Вдруг он полезет в овраг...

— Ну?

— Ты понимаешь? Труп в двухстах шагах от твоего дома... Труп человека, который, как уже осведомлен брат, был у тебя... А? Как на тебя посмотрят?

— Будьте вы прокляты! — заплакал Харченко. — Злой дух принес вас тогда ко мне. Сколько ему дать на отъезд?

— Чем больше, тем лучше, Витечка. Пойми, что тогда он будет себе колесить по Кавказу и забудет о нас совершенно.

— Пятнадцать рублей довольно?

— Что?!! Шестьдесят! И то — за одну только дорогу... Харч свой. Ничего, Витечка... На такое дело жалеть не надо. После дорожки может стоить... Чего там! Зато теперь уж можем начать новую жизнь.

Харченко заскрежетал зубами и, ударив кулаком по стене, выхватил из кармана новенький щегольский бумажник коричневой кожи.

— На! Пусть лопают! Я не выйду к нему. Очень уж он напоминает лицом покойника... Бррр!..

Когда все трое шли в «Золотой Якорь», Громов сказал, потирая непривычно гладкую верхнюю губу:

— Если бы Харченко не был такой скотиной, то вся история... Гм!.. Мне бы не особенно была по сердцу...

— Конечно, — поддакнул Подходцев. — Но раз он скотина, то — кто же ему виноват?

И все согласились:

— Никто.

Глава 13

Жестокий поединок

Подходцев лежал на диване, Громов на кровати, оба, повернув изумленные лица, смотрели на Клинкава, а он шагал по комнате и, криво улыбаясь, говорил:

— Да-с. Дуэль. Раз он считает себя оскорбленным, вы понимаете, я как честный человек не мог отказать. Хорошо, говорю я ему, хорошо... Только если ты, говорю, убьешь меня, то позаботься о моих стариках, живущих в Лебедине.

— Ну, что же он?

— Говорит, хорошо. Позабочусь, говорит. Я ему, впрочем, о родителях так вставил — для красоты слова. Отец-то у меня, правду сказать, богат, как черт!..

— И все это из-за того, что ты разругал его картину?

— Да как я ее там ругал? Просто сказал: глупая мазня. Бессмысленное нагромождение грязных красок! Только и всего.

— Может, помирились бы?

— Да... так он и согласится! Эх! Убьет, братцы, этот зверь вашего Костю. А?

— Урываев? Конечно, убьет, — подтвердил Подходцев, безмятежно лежа на постели и значительно поглядывая на Громова. — Или попадет пуля в живот тебе. Дня три будешь мучиться... кишки вынут, перемоют их, а там, смотришь, заражение крови и — капут. Да ты не бойся: мы изредка будем на твою могилку заглядывать.

— Спасибо, братцы. А секундантами не откажетесь быть?

— Можно и секундантами, — серьезно согласился Подходцев. — Тебе теперь отказывать ни в чем нельзя: ты уже человек, можно сказать, конченный.

— Да ты, может быть, смеешься?

— Ну, вот... Там, где пахнет кровью, улыбка делается бессмысленной гримасой, как сказал один известный мыслитель.

— Какой? — спросил Громов.

— Я.

Дверь приотворилась, и в комнату просунулась смущенная голова художника Урываева.

Это был здоровенный широкоплечий детина с огромными ручищами, кудлатой головой и трубным голосом.

Впрочем, несмотря на такой грозный вид, был он человеком добрым, а иногда даже и сентиментальным.

— А-а! Виновник торжества! — приветствовал его Громов. — Входи, сделай милость, скорее, а то здесь сквозит.

Урываев бросил угрюмый взгляд на Клинкова, пожал Громову и Подходцеву руки и строго сказал:

— Я знаю, что не принято являться к противнику перед дуэлью, но не виноват же я, черт возьми, что он живет вместе с вами... Вы же мне, братцы, понадобятся... В качестве свидетелей, а? Согласны? А то у меня здесь ни одного человека нет подходящего.

— Стреляться хотите? — вежливо спросил Подходцев.

— Стреляться.

— Так-с. Дело хорошее! Только мы уже дали Косте слово, что идем в секунданты к нему. Правда, Костя?

— Правда... — уныло подтвердил Костя.

— Может, ты бы, Костя, — спросил Подходцев, — уступил одного из нас Урываеву? На кой черт тебе такая роскошь — два секунданта?!

— Да, пожалуй, пусть берет, — согласился Костя.

— Господа! — серьезно сказал Урываев. — Я вас очень прошу не делать из этого фарса. Может быть, это вам кажется смешным, но я иначе поступить не могу. Во мне оскорблено самое дорогое, что не может быть урегулировано иным способом... На мне лежит ответственность перед моими предками, которые, будучи дворянами, решали споры только таким образом.

— Царство им небесное! — вздохнул Подходцев.

— Пожалуйста, не смотрите на это, как на шутку!

— Какая уж там шутка! — вскричал Громов. — Дельце завязалось серьезное. Правда, Саша?

— Конечно, — подтвердил Подходцев. — Вещь кровавого характера. Стреляться решили до результата?

— Да. Я не признаю этих комедий с пустыми выстрелами.

— И ты совершенно прав, — подтвердил Подходцев. — В кои-то веки соберешься ухлопать человека — и терять такой случай... Правда, товарищ?

— Изумительная правда.

Дверь скрипнула. Все обернулись и увидели квартирную хозяйку, с двусмысленной улыбкой кивавшую им головой.

— Ах, черт возьми! — прошептал Клинков, бледнея.

Хозяйка подошла к нему и сделала веселое лицо.

— Ну-с? Обещали сегодня, Константин Петрович.

— В чем дело? — спросил, хмурясь, Громов.

— Да видишь ли... В этом месяце за квартиру плачу я. Моя очередь.

— Ну?

— Ну, вот и больше ничего.

— То есть как же ничего? Это, по-вашему, ничего? Вы на сегодня обещали.

— Неужели сегодня? Непростительный, легкомысленный поступок... Гм... Что это у вас, новая кофточка? Прехорошенькая.

— Новая. Позвольте получить, Константин Петрович.

— Что получить?

— Да деньги же! Пожалуйста, не задерживайте, мне на кухню нужно.

— Хозяйничаете все? Хлопчете? — ласково спросил Клинков. — Хе-хе.

— Может, вам разменять нужно? Я пошлю.

— Сколько там с меня?

— 20 рублей.

— Деньги, деньги... — задумчиво прошептал Клинков. — Шесть букв... а какая громадная сила в этом коротеньком словце! Вы читали, Анна Марковна, роман Золя «Деньги»?

— А вы читали когда-нибудь повестку о выселении? — любопытствовала хозяйка.

— К сожалению, я до сих пор не мог расширить своего кругозора чтением этих любопытных произведений. Но на досуге, даю вам слово, прочту.

— Хорошо-с! Если вы еще позволяете себе смеяться, я сяду здесь и не сдвинусь с места, пока не получу денег.

Подходцев засмеялся.

— Просто признайтесь, хитрая женщина, что вы соскучились по изысканному обществу. Костя! Стул Анне Марковне.

С мрачным лицом хозяйка уселась у дверей... Тягостная пауза нависла над обществом.

Урываев побарабанил пальцами по столу и смущенно обвел взглядом комнату. Потом в качестве воспитанного человека начал разговор:

— Сами белили?

— Что такое?

Урываев смутился.

— Комнату, говорю, сами белили?

— Да-с! Я все сама... День-деньской на ногах, а за это вместо благодарности вот, извольте видеть!

Помолчали опять.

— Погодка сегодня разгулялась, — сказал Урываев, смотря в окно.

— Это ее дело. А когда человек разгуливается и тратит деньги на пьянство, это, извините-с! Извините-с!

Клинков нервно вскочил и подошел к Подходцеву.

— У тебя нет денег?

Подходцев улыбнулся краешком рта.

— У меня? Нет. Громов!

— Ну?

— У тебя нет денег?

— У меня? Нет. Урываев!

— Что?

— У тебя нет денег?

— Есть. Сколько нужно? Двадцать? Вот, пожалуйста.

— Господа! — возмутился Клинков. — Это черт знает что! Я с Урываевым в... таких... отношениях... а он — мне же... деньги дает займы!! Вы не имели права делать этого!

Молча Громов взял у Урываева деньги и передал их Подходцеву. Подходцев молча взял и сунул обе бумажки в руку Клинкова.

Клинков застонал, положил деньги на ладонь хозяйки и сказал, указывая ей на дверь:

— Прямо, потом налево.

Громов растянулся на кровати и принялся что-то насвистывать.

Противники, избегая встречаться взглядами, смущенно смотрели в окна, а потом Урываев неуверенно сказал:

— Подходцев! Ты позаботишься о том, что нужно? Вот тебе записка к моему знакомому офицеру, у которого есть отличные пистолеты.

— Bravo! — сказал Подходцев, торопливо одеваясь. — Дело начинает налаживаться! По дороге я забегу также в погребальную контору... Костя, ты какие больше предпочитаешь — газетовые?

— Все равно.

— С кистями?

— Все равно.

Подходцев вздохнул, нахлобучил шапку самым решительным образом и вышел...

Глава 14

Черты из жизни Клинкова

Результат поединка

«Знакомый офицер» оказался очень симпатичным человеком. Узнав, что Подходцеву нужны пистолеты, он засуетился, достал ящик и, подавая его, сказал:

— Для Урываева я это сделаю с удовольствием! Вот пистолеты. Прекрасные — за пару плачено полтора ста рублей!

— А ведь их после дуэли могут конфисковать, — возразил Подходцев с искусственным сожалением. Офицер омрачился.

— Неужели?

— А что вы думаете! «А, — скажут, — стреляться! Убиваете друг друга!» И отымут.

Офицер, вздохнув, посмотрел на ящик.

— Знаете что? — сказал Подходцев. — Положитесь на меня. Пистолеты не пропадут. Я эти самые дуэли умею преотлично устраивать. Есть у вас десять рублей?

— Как... десять рублей?

— Очень просто, займы. Первого числа возвращу.

Офицер, вынув кошелек, засуетился снова.

— Вот... У меня все трехрублевки. Ничего, что здесь 12 рублей?

— Что уж с вами делать, — снисходительно сказал Подходцев. — Давайте! Вы водку пьете?

— Пью. Иногда.

— Вот видите! Командный состав нашей армии всегда приводил меня в восхищение. Одевайтесь, поедem к нам.

— А... пистолеты?

— Мы их забудем здесь. На меня иногда находят припадки непонятной рассеянности. Едем!

Офицер рассмеялся.

— А вы, видно, рубаха-парень?!

— Совершенно верно. Многие до вас тоже находили у меня поразительное сходство с этой частью туалета.

Оба среди оживленного разговора заехали по дороге в гастрономический магазин и купили вина, водки и закусок.

У Клинкава был трагический характер. Каждый час, каждую минуту он был кому-нибудь должен, и каждый час, каждую минуту ему приходилось выпутываться из самых тяжелых, критических обстоятельств.

Но занимал он деньги единолично, а ликвидировал свои запутанные дела, прибегая к живейшему участию Подходцева и Громова.

Отношений это не портило, тем более что Громов признавал Костю лучшим специалистом по съестному.

Это значило вот что:

Когда все трое сидели без копейки денег, не имея ни напитков, ни пропитания, ленивый Клинков долго крепился, а потом, махнув рукой, вставал с кровати, ворчал загадочное:

— Обождите!

Натягивал пальто и выходил из комнаты.

Последующие операции Клинкава усложнялись тем, что водка в бакалейных лавках не продавалась, а в казенных ее отпускали за наличный расчет.

Клинков по дороге заходил к соседу по номерам, какому-нибудь обдерганному студенту, и говорил ему крайне обязательно:

— Петров! Я, кстати, иду в лавку. Не купить ли вам четверку табаку.

— Да у меня есть еще немного.

— Тем лучше! Новый табак немного подсохнет. А? Право, куплю.

Студент долго, задумчиво глядел в окно, ворочая отяжелевшими от римского права мозгами, и отвечал:

— Пожалуй! Буду вам очень благодарен.

Клинков получал 45 копеек и, выйдя на улицу, непосредственно затем смело входил в дверь бакалейной лавочки на углу.

— Здравствуйте, хозяйка! Позвольте-ка мне фунт колбасы и нарежьте ветчины!

Потом беззаботно опускался на какой-нибудь ящик и, оглядев лавку, сочувственно говорил:

— Магази́чик-то сырой, кажется!

— Какое там сырой! — подхватывала хозяйка. — Прямо со стен вода течет!

Клинков омрачался.

— Экие мерзавцы! Им бы только деньги за помещение брать! Небось три шкуры с вас дерет?

— И не говорите! 600 рублей в год.

— 600 рублей? Да ведь он разбойник. Ах, негодяй... 600 рублей... Каково?! Коробочку сардин, сударыня, и десяток яиц.

Рассеянный взгляд Клинкова падал на ребенка, хныкавшего на руках у хозяйки, и с Клиновым внезапно приключался истерический припадок любви к измызганному пищавшему малышу.

— Прехорошенький мальчишка! Ваш?

Хозяйка расплывалась в улыбке.

— Девочка. Моя.

— Учится?

— Помилуйте. Ей три года.

— Что вы говорите! Три года — а как двенадцать. Она, кажется, на вас похожа?

— Носик мой. А глазки папины.

— Совершенно верно. Ах ты, маленький поросеночек! Ну, иди ко мне на руки, а мама пока отрежет три фунта хлеба и даст четверку табаку. Она уже говорит?

— Да, уже почти все.

— Неслыханно! Это гениальный ребенок. Вырастешь, я тебя за генерала замуж отдам. Хочешь?

Тронутая хозяйка брала счета и высчитывала, что с Клинова приходится 3 рубля 30 копеек.

— Только-то? Детская сумма! Вот что, уважаемая... Вы отметьте сумму в книжечке, — я знаю, у вас есть такая, — а первого числа я уж, как следует, чистоганом! Мы тут же живем, у Щемилина.

Взор хозяйки омрачался, так как Клинов был ей лицом совершенно чуждым, но он строил такие забавные гримасы ее дочке и с таким простодушием просил, забирая покупки, «неприменно передать поклон мужу», что она молча вздыхала и разворачивала книгу на конторке.

Купив затем на студентовы деньги водки, Клинов, торжествующий, возвращался в номера, вручал студенту табак и,

получив от него теплую благодарность, насыщал принесенным вечно пустые желудки своих друзей.

Когда Подходцев и офицер вернулись обратно, то в квартире нашли четырех человек: Громова, Клинкова, Урываева и клинковского портного, всех — в очень удрученных, скорбных позах.

— Меня интересует, — говорил опечаленный Клинков, — почему я обещал вам именно сегодня и почему именно 8 рублей?

Громов заявил, что его это тоже интересует, портной сказал, что это его не интересует, а Урываев молча глядел на своего врага с тайным сочувствием.

Пришедшие стояли в дверях, когда Клинков машинально спросил:

— Громов! У тебя нет 8 рублей?

— Нет, — ответил Громов. — Урываев! У тебя нет 8 рублей?

— Да я все отдал, что были... А! Полководец! У тебя нет 8 рублей?

Офицер по-давешнему засуетился и, вынимая кошелек, сказал, будто бы в этом было неразрешимое затруднение:

— Да у меня все трехрублевки. Ничего?

— Очень печально! — строго сказал Урываев. — Нужно быть осмотрительнее в выборе средств к существованию. Впрочем, давай три штуки!

— Урываев! Не смей этого... то есть... не делайте этого, господин Урываев! — закричал смущенный Клинков.

— Идите, портной, — величественно сказал Урываев, вручая портному деньги. — На лишний рубль я обязую вас сшить одному из нас шелковую перевязку на руку или на голову.

— А как же с дуэлью? — лениво спросил Громов. — Я уже по телефону успел знакомого доктора пригласить.

— Да и у меня все сделано, — подхватил энергичный Подходцев, похлопывая рукой по сверткам.

— Пистолеты?

— Они самые.

— Странно, что они имеют бутылочную форму.

— Новая система. Казенного образца!

В дверь постучали, и перед обществом предстал доктор — сияющий дебютант на трудном медицинском поприще, — приятель

Громова.

— Здравствуйте, господа. Ты меня серьезно приглашал, Громов?

— Совершенно серьезно.

— А где же больная?

Все онемели от изумления.

— Какая больная?

— Да ведь я специалист по женским болезням.

Взрыв хохота поколебал драпировки окон и вырвался на тихую улицу.

— Здесь есть двое больных. И оба они больны хронической женской болезнью — глупостью, — сказал Подходцев. — Бросьте, ребята, дурака валять. Надоело!

— Смотреть тошно! — поддержал Громов.

— Нелепо! — подхватил офицер.

На Урываева и Клинка набросились всей компанией, повалили на кровать, накрыли одеялом, подушками и держали до тех пор, пока они не взвыли от ужаса.

— Миритесь?

— Черт с ним! — взревел Урываев. — Только пусть он возьмет назад свои слова о моей живописи.

— Беру! При условии, если ты напишешь мой портрет и он будет гениален.

— Иным он и не может быть!

Офицер раскладывал закуски и откупоривал бутылки.

Лохматый, растрепанный Урываев сидел на коленях доктора, пил с ним из одного стакана вино и, опустив бессильно голову на его грудь, говорил:

— Жаль все-таки... Ушла, Петя, поэзия из жизни. Нет больше красивых жестов, беззаветно смелых поступков, героизма... Ушла из нашего прозаического мира храбрость, поединки по поводу неудачно сказанного слова, рыцарское обожание женщины, щедрость, кошельки золота, разбрасываемые на проезжей дороге льстивому трактирщику... Удар ножом какого-нибудь зловещего бродяги на опушке леса...

— Это верно. Обидно, дурачок ты этакий, — поддакивал улыбающийся доктор, глядя художника по кудлатой, ослабевшей голове...

Глава 15

Электричество в воздухе

Пишущий эти строки заметил странную вещь: как только он начинает новую главу своей повести, так обязательно глава начинается тем, что «Клинков, Громов и Подходцев лежали в большой комнате на трех кроватях»...

А объясняется это просто: все трое были люди такого сорта, что если не сидели в каком-нибудь кабачке или не работали, добывали себе пропитание — они обязательно и безусловно лежали на кроватях.

Так и в данном случае: было уже половина двенадцатого дня, а все трое и не думали о вставании... Лежа на кроватях под спустившимися включенными одеялами и с плохо скрытым омерзением поглядывали друг на друга.

— Удивительное дело, — прошипел вдруг Громов, отворачиваясь к стене и показывая всем своим видом, что дальнейшее созерцание Клинкава и Подходцева для него невыносимо. — Как много на свете паразитов...

На это Подходцев возразил:

— Ты не настолько знаменит, чтобы отнимать у нас время своей автобиографией.

«Как с ними тяжело, — подумал толстый Клинков, у которого, несмотря на его добродушие и незлобивость, уже с раннего утра что-то накипало... что-то поднималось отвратительное, неприятное. — Все эти их остроты, взаимные шпильки... Никогда они не поговорят, как люди, а все с вывертом. И завтра это же будет... и послезавтра. Вот тоска-то!»

— Ничего не отвечу тебе, — сказал Громов, поворачиваясь от стены и со злостью глядя на голые мускулистые руки Подходцева, которые тот разминал, вздергивая их к потолку и с треском опуская на одеяло. — Ничего не отвечу на это, потому что плоско остричь — это твоя специальность. И потом, пожалуйста, не ввязывайся, когда я говорю не о тебе!!

Как стрела, выпрямился, натянулся под одеялом грузный Клинков и, быстро повернувшись к Громову, впери́л в него горящий бешеной злобой взгляд.

— Ах, ты не о нем говоришь?! Нас тут трое... Значит, ты говоришь обо мне?! Я, по-твоему, паразит?!

— Прощу тебя — без громких фраз, — холодно процедил Громов. — Я знаю, почему ты не встаешь так долго... Потому что сегодня твоя очередь заваривать чай. Ты нас хочешь перележать. Думаешь: «потеряют же они когда-нибудь терпение, вскочут же они и заварят же они когда-нибудь чай. А я тут как тут — встану и напьюсь горячего чайку».

— Господа-а-а, — искусственно удивился Клинков, — Громов постиг человеческую психологию!! Ты слышишь, Подходцев?! Он разбирается в человеческой психологии — этот человек, для которого загадочна психология даже кухонной мясорубки...

— Не вижу большой разницы, — пробурчал Подходцев.

— Значит... ты меня сравниваешь с мясорубкой? — растерялся Клинков. — Свинья, ах свинья! А еще вчера признавался, что встретил во мне человека исключительно тонкой организации.

— Говорил... — цинично согласился Подходцев, — но почему говорил? Просто хотел подмазаться к тебе. Вспомни, что сейчас же после этих слов я попросил тебя сочинить мне заявление в университет, а ты, как дурак, растаял, поверил и сочинил.

— Ну, знаете, — дрожащим от возмущения и обиды голосом проговорил беспомощный Клинков. — Чем дальше, тем я больше убеждаюсь, что я здесь, среди вас, лишний. Наглость человеческая — кушанье не для меня. Я вижу, нам просто нужно расстаться.

Подходцев ехидно прищурился.

— К дяде думаешь поехать?

— К дяде, к черту, к дьяволу, только бы не быть в этом хлеве.

Он со злобой оглядел комнату и вдруг истерически закричал:

— Тысячу раз я вам говорил, чтобы вы не бросали на стол грязные воротнички?! Это вы мне назло делаете?! И я заметил, что как только мы усаживаемся за стол — вы сейчас же подвигаете пепельницу мне под нос. Знаете прекрасно, что я не курю, что мне противен запах раздавленных папирос, — и нарочно ставите пепельницу мне под самый нос.

— Один человек с таким пронзительным голосом сделал блестящую карьеру, — потянулся Подходцев. — Капитан океанского парохода нанял его в пароходные гудки.

— О, как бы мне хотелось вырваться от вас!!

— К дяде? — ехидно засмеялся Громов. — Подходцев, который это уже раз он собирается к дяде?

— Он не каждый день может поехать к дяде, — объяснил Подходцев. — Родственникам тюремная администрация разрешает свидание только раз в неделю — по пятницам. Сегодня он не уйдет. Среда.

Закусив губу, встал с кровати Клинков; натянул на массивные ноги брюки, умылся и, причесавшись, подошел к Громову с самым официальным видом.

— Вы извините, господин Громов, — сказал он с присущей ему благородной простотой, — извините, что беспокою вас просьбой, но у меня нет на дорогу денег. Будьте добры одолжить мне 25 рублей, а я по приезде на место тотчас же вам их вышлю. Пожалуйста, выручите меня в последний раз.

— Пожалуйста, — холодно отвечал Громов. — Только зачем же высылать: вы ведь знаете прекрасно, что я вам должен больше.

— О, нет! Это были дружеские одолжения, которые не в счет. Мы перепутывались, как могли, не считаясь с этим. При существующем же положении многое из того, что было раньше — неудобно.

— Как хотите, как хотите, — расшаркался Громов.

— Очень вам благодарен за одолжение, — с достоинством поклонился Клинков и, выдвинув из угла свой чемодан, принялся укладываться.

Полуодетые Громов и Подходцев сидели на кроватях и мрачно наблюдали за пыхтящим Клинковым.

— Виноват, — деликатно сказал Клинков, роясь в белье. — Это, кажется, ваши платки. А этот галстук — ваш. Будьте добры получить их. Мне бы не хотелось огорчить вас отсутствием ваших любимых вещей.

— Говорит, как какой-нибудь дохлый маркиз средних веков, — проворчал Подходцев. — Терпеть не могу этих штук.

— Ну, что делать, — ласково кивнул головой Клинков. — Последний раз... потерпите.

После долгого молчания Громов спросил:

— Когда ж ты вернешься?

— О, я, право, не знаю. Дядя уже давно зовет меня за границу. Вероятно, проживем годик в Швейцарии, а потом переедем еще куда-нибудь... Ну, вот и готово! Прощайте, господа! Желаю вам жить весело и чтобы жизнь вас не трепала особенно больно.

— Ключи на комод, пишите, — сострил Подходцев с таким, однако, видом, будто выполнил тяжелую, весьма кислого вкуса обязанность. — До свиданья, Клинище. Не поминай лихом.

— О, нет, зачем же. Пусть все дурное постепенно выветривается и останутся только хорошие, как старое крепкое вино, дружеские воспоминания об наших утехах и забавах.

— Завтра, кажется, есть лучший поезд, — осторожно заметил Громов.

— Нет, все равно. Спасибо. Я уж пойду.

Вышли на улицу гуськом: впереди Клинков, пыхтя под тяжестью чемодана, за ним Подходцев, с двумя картонками в руках, а сзади Громов, несший как последнюю дань дружбы крохотную клинковскую коробочку из-под духов, наполненную запонками...

Клинков уселся на извозчика.

— Ну, всего вам хорошего, друзья!

— Прощай, прощай, — неуверенно бормотал Подходцев, похлопывая рукой по крылу пролетки. — Ну, кланяйся там дяде, как вообще... полагается.

А когда пролетка тронулась, он пошутил в последний раз: схватил могучей рукой колесо и придержал экипаж.

Почуввав толчок, Клинков обернулся последний раз, погрозил с печальной шутливостью пальцем и — уехал.

Глава 16

Атмосфера очистилась

Вернулись в комнату. Снова улеглись на кроватях. Долго поглядывали в потолок, будто ища нужных слов.

— Вот и уехал наш Клинков.

— Да... Как-то неожиданно. Я совсем не думал. Положим, в последнее время он сделался совершенно невыносимым, правда?

— Ну, мы тоже фрукты хорошие! — с внезапным приливом самообличения рявкнул Подходцев. — Тоже и с нами жить не мед.

— Любил покойничек чистоту, — уныло улыбнулся Громов. — Гляди: даже то место, где стоял его чемодан, выделяется таким аппетитным свежеевыкрашенным квадратом!

— Да... А как он любил покушать. Бывало, когда ни спросишь: «Клиночек, хочешь пожевать чего-нибудь?» Всегда приходил в восторг.

— А помнишь эту девицу, с которой мы Пасху встречали. Такую штуку только и мог выкинуть Клинков.

— А как он ловко себя вел, когда мы у Харченки под покойничка субсидию брали.

— Свинья этот Харченко, — вставил Громов. — Не сравнить его с Клинковым.

— Еще бы! У Клинкова была какая-то благородная простота в обращении. Ты заметил?

— Мало, что простота. Он был всегда ровен и покладист, чего нам с тобой недостает.

— Потому-то ты его и выжил, — ехидно вставил Подходцев.

— Я? Я его выжил? Ну, это знаешь ли — свинство! Сам же обидел его дядю, ругал Клинкова, провел параллель между ним и мясорубкой...

— Врешь ты все, — возразил Подходцев. — Вот Клинков бы не врал. Он был такой правдивый.

— Поди-ка поймай его, правдивого Клинкова. Катит он теперь в вагоне и думает о нас очень плохо.

— Ну, он еще не уехал, вероятно. До поезда сорок минут.

— Едва ли теперь уж вернешь его.

— А почему? Я думаю, успеть можно.

— Попробуй-ка. Я ему, признаться, все деньги отдал. Нет даже на извозчика.

— Пустяки! У нас есть запечатанная бутылка водки и перочинный ножик. Я думаю, извозчик возьмет это вместо денег.

— Так ты бы еще больше возился!! Сидит — размазывает... Заворачивай водку в бумагу — едем.

— Шляпа!! Где моя шляпа?! Вечно ты ее куда-нибудь засунешь!

Извозчик согласился на странную комбинацию с водкой и ножом только тогда, когда попробовал — не вода ли в бутылке.

Извозчик, подгоняемый воплями и стонами двух друзей, летел как вихрь...

Оба друга, как камни, свалились с пролетки и помчались на перрон.

— Что, поезд на Киев еще не ушел? — подлетел Подходцев к начальнику станции.

— Две минуты тому назад ушел.

Подходцев вспыхнул:

— И черт вас знает, куда вы так всегда торопитесь?! Вам бы только крушения устраивать.

Разочарованные, опечаленные, оба друга с опущенными головами побрели в буфет.

— Выжили человека... Добились...

— Да уж... Скотами были, скотами и останемся. Не могли уберечь эту кристальную душу.

— Слушай! — закричал вдруг Подходцев. — Вот она!!

— Кто?

— Кристальная душа-то! Пожарскую котлету лопают.

Действительно, за буфетным столиком сидел путешественник Клинков и с аппетитом ел вторую порцию котлет.

Подходцев подошел к нему сзади, нежно поцеловал его в крохотную лысину и сказал:

— Хочешь чего-нибудь покушать, Клиночек?

— Хочу! — восторженно сказал Клинков. — Только как же с поездом?

— Уже ушел, брат.

— И куда они торопятся, черт их дери? — пожал плечами Клинков.

— То же самое и я сказал начальнику станции. Тут около вокзала есть ресторан с садиком.

— Знаю, — снисходительно кивнул головой, подтвердил Клинков. — Прекрасное пиво.

Когда все чокнулись, Громов не удержался:

— Seriously, Клинков, у тебя есть дядя?

— Доподлинно я не уверен, — наморщил брови Клинков. — Может быть, с ним действительно, по словам Подходцева, дают свидание только по пятницам. Чего не знаю — того не знаю... Но дело в том, что у нас в комнате слишком много скопилось электричества. Я и разрядил его, по своему разумению.

— Отныне назначаю вас своим придворным электротехником, — величественно заявил Подходцев.

— А я не прочь тебя поцеловать, — добавил Громов.

Верный себе Клинков подмигнул и цинично захохотал:

— В этом ты сходишься с большинством девушек и дам...

Часть II

Глава 1

Женщина, найденная на площадке

Был уже глубокий вечер, когда Громов, насвистывая наскоро сочиненный для восхождения на лестницу марш, бодро поднимался в общую квартиру, где его с нетерпением ждали Подходцев и Клинков.

Громов уже приближался к площадке третьего этажа, как вдруг слух его поразил чей-то тихий заглушенный плач...

«Ого, — подумал Громов. — В этом доме и плачут... Не подозревал. До сих пор я слышал только смех. Такова жизнь. Плачет ребенок или женщина...»

Плакала женщина.

Громов обнаружил ее на площадке третьего этажа, сидящей на подоконнике — в каракулевой кофточке и меховой шапочке. Лицо было закрыто очень красивыми руками, а плечи вздрагивали.

— Послушайте... — откашлявшись, сказал Громов.

Она отняла руки, обернулась милостивым круглым лицом к Громову и сказала с некоторым упрямством, будто продолжая вслух то, о чем думала:

— Вот пойду сейчас и утоплюсь в реке!

— Ну, что вы! — запротестовал Громов. — Кто же из нашего круга топится в декабре, когда на реке двухаршинный лед... Кто вас обидел?

Она бы, может быть, и не ответила, но Громов с таким общительным товарищеским видом сложил в углу широкого подоконника свои покупки и присел около плачущей, что она, поглядев на него и вытерев глаза крохотным комочком платка, улыбнулась сквозь слезы:

— Муж.

— Это уже хуже. Муж — это не то, что посторонний. Конечно, я не смею расспрашивать вас о подробностях, но если вам нужна моя помощь...

— Никто мне не может помочь, — снова заплакала дама. — Он очень ревнивый. Сегодня приревновал меня безо всякой причины и... выгнал из квартиры.

— А почему же вы тут очутились?

— Да это же моя квартира и есть.

Не вставая, она хлопнула рукой по обитой клеенкой двери, на которой висела карточка:

«Максим Петрович Кандыбов».

Громов задумчиво посвистал и спросил:

— Вы сейчас куда идете?

— Никуда. Мне некуда идти. У меня почти нет денег, и все родные далеко отсюда... Ну, что вы мне посоветуете?

— Прежде всего посоветую спрятать носовой платок. Поглядите: он так мокр, что если утереть им даже сухие глаза, то они сразу наполнятся потоками слез. Курьезные вы, женщины... Когда дорветесь до слез — море выльете, а платочки у вас, как нарочно, величиной с почтовую марку. Натя мой — он совсем чистый — утрите напоследок, и баста. Ну, стойте... давайте я... Эх вы, дитя малое! Ваш-то муж... поди, негодяй?

— Да... он нехороший.

— Еще бы. Ясно, как день. Однако жить вам здесь, на подоконнике, не резон. Тесно, нет мебели, и комната, так сказать, проходная. Пойдемте пока к нам, там придумаем.

— К кому... к вам?... — робко спросила дама, тщательно осушая глаза громовским платком.

— Нас трое: Подходцев, толстый Клинков и я, Громов. Не обидим, не бойтесь. А вас как зовут?

— Марья Николаевна.

— Вы паюсную икру любите, Марья Николаевна?

— Люблю. А что?

— Вот она, видите? И многое другое. Пойдем. Есть будем.

Громов постучал в дверь и крикнул в замочную скважину:

— Встаньте с кровати — дама идет.

— Вот тебе! — сказал Клинков, подсакивая с кровати. — Дама! Однако откуда он знает, что мы лежали на кроватях?..

— Да ведь мы, когда дома, всегда лежим, — кротко возразил Подходцев, поправляя перед зеркалом растрепанную прическу. —

Войдите!

— Освободите меня от свертков, — скомандовал Громов. — А эта дама — Марья Николаевна. Я нашел ее на подоконнике, площадка третьего этажа дома № 7 по Николаевской улице — совершенно точный адрес.

Клинков, как признанный специалист по женщинам, расшаркался перед Марьей Николаевной, снял с нее верхнюю кофточку, ботики и ласково подтолкнул ее к горячей печке.

— Вы тут грейтесь, а я пока познакомлю вас с товарищами.

Он сел верхом на стул, оглядел довольным взглядом стоявших у окна товарищей и начал:

— Тот вон, что повыше, — это Подходцев. У этого человека нет ничего святого — иногда он способен обидеть даже меня... Он — скептик, атеист, мистификатор и в затруднительных случаях проявляет ту спокойную наглость, которая так часто вывозит в жизни. Пальца ему в рот не кладите — не потому, что он его откусит, а вообще — не заслуживает он этого. Тот тупой смешок, который корчит его сейчас, как бересту на огне, — для него обычный. Положительные качества у него, конечно, есть. Но рядом со мной он бледнеет. Перейдем ко второму, к тому, который нашел вас на подоконнике. Громов. Сентиментальная душонка, порывается все время в высоту, несколько раз был даже заподозрен в писании стихов. За это пострадал. Верит во все благородное — в меня, например, — и не без основания. Возвышенные свойства его души, однако, не мешают ему быть виртуозом по части добывания денег. Завезите его в пустыню Сахару и бросьте его там без копейки денег — к вечеру он очутится с десятью долларами, которые он перехватит у знакомого льва, проплотившего их в свое время вместе с африканским путешественником. А впрочем, и в этом отношении я выше его. К женскому полу равнодушен (идиот!), и то, что он вас привел сюда, скорей свидетельствует о его добром сердце, чем о вашей красоте, в которой тут, кроме Клинкова, кажется, никто и не понимает. В заключение о Громове можно сказать, что он хороший товарищ и обожает нас с Подходцевым. Иногда пьет разные напитки, довольно красив, как видите, чисто одевается. Рядом со мной бледнеет. Теперь перейдем к третьему — ко мне. Но о себе я ничего не скажу: пусть за меня говорят мои поступки. Пожалуйста ручку!

Пока Клинков разливался соловьем перед гостьей, уже оправившейся от смущения, Громов разворачивал закуски, раскладывал их по тарелкам, а когда Клинков закончил — Громов улыбнулся и добродушно обратился к Марье Николаевне:

— Не напоминает ли вам Клинков индюка, который, как только завидит представительницу прекрасного пола, сейчас же распустит все перья, напыжится и заболтает что-то, очевидно, очень умное, на своем индюшачьем языке?

— Хороший товар не нуждается в рекламе, — подмигнул Подходцев, — а испорченный нужно назойливо рекламировать, чтобы его взяли.

— Марья Николаевна! — воскликнул Клинков. — Эта завистливость, не производит ли она на вас болезненного впечатления? Не виноват же я, что они по сравнению со мной проигрывают!

— Проигрываем, потому что ты козырного туза держишь в рукаве...

— А у тебя на спине туз скоро будет, — всякому свой козырь.

— Позвольте, я буду разливать чай, — сказала Марья Николаевна, совсем отогревшаяся и душой и телом в несколько сумбурной, но теплой компании трех друзей.

— Видите, — обрадованно сказал Громов, — сразу уютнее сделалось, когда хозяйка сидит за самоваром.

— А вы все трое холостые? — спросила Марья Николаевна, намазывая икру на хлеб.

— Да! — поспешил сказать Клинков. — За них никто не хотел выходить замуж, а я не могу найти себе женщины, душа которой звучала бы в унисон с моей душой.

— Не там ты ищешь такую душу, — соболезнующе сказал Подходцев.

— А где же искать?

— В женской пересыльной тюрьме.

— Ладно вам! — немного растерялся Клинков под общий смех. — А зато кому дала Марья Николаевна первый бутерброд с колбасой? Мне!

— Жаль только, что этот кусок был отрезан с краю колбасы и немного подсох, — улыбнулся Громов.

Глава 2

Компания берет быка за рога

Господин Кандыбов

После чаю перешли на деловые разговоры: приятели с редкой серьезностью приступили к обсуждению будущей жизни Марьи Николаевны.

— Раз вы говорите, что ваш муж нехороший — вам с ним и жить не стоит, — сказал Клинков.

— Ты ничего не понимаешь, — возразил деликатно Подходцев. — Конечно, можно и уйти от мужа, но дело в том — есть ли у Марьи Николаевны средства?

— У меня лично нет, — отвечала Марья Николаевна, заражаясь деловитостью трех друзей. — Но мои родители имеют солидные средства.

— Только не сообщайте Громову их адреса, — предостерег Клинков.

— Молчи, Клинков. А вы надеетесь, что родители смогут поддержать вас, когда вы уйдете от мужа?

— Я думаю... да. Нужно только им написать.

Подходцев, как всегда, оказался самым деловым.

— Тогда дело просто. У вас сейчас нет денег, и у нас их мало. Значит, заемная операция проваливается. Но у нас на троих есть две комнаты — недопустимая роскошь! До получения ответа от ваших почтенных родителей оставайтесь жить у нас, поселяйтесь в маленькой комнате, а мы осядем втроем в этой, — Громов будет спать на диване.

Тут же Подходцев почувствовал, что кто-то под столом схватил и пожал его руку.

Так как руки Марьи Николаевны и Клинкова были на столе, то Подходцев сказал Громову:

— А-а, здравствуйте, как поживаете! Громов! Может быть, ты имеешь что-нибудь против этого?

— Нет... я с удовольствием, — пролепетал покрасневший Громов.

— А вы, Марья Николаевна?

— Но я... вас стесню...

— Тссс! В этой квартире праздные разговоры не в ходу. Значит — решено!

— Я вам не все сказала, — нерешительно пролепетала Марья Николаевна, опустив глаза на стакан, который она протирала полотенцем. — У меня есть дочь. Я без нее не могу... Я ее так люблю... А он не отдает ее мне.

— Сколько ей лет? — спросил деловой Подходцев.

— Четыре года.

— Только-то? Так мы ее отберем от отца — вот и все.

— Он не отдаст, — пролепетала Марья Николаевна, машинально утирая полотенцем слезинку с ресницы.

— Нам?! — ахнул Подходцев. — Нет, видно, вы нас еще мало знаете. Он сейчас дома, муж ваш?

— Дома...

— Громов, пойдём к нему!

— Я, конечно, пойду, — сказал Громов, опасливо поглядывая на Клинкава, — только...

— Что — только?

Громов отвел Подходцева в сторону и шепнул ему:

— Клинков...

— Что Клинков?

— Ты ведь знаешь, какой он ловелас и нахал в отношении женщин...

— Да тебе-то что?.. Не маленькая ведь она...

— Я понимаю, но...

— Громов!

— Что Громов? Ну что — Громов?

— Ой, Громов... Боюсь я, что ты в этом деле плохо кончишь...

— Ну, ладно, ладно... Начал уже! — сконфузился Громов. — Пойдем, я ведь ничего не говорю.

— Марья Николаевна, — обратился Подходцев к госте. — Мы уходим по вашему делу. Предупреждаю, что Клинков, который остается с вами, будет унижать нас и ловеласничать с вами. Он толст, лжив и глуп. Остальное — ваше дело; смотрите сами.

— Вы — Максим Петрович Кандыбов? — сказал Подходцев, без приглашения проходя в гостиную. За ним бесстрашно шагал маленький, но исполненный решимости Громов.

— Я. А, собственно, в чем дело?

— Да, дело для вас выходит неприятное. Общество защиты женщин осведомилось, что вы жестоко обращаетесь с женой, и его превосходительство, генерал Петров, завтра поедет к вашему начальству, чтобы сделать доклад по этому поводу. Я же приехал с его превосходительством (он величественно указал на Громова), чтобы, согласно 18, пункт 7, отобрать у вас дочь вашей жены.

— Дочь? — вскричал побледневший от всей этой горы генеральских титулов и параграфов Кандыбов, сухой старик с поджатыми губами и тупым неприятным выражением лица. — Дочь я вам ни за что не отдам!

— А вы статью 1447-ю знаете? — со зловещим спокойствием спросил Подходцев.

— Знать не хочу! Не получит эта распутница мою дочь!

— В таком случае мы принуждены будем вас арестовать, — холодно сказал Громов.

— Арестуйте! Я в своем праве.

Оба приятеля растерянно переглянулись. Они не ожидали такого упорства. Но Подходцев оценил положение со свойственной ему быстротой.

Он согнул свою стройную фигуру и, сверкая глазами, как тигр, стал подкрадываться к оторопевшему Кандыбову.

— А-а, проклятая рухлядь, — зашипел он. — Или ты отдашь нам ребенка, или вся твоя квартира взлетит на воздух. Нам терять нечего — я бежал с каторги и скоро снова пойду туда, а мой товарищ болен скоротечной чахоткой! Ты можешь поднять крик, но тебе же будет хуже. Я скажу, что мы пришли как агенты по страхованию жизни, а ты напал на меня и начал меня бить. Товарищ под присягой покажет, что ты набросился даже на меня с ножом. За это — три месяца тюрьмы, время достаточное, чтобы жена твоя десять раз забрала ребенка. Лучше отдай добровольно.

— Мерзавцы! — злобно сказал старик.

— Конечно. А ты что думал? Мы и не скрываем — да, мерзавцы. Я еще ничего, а мой товарищ — сплошной мрак.

— Я буду жаловаться на вас в суд.

— Вот. Самое лучшее. Пока что ребенок будет у жены, а там пусть суд рассудит. Это уж не наше дело. Мы взяли тысячу рублей чистоганчиком и обещали за это доставить ребенка — остальное нас не касается. Верно, Громов?

— Понятно.

— А если я вам все-таки не отдам девочки.

— В тюрьму засадим. Ложь, донос, клятвопреступление — все пустим в ход. Чудак! Ведь говорят же тебе, что терять нам нечего. Будь мы еще порядочные люди...

Растревоженный старик задумался.

— Девочку я матери отдам, потому что все равно потом отберу ее по закону, а на вас буду жаловаться.

— Конечно, конечно, — согласился справедливый Громов. — Мы бы на вашем месте этого дела так не оставили. С какой стати! Действительно, таких вещей прощать не следует.

— Но ребенка я вам в руки не отдам. Пусть горничная непосредственно передаст его матери.

— Не доверяете? Пожалуйста. Только соберите их платья, белье, и пусть горничная принесет все сюда, наверх.

— Моя жена наверху? — быстро спросил старик.

— Да. В квартире жандармского полковника Подходцева. Она, впрочем, пришлет вам расписку в получении дочери.

Молчавший Громов добавил:

— А за то, что вы жестоко обращаетесь с женой, вы пострадаете.

— Вон отсюда!

— И за то, что жестоко обращаетесь с нами, тоже пострадаете!..

Глава 3

Первый ребенок в доме

Вернувшись домой, Подходцев и Громов застали мирную картину: Марья Николаевна лежала, свернувшись калачиком на диване, а Клинков читал ей какую-то книгу.

— Ну что? — встретил вернувшихся Клинков. — Наверное, без меня никакого толку не вышло?

— Нет, вышло, Марья Николаевна, сейчас вы получите вашего ребенка...

— Неужели он согласился?!

— Видите ли... он сначала как будто бы был против, но мы его уговорили.

— Привели, так сказать, резоны, — подтвердил Громов.

— И ваше белье принесут, и вещи.

— Какие вы милые! — воскликнула повеселевшая Марья Николаевна, протягивая им обе руки, которые они почтительно поцеловали.

— Важное дело — рука, — завистливо сказал Клинков, отходя к печке. — То ли дело — губы.

— Клинков!! — грозно прорычал Громов.

— Он обо мне что-нибудь спрашивал? — осведомилась Марья Николаевна.

— Да, — великодушно сказал Подходцев. — Он спрашивал: «А как ее здоровье?»

— А мы говорим, — подхватил, бросая на Подходцева благодарный взгляд, Громов. — «Ничего, спасибо, здоровье хорошее». Он был грустен.

И, поколебавшись немного, Громов добавил:

— Он плакал.

— В три ручья, — беззастенчиво поддержал Подходцев. — Как дитя.

— Еще бы, — ввязался в разговор Клинков. — Потерять такую женщину... Ручку пожалуйте!

Через полчаса горничная принесла два узла с бельем и девочку лет четырех. Горничная была заплакана, девочка была заплакана и даже узлы были заплаканы — так щедро облила их слезами верная служанка.

Девочка бросилась к матери, а Подходцев, чтобы не растрогаться, отвернулся и обратился сурово к горничной.

— Передай своему барину, что тут ты видела барыню и трех каких-то генералов с золотыми эполетами. Скажи, что ты слышала, как один собирается ехать жаловаться министру на твоего барина.

Когда горничная ушла, Марья Николаевна удалилась с девочкой в отведенную для нее комнату, а трое друзей принялись укладываться на диване и кроватях.

Разговаривали шепотом.

— Заметили, как она на меня смотрела? — спросил Клинков.

— Да, — отвечал Подходцев, — с отвращением.

— Врете вы. Она сказала, что я напоминаю ей покойного брата.

— Очень может быть. В тебе есть что-то от трупа.

— Тиш-ш-ше! — грозно зашипел Громов. — Вы можете их разбудить!

Клинков ревниво захихикал:

— «Громов влюблен, или — Дурашкин в первый раз отдал сердце! Триста метров». Хи-хи...

Глава 4

Дары

Раннее утро...

Из-под одеяла выпянула голова, покрытая короткими черными жесткими волосами. Вороватые глаза огляделись направо, налево, и толстые губы лукаво улыбнулись.

Убедившись, что товарищи еще спят, Клинков потихоньку сбросил одеяло, бесшумно оделся и, не умывшись, стал с замирающим сердцем прокрадываться к дверям.

Скрип запираемой Клинковым двери заставил показаться из-под одеяла вторую голову — с тонким породистым носом, задумчивыми голубыми глазами и красными от сна щеками, на одной из которых оттиснулась прошивка наволочки...

Громов удивленно поглядел на опустевшую кровать Клинкова, полюбовался на спящего богатырским сном Подходцева и, хитро улыбнувшись, начал одеваться. Делал он это как можно тише, и, когда один ботинок стукнул громче, чем нужно, Громов даже погрозил сам себе пальцем. Но Подходцев продолжал сладко спать — только губами зачмокал, будто жуя что-то сладкое...

После ухода Громова Подходцев пролежал не больше пяти минут — очевидно, так уже были спаяны эти три человека, что не могли ничего сделать один без другого — даже проснуться.

Подходцев зевнул, приподнялся на локте, оглядел пустую кровать и диван, задумчиво посвистал, оделся и, прикрепив на двери, ведущей в маленькую комнату, бумажку с надписью: «Не беспокойтесь, вернемся через полчаса, будем пить чай», — ушел.

Мирно тикали часы в затихшей комнате... Минутная стрелка пробежала не больше двадцати минут...

Скрипнула наружная дверь, и плутоватые выпуклые глаза Клинкова заглянули в щель. Убедившись, что никого нет, он вошел в комнату и развернул находившийся в руках большой сверток... Полдюжины роскошных желтых хризантем выпянули из бумаги своими мохнатыми курчавыми головками.

Клинков взял глиняную вазу с сухими цветами, выбросил их, вставил свои хризантемы, налил воды, поставил это нехитрое сооружение на стул перед дверьми маленькой комнаты и, отойдя, даже полюбовался в кулак — хорошо ли?

Умылся, тщательно причесался и, одетый, лег на диван.

Когда вернулся Громов, Клинков представился спящим.

У Громова тоже оказался сверток — большая игрушечная корова, меланхолично покачивавшая головой.

Громов опасливо оглянулся на Клинкова, поставил свою корову на другой стул около клинковских цветов и, облегченно вздохнув, улегся на одну из свободных кроватей.

Когда вошел Подходцев со свертком в руках, оба сделали вид, что сладко спят, но Подходцева на этот дешевый прием никак нельзя было поймать...

— Ну, ребята, нечего там дурака валять и закрывать глаза на происшедшее — вставайте!!

Потом он оглядел оба стула с подарками, пожал плечами и сказал:

— А вы не боитесь, что это животное пожрет эту траву?

В развернутом им свертке оказались: гребенка, кусок дорогого туалетного мыла и флакон одеколона — Подходцев и тут оказался на высоте практичности.

Он же разбудил и Марию Николаевну, он же распорядился насчет чая, он же подал через дверь кувшин с водой, чашку и все свои покупки.

Когда свежая от холодной воды, благоухающая одеколоном Мария Николаевна в каком-то сиреневом кружевном пеньюаре вышла в большую комнату, ведя за руку дочь, — все ахнули: так она была элегантна и уютна.

— Как вы милы, что подумали обо всем, — обратилась она к Подходцеву.

— Ну, вот еще новости. А эти два туземца ведь тоже кое о чем подумали...

Шаркая ногой и извиваясь, насколько позволял ему плотный стан, преподнес свои цветы Клинков. Тут же с другой стороны Громов

самым умилительным образом подсунул девочке свою меланхолическую корову.

— Господи... Зачем вы это... Я вам и так столько беспокойства доставила, — мило лепетала Марья Николаевна, разливая чай. — Валя, поблагодари дядю.

— Вот ты молодец, что подарил мне корову, — сказала Валя, бесстрашно влезая на громовские колени. — Так мне и надо.

И звучно поцеловала вспыхнувшего Громова в щеку.

— Гм! — сказал Клинков, — если бы я знал, что за коров полагается такая благодарность, я бы вместо цветов подарил корову.

— Говоришь о корове, — недовольно пробормотал Подходцев, — а сам все время подсовываешь осла.

— Марья Николаевна, разве я вам Подходцева подсовывал?

— Бледно, — пожал плечами Подходцев. — Вы на него не обижайтесь, Марья Николаевна, он ведь ни одной женщины не может видеть равнодушно... Юбки не пропустит! Один раз написал любовное письмо даже дамскому портному.

Глава 5

Искусство рассказывать сказки

Громов самым нежным образом держал Валю на коленях и поил ее чаем с блюдечка.

Валя, отпивая плоток, останавливала внимательный взгляд на лице Громова, открывала рот, чтобы что-то спросить, но неопытный Громов, замечая отверстый рот, моментально заливал его теплым чаем.

Наконец Валя пустила в блюдце пузыри, отвернулась от него и спросила:

— А у тебя дитев нету?

— Нет, — сказал Громов.

— А отчего?

— Так, не водятся они у меня... — уклончиво ответил Громов.

— Он их жарит в сметане и ест, — вмешался Клинков. — Очень любит их. Только на сковородке.

— Ну хоть ребенка-то ты можешь оставить в покое! — с некоторым раздражением сказал Громов.

— Что это значит «хоть»? — спросил Клинков. — А кого я еще не оставляю в покое?

— Взрослых. Но они могут сами за себя постоять, а это — ребенок.

— А ну вас к черту, — вдруг рассердился Клинков. — Мне Марья Николаевна нравится, и я прямо высказываю это ей. Думаю, в этом нет ничего обидного. А вы чувствуете то же, но с пересадкой: ты изливаешь свою благосклонность на невинное дитя, Подходцев корчит из себя заботливого опекуна...

— Тссс! — засмеялась Марья Николаевна. — Я вовсе не хочу быть яблоком раздора. Вы все одинаково милые, и нечего вам ссориться...

— Впрочем, может быть, я тут и лишний, — кротко и задумчиво сказал Клинков, впадая в лирический тон, — так вы мне в таком случае скажите — я уйду.

— Нет, ты должен быть здесь, — строго сказал Подходцев.

— Почему?

— Потому что сор из избы обычно не выносятся!

— А у тебя глазки закрываются? — спросила Валя, по-прежнему внимательно изучая лицо Громова.

— На многое, — усмехнулся Громов.

— Закрываются, я спрашиваю?

— О, еще как!

— А ну, закрой.

Громов закрыл.

— Так же, как у меня, — пришла в восторг Валя. — А сказки ты знаешь?

— Я-то? Знаю, да такие все ужасные, что не стоит и рассказывать. Очень страшные.

— А ты расскажи!

— Это нам легче легкого. Ну, о чем тебе?.. Видишь ли, была такая баба-яга. Жила, конечно, в лесу... Да... Лес такой был, она в нем и жила... Ну, вот — живет себе и живет... Год живет, два живет, три живет... Очень долго жила. Старая-престарая. Можно сказать, живет, поживает, добра наживает. Да-а... Да так, собственно, если рассудить, почему бы бабе-яге и не жить в лесу. В городе ее сейчас бы на цугундер, а в лесу — слава-те Господи! Вот, значит, живет она и живет... Пять лет живет, восемь...

Ревнивый взгляд Клинкова подметил, с какой лаской растроганная мать смотрит на рассказчика, дарящего своим вниманием ее крошку.

— Да что ты все: живет да живет, — перебил он. — Не знаешь, так скажи, а нечего топтаться на одном месте. Вот я тебе расскажу, мышонок мой славный... Ну, иди ко мне на колени — гоп! Слушай: жила-была баба-яга... Поймала она раз в лесу мальчишку и говорит ему: мальчик, мальчик, я сдеру с тебя шкуру. — Не дери ты с меня шкуру, — говорит он ей. Не послушала она, содрала шкуру. Потом говорит: мальчик, мальчик, я тебе глаза выколю... — Не коли ты мне глаз, — хнычет мальчишка. Не послушала, выколола. — Мальчик, мальчик, — говорит она потом, — я тебе руки-ноги отрежу. — Не режь ты мне рук-ног. Но старуха, что называется, не промах — взяла и отрезала ему руки-ноги...

Увлеченный полетом своей фантазии рассказчик, возведя очи к потолку, не замечал, как лицо девочки все кривилось-кривилось,

морщилось-морщилось и, наконец, она разразилась горькими рыданиями.

— Тебе бы сказки рассказывать не детям, а нижним чинам жандармского дивизиона, — сказал Подходцев, отнимая у него малютку. — Детка, ты не плачь. Дело совсем не так было: баба-яга действительно поймала мальчика, но не резала его, а просто проткнула пальцем мягкое темя малютки и высосала весь мозг. Мальчик вырвался от нее, убежал, а теперь вырос и живет до сих пор под именем Клинкова. Дырку в голове он заткнул любовной запиской, а мозгу-то до сих пор нет как нет.

— Очень мило, — пожал плечами Клинков. — Сводить личные счета, вмешивая в это невинного младенца... Марья Николаевна! Если вам нужно куда-нибудь, я вас провожу...

— Собственно, мне нужно в два-три места по делу, но я думала, что меня будет сопровождать Подходцев. Он такой опытный в разных делах.

Клинков, чтобы скрыть смущение, подмигнул и сказал, выпятив грудь:

— Да-с! Клинков совсем не для разговоров о делах. С Клинковым разговаривают совсем о другом.

Отошел к окну и стал сосредоточенно глядеть на улицу.

А Громов отозвал Подходцева в сторону и, краснея, шепнул ему:

— Почему ты с ней едешь, а не я?

— А почему ты бы поехал, а не я?

— Да, но ведь я ее нашел, я ее привел...

— Ну, ну! Без собственников... Что она, котенок бродячий, что ли? Зато я добыл для нее ребенка, и, наконец, она сама меня пригласила...

— Пожалуйста, — хмуро сказал Громов. — Ты прав, я не спорю. Клинков! А ты что думаешь делать?

— Я думаю приказать, — сказал, продолжая стоять у окна спиной ко всем, Клинков, — чтобы мой кучер Семен заложил пару моих серых в яблоках, и поеду к князю Кантакузен.

— Оставайся лучше дома, — бледно улыбнулся Громов, — серых мы выбросим, яблоки съедим, а потом займемся с Валею — не оставлять же девочку одну. Валя! Я тебе сейчас нарисую крокодила.

И, погладив девочку по головке, Громов принялся чинить карандаш.

Глава 6

Подходцев самый умный. Идиллия

Сумерки...

Подходцев лежал на кровати, заложив руки за голову, и мечтал бог его знает о чем. Изредка хмурился, сжимал голову руками, но потом, испустив легкий вздох, снова опадал, как внезапно ослабевшая пружина...

Громов безмолвно сидел на подоконнике, устремив упорный взгляд на улицу — «изучал кипучее уличное движение», как он вяло объяснил друзьям, заинтересованным его странным поведением.

Валя сидела на коленях у Клинкава и, по своему обыкновению, рассматривая в упор лицо своего взрослого собеседника, несколько раз тоскливо спрашивала:

— Где мама?

— Мама ушла по делу, — неизменно отвечал Клинков, разглаживая ее кудри. — Скоро вернется.

— Да она уже давно ушла.

— Тем больше резонов ей скорее вернуться.

— Чего?

— Резонов.

— Каких?

— Ты знаешь, что такое резон?

— Н... нет.

— Это такой человек, который детей режет, когда они пристают к нему с расспросами.

— А где он живет?

— На углу Московской и Безымянного...

— Он ходит по улицам?

— Да, уж такое его поведение, — рассеянно отвечал Клинков, прислушиваясь к чьим-то шагам на лестнице.

— А он маму не возьмет?

— Кажется, что мы все этого серьезно опасаемся, — с грустной насмешливостью ответил за Клинкава Подходцев...

— Не говори глупостей, — оборвал его Громов. — Раз Марья Николаевна говорит, что идет по делу, значит, дело существует.

— Конечно, существует, — как-то странно неестественно хрипло рассмеялся Подходцев. — А если бы вы слышали, как это «дело» звякает шпорами! Прямо малиновый звон.

Кубарем скатился с подоконника Громов и, подступив к холодно глядевшему на него Подходцеву, спросил дрожащим голосом:

— Что это значит?

— Шпоры-то? Да ведь шпоры были не сами по себе... Они были прикреплены к ногам... В темноте мне еще удалось рассмотреть живот, грудь, руки и голову. Все вместе составляло одного весьма недурного собой офицера... Он довозил ее до нашего подъезда.

— Может быть, это какой-нибудь родственник? — неуверенно предположил Клинков.

— Ну, да, — с некоторой надеждой подхватил Громов. — Она, вероятно, была у него по делу о разводе с мужем, и он довез ее потом до дому.

— Дескать, вечером одной опасно, — проговорил, призадумавшись, Клинков, — он ее и довез.

Громов добавил, лоя подтверждающий взгляд Подходцева:

— Обыкновенная вежливость.

— А не сыграть ли нам в карты? — вдруг ни с того ни с сего предложил Подходцев.

— Почему в карты? Во что именно?

— В «дураки». Конечно, игра эта ничего нового не прибавит к вашим характеристикам, но она лишний раз подтвердит то мнение о вас, которое я себе составил...

Громов и Клинков засмеялись, но ничего не возразили.

Громов стал тасовать карты, а Клинков повел Валю укладывать спать...

— Ну вот, Валя... Давай, я тебе сниму чулочки, башмачки и платице, ты и ложись спать... Умыть тебя?

— Да ты всегда заливаешь мне воду за шею!..

— Это новый, открытый мной способ, на который я думаю взять привилегию. Иначе не умею.

— Мама лучше умывает.

— Ну, что там мама! У нее, брат, дел и без тебя много.

— Ну, вот видишь — опять всю облил.
— А ты сохни скорей, вот и будет хорошо.

— Ой, мыло в рот попало!..

— А я думал, ты взбесилась. Смотрю — изо рта пена. Выплюнь.

Долго возился заботливый, но крайне неуклюжий Клинков (с некоторых пор он заменил совсем павшего духом Громова) около девочки, пока не уложил ее в постель.

— Ну, спи, звереныш.

— Послушай, а Богу молиться... Почему ты меня не помолил?

— Ну, молись.

Девочка стала на колени.

— Ну? — обернулась она к нему.

— Что тебе еще?

— Говори же слова. Я ж так же не могу, когда мне не говорят слова.

— Ну, повторяй: «Господи, прости мою маму, Клинкова, Громова и Подходцева...» Они, брат, совсем, кажется, закрутились.

— ... «Они, брат, совсем, кажется, закрутились», — благоговейно произнесла девочка.

— Нет, это не надо! Это не для молитвы, а так. Ну, теперь говори: «Спаси их и помилуй».

— А папу? — вдруг спросила Валя, глядя на него сбоку удивленным черным глазом.

— Папу? Ну можно и папу, — решил щедрый Клинков. — Бог его простит, твоего папу.

— Готово? — спросила девочка.

Клинков неуверенно согласился:

— Пожалуй, готово.

— А теперь сказку, — скомандовала Валя, ныряя под одеяло.

— Еще чего! Спи.

— Ну, скажи сказку, ну, пожалуйста.

— Да я все страшные знаю.

— Расскажи страшную!

— Ну, слушай: в одном доме разбойники убили старуху, отрезали ей голову и унесли, а туловище бросили в запертой квартире. Пришли домой, голову съели и легли спать. Вдруг ночью слышат, кто-то ходит

по ихней комнате. Зажгли свет: глядь, а это старуха без головы ходит, растопыря руки, и ловит их: «Отдайте, дескать, мою голову»...

Неизвестно, до чего дошла бы эта леденящая кровь история, если бы из соседней комнаты не раздался окрик Подходцева:

— Клинков! Иди, я тебя в Громовых оставлю.

— В каких Громовых?

— Ну в дураках, не все ли равно.

Несмотря на все задиранья Подходцева, друзья не парировали его шуток.

Слышались только краткие возгласы: «Тебе сдавать! Тройка! Ты остался!»

Глава 7

Клинков снова уезжает

Громов предъявил Подходцеву «тройку», состоящую из семерки, восьмерки и короля, и заметил:

— Сколько она у нас уже живет? Вторую неделю?

— Да, — подтвердил Подходцев, рассеянно покрывая короля валетом и принимая семерку с восьмеркой. — Девятый день.

— Первые два дня она тебя с собой брала, когда ездила по делам, а теперь все сама да сама...

— Может, она боится затруднять Подходцева, — задумчиво предположил Громов, набирая из колоды сразу семь карт.

— Не симптоматично ли, — криво усмехнулся Подходцев, — что ты, Громов, как раз в эту минуту остался в дураках.

— Ты предполагаешь, что в эту минуту? — злобно подхватил Клинков. — Я думаю — раньше.

Громов бросил карты на пол и вскочил с места.

— Ну, так я же вам скажу, что вы оба свиньи и самые грязные лицемеры. Как?! Вы меня упорно называете плупцом, упорно смеетесь надо мной... А вы?! Ты, Подходцев, разве ты не пробродил от семи до девяти часов вечера по нашей улице?!

— Я папиросы покупал!

— Два часа? За это время можно купить целую табачную фабрику!! А Клинков?! Раньше он сравнивал детей с клопами, говорил, что они «заводятся» и что их нужно шпарить кипятком — что заставляет его теперь возиться с девочкой, как нянька? Откуда этот неожиданный прилив любви к детям?!

— Я всегда любил ухаживать за детьми, — попробовал вставить свое слово Клинков в этот шумный водопад.

— Да! Когда им было больше восемнадцати лет! Разве я не вижу, что Подходцев все смотрит в потолок да свистит какую-то дрянь, а когда она приходит, он расцветает и прыгает около нее, как молодой орангутанг. Разве не заметно, что Клинков, под видом сочувствия к ее горю, то и дело просит «ручку» и фиксирует поцелуй так, что всех

тошнит... И вот, оказывается, что вы оба правы, вы в стороне, а я — неудачный ухаживатель, предмет общих насмешек... и... и...

— Выпей воды! — холодно посоветовал Подходцев.

— К черту воду!!

— Мне эта истерика надоела, — сверкнув глазами, заявил Подходцев. — Я сейчас ложусь спать, и, если кто-нибудь еще вздумает оглашать воздух воплями, я заткну тому плотку своим пиджаком.

— Вся эта история чрезвычайно мне не нравится, — заявил вдруг тихо сидевший на своей кровати Клинков. — В воздухе пахнет серой и испорченными отношениями. Эта атмосфера не по мне. Вы как хотите, а я уеду. Сыт я по горло. Завтра сообщу свой адрес, а сегодня — прощайте.

Подходцев язвительно улыбнулся...

— Ага! Опять к дяде?

Клинков, не обращая на эти слова никакого внимания, сказал с озабоченным видом:

— Если девчонка вдруг проснется, пока мать не пришла, и начнет плакать, заткните ей рот мармеладом — у меня тут на шкапу для нее припасена коробка... Заверьте ее, что мать вернется с минуты на минуту. А то терпеть не могу этого визга.

— Да ведь тебя тогда все равно уже не будет!

— Ну, знаете, если такое сокровище раскричится, так и через три улицы слышно!.. Ну, вот и готово. Ничего, Громов, я сам. Чемодан не тяжелый.

Глава 8

Неожиданная развязка

В этот момент на площадке раздались шаги, и в дверь кто-то постучался.

— Она — пролепетал Клинков и, весь вспыхнув, без сил опустился на чемодан.

— Войдите!

В комнату вошел человек, по внешнему виду очень смахивавший на денщика.

— Первые его слова, — шепнул Подходцеву Громов, — будут: «Так что...»

— Так что, — сказал денщик, — барыня кланяются, и вот от них записка, сами же они в своем местонахождении, уехавши.

Подходцев, как человек с наибольшим самообладанием и авторитетом, прочел записку и засмеялся:

— Распаковывайся, Клинков!

— А что?!

— Дайте полковнику на чай и отпустите его. До свиданья, полковник!

— Вот, господа, ценный автограф: «Извините, что прощаюсь не лично, а письменно. Зайти к вам не могу. Почему? — секрет. Спасибо вам за хорошее отношение. За вещами пришлю, а Валю отведите к папе. Может быть, вы когда-нибудь меня поймете... Преданная вам М.».

— Та-а-ак... Заметь при этом, что вещи у нее поставлены на первое место, а Валя на второе, — скорбно заметил чадолюбивый Клинков.

Громов пожал плечами:

— Ну, это ничего не доказывает. Она, вероятно, была очень взволнована.

— Бедный ребенок, — прошептал Подходцев.

— Бедная мать, — сказал Громов.

«Бедный Клинков», — подумал про себя эгоист Клинков.

— Клинков! Ты заменял девочке мать, ты и веди ее к отцу!

— Да, но ведь я не знаком с ним, а вы знакомы.

— Знаешь?.. Такое знакомство, как у нас с ним, всегда проиграет перед незнакомством, — заметил, успокоившись раньше других, Подходцев, хотя губы его нее еще дрожали. — Ну, в таком случае пойдем втроем.

— Как, ты не спишь? — удивился Клинков, зайдя в маленькую комнатку.

— Да, ты мне рассказал такую страшную сказку, что я не могла заснуть.

— Все к лучшему, мой юный друг, — сентенциозно заметил Клинков, натягивая ей чулочки. — Страшная сказка пришлась кстати.

— Куда мы? — удивилась девочка.

— К папе. Видишь ли, там, собственно говоря, мама... то есть ее еще нет, но когда-нибудь она придет. Да! Наверное. Этим всегда кончается — верь мне, цыпленок, — так говорит мудрый Клинков...

Кандыбов уже собирался спать, когда раздался звонок в передней, и три друга, эскортировавшие крохотную девочку, предстали перед изумленным хозяином.

— Что это значит? — сурово спросил он.

— Прежде всего — уведите девочку. Глаша, или как вас там, извиняюсь, не знаю — возьмите ее, — распорядился Подходцев. — Вот... А что касается нас, то... простите, мужественный старик, что я о вас худо думал. Нас ввели в заблуждение, и первое наше впечатление в том и другом случае оказалось... гм! обманчивым. Ваша жена... да вот, лучше всего прочтите записку!

Мужественный старик прочел записку, несколько не удивился и потом спросил:

— А чего, собственно, вы впутались в эту историю?

— Единственно из доброты, — угрюмо сказал Подходцев.

— Думали: страдающая мать, осиротевший ребенок, — сокрушенно подхватил Клинков.

— А дочка у вас чудесная, — похвалил Подходцев. — Как вы могли отдать нам ее, не понимаю! Повесить вас за это мало!

От похвалы дочери старик расцвел так, что даже пропустил мимо ушей неожиданный конец фразы.

— Славная девчонка, не правда ли?

— Очаровательная. Нам будет без нее скучно, — вдруг выступил вперед Клинков. — Вы будете иногда отпускать ее к нам? Кстати, — вспомнил он, вынимая из-за пазухи знаменитую громовскую корову. — Вот ее корова. Передайте ей. Молока не дает, но зато и сена не просит.

— Откуда эта корова?

— Громов подарил. Чудесная девочка!

Надо знать отцовское сердце, чтобы допустить, казалось бы, невероятный факт: через полчаса три приятеля сидели у гостеприимного хозяина в его столовой, чокаясь старой мадерой и запивая свое горе, каждый по-своему: Клинков с Подходцевым шумно, Громов — угрюмо, молчаливо.

— Что это он такой? — участливо спросил хозяин.

— У него большое горе, — неопределенно сказал Подходцев.

А Клинков прибавил:

— Такое же почти, как у вас, только больше.

Глава 9

Зловещие признаки, страшное признание

Громов сказал толстому Клинкову:

— Меня беспокоит Подходцев.

— Да уж... успокоительного в этом молодце маловато.

— Клинков! Я тебе говорю серьезно: меня очень беспокоит Подходцев!

— Хорошо. Завтра я перережу ему горло, и все твои беспокойства кончатся.

— Какие вы оба странные, право, — печально прошептал Громов. — Ты все время остришь с самым холодным, неласковым видом, Подходцев замкнулся и только и делает, что беспокоит меня. Вот уже шесть лет, как мы неразлучно бок о бок живем все вместе, а еще не было более гнусного, более холодного времени.

Тон Громова поразил заплывшее жиром сердце Клинкава.

— Деточка, — сказал он, целуя его где-то между ухом и затылком, — может быть, мы оба и мерзавцы с Подходцевым, но зачем ты так безжалостно освещаешь это прожектором твоего анализа?.. В самом деле — что ты подметил в Подходцеве?

Опрокинув голову на подушку и заложив руки за голову, Громов угрюмо проворчал:

— Так-таки ты ничего и не замечаешь? Гм!.. Знаешь ли ты, что Подходцев последнее время каждый день меняет воротнички, вчера разбил Митьку за то, что тот якобы плохо вычистил ему платье, а нынче... Знаешь ли, что он выкинул нынче?

— И знать нечего, — ухмыльнулся Клинков, втайне серьезно обеспокоенный. — Наверное, выкинул какую-нибудь глупость. От него только этого и ожидаешь.

— Да, брат... это уже верх! Нынче утром подходит он ко мне, стал этак вполоборота, рожа красная, как бурак, и говорит этаким псевдонебрежным тоном, будто кстати, мол, пришлось: «А что, стариканушка Громов, нет ли у тебя лилового шелкового платочка для пиджачного кармана?» А когда я тут же, как сноп, свалился с постели и пытался укусить его за его глупую ногу, он вдруг этак по-балетному

приподнимает свои брючишки и лепечет там, наверху: «Видишь ли, Громов, у меня чулки нынче лиловые, так нужно, чтобы и платочек в пиджачном кармане был в тон». Тут уж я не выдержал: завыл, зарычал, схватил сапожную щетку, чтобы почистить его лиловые чулочки, но он испугался, вырвался и куда-то убежал. До сих пор его нет.

— Черт возьми! — пролепетал ошеломленный этим страшным рассказом Клинков. — Черт возьми... Повеяло каким-то нехорошим ветром. Мы, кажется, вступили в период пассатов и муссонов. Громов... Что ты думаешь об этом?

— Думаю я, братец ты мой, так: из вычищенного платья, лиловых чулков и шелкового платочка слагается совершенно определенная грозная вещь — баба!

— Что ты говоришь?! Настоящая баба из приличного общества?!

— Да, братец ты мой. Из того общества, куда нас с тобой и на порог не пустят.

— Кого не пустят, а кого и пустят, — хвастливо подмигнул Клинков. — Меня, брат, однажды целое лето принимали в семье одного статского советника.

— Ну да, но как принимали? Как пилюлю: сморщившись. Мне, конечно, в былое время приходилось вращаться в обществе...

— Ну, много ли ты вращался? Как только приходил куда — сейчас же тебе придавали вращательное движение с лестницы.

— Потому что разнюхивали о моей с тобой дружбе.

— Дружба со мной — это было единственное, что спасло тебя от побоев в приличном обществе. «Это какой Громов? — спрашивает какой-нибудь граф. — Не тот ли, до дружбы с которым снисходит знаменитый Клинков? О, в таком случае не бейте его, господа. Выгоните его просто из дому». Что касается меня, то я в каком угодно салоне вызову восхищение и зависть.

— Например, в «салоне для стрижки и бритья», — раздался у дверей новый голос.

Прислонившись к косяку, стоял оживленный, со сверкающими глазами Подходцев.

Громов и Клинков принялись глядеть на него долго и пронзительно.

Переваливаясь, Громов подошел к новоприбывшему, поглядел на кончик лилового шелкового платочка, выглядывавший из бокового кармана, и, засунув этот кончик глубоко в карман, сказал:

— Смотри, у тебя платок вылез из кармана.

Подходцев пожал плечами, подошел к зеркалу, снова аккуратно вытянул уголок лилового платочка и с искусственной развязностью обернулся к друзьям.

— Что это вам пришло в голову рассуждать о светской жизни?

— Потому что мы в духовной ничего не понимаем, — резко отвечал Клинков, снова сваливаясь на кровать.

Лег и Громов (это, как известно, было обычное положение друзей под родным кровом). И только Подходцев крупными шагами носился по громадной «общей» комнате.

— Подойди-ка сюда, Подходцев, — странным голосом сказал Клинков.

— Чего тебе?

— Опять уголочек платка вылез. Постой, я поправлю... Э, э! Позволь-ка, брат... А ну-ка, нагнись. Так и есть! От него пахнет духами!!! Как это тебе нравится, Громов?

— Проклятый подлец! — донеслось с другой кровати звериное рычание.

И снова все замолчали. Снова зашагал смущенный Подходцев по комнате, и снова четыре инквизиторских сверкающих глаза принялись сверлить спину, грудь и лицо Подходцева.

— Ффу! — фыркнул наконец Подходцев. — Какая, братцы, тяжелая атмосфера... В чем дело? Я вас, наконец, спрашиваю: в чем же дело?!

Молчали.

И, прожигаемый четырьмя горящими глазами, снова заметался Подходцев по комнате.

Наконец не вытерпел.

Сложив руки на груди, повернулся лицом к лежащим и нетерпеливо сказал:

— Ну да, хорошо! Если угодно, я вам могу все и сообщить, — мне стесняться и скрытничать нечего... Хотите знать? Я женюсь! Довольно? Нате вам, получайте!

Оглушительный удар грома бабахнул в открытое окно, и белые ослепительные молнии заметались по комнате. А между тем небо за окном было совершенно чистое, без единого облачка. И мрачная, жуткая тишина воцарилась... надолго.

— Что ж... женись, женись, — пробормотал Клинков, тщетно стараясь придать нормальный вид искривленным губам. — Женись! Это будет достойное завершение всей твоей подлой жизни.

— А что, Подходцев, — спросил Громов, разглядывая потолок. — У вас, наверное, когда ты женишься, к чаю будут вышитые салфеточки?

— Что за странный вопрос! — смутился Подходцев. — Может, будут, а может, и нет.

— И дубовая передняя у вас будет, — вставил Клинков. — И гостиная с этакой высокой лампой?

— А на лампе будет красный абажур из гофрированной бумаги, — подхватил Громов.

Клинков не захотел от него отстать:

— И тигровая шкура будет в гостиной. На окнах будут висеть прозрачные гардины, а на столе раскинется пухлый альбом в плюшевом переплете с семейными фотографиями.

— А мы придем с Клинковым и начнем сморкаться в кисейные гардины.

— А в альбом будем засовывать окурки.

— И вступим в связь с твоей горничной!

— А я буду драть твоих детей, как сидоровых коз. Как только ты или твоя жена (madame Подходцева, ха, ха — скажите, пожалуйста!), как только вы отвернетесь, я, сейчас же твоему ребенку по морде — хлоп!

— Небось и елку будешь устраивать?.. — криво усмехнулся Клинков.

— Я твоим детям на елочку принесу и подарочки: медвежий капкан и динамитный патрон — пусть себе дитенок играет.

— А ты думаешь, Громов, что у него дети будут долговечны? Едва ли. Появится на свет Божий младенец да как плянет, кто его на свет произвел, так сразу посинеет, поднимет кверху скрюченные лапки, да и дух вон.

— Да нет, не бывать этому браку! — с гневом воскликнул Громов. — Начать с того, что я расстрою всю свадьбу! Переоденусь в женское платье, приеду в церковь да, как пойдете вы к венцу, так и закачу истерику: «Подлец ты», скажу, «соблазнил меня, да и бросил с ребенком!»

— А я буду ребенком, — некстати подсказал огромный толстый Клинков. — Буду хвататься ручонками за твои брюки и буду лепетать: «Папоцка, папоцка, я хоцу кусать».

— Попробуй, — засмеялся Подходцев. — Я тебя накормлю так, что ног не потянешь.

И опять нервно зашагал Подходцев, и снова долго молчали лежащие...

Глава 10

Подходцев уходит. Элегия

Где-то между двумя подушками, где лежала голова Громова, послышался тихий стон:

— Подходцев, серьезно женишься?

— Серьезно, братцы... Ей-Богу. Надо же.

— Подходцев! Не женись, пожалуйста.

— Вот, ей-Богу, какие вы странные! Как же так можно не жениться?..

— Подумай ты только, — подхватил Клинков. — С нами ты живешь — что хочешь делай. Затеял ты легкую интрижку — пожалуйста! Мы тебе поможем. Напился ты пьян — сделай одолжение! И мы от тебя не отстанем.

— Пожалуй, и перегоним, — подтвердил Громов.

— Ну, вот видишь! А жена! Ты думаешь, это шутка — жена? Да вы лучше меня спросите, братцы, что такое жена!

— Ты-то откуда знаешь?

— Я-то? Я, братцы, все этакое знаю.

— Разве ты был женат?

— Собственно говоря... как на это взглянуть. Если хотите, то... Да уж, что там говорить — знаю! Пришел пьян — бац лампой по голове! Завел интрижку — бац тарелкой по спине. Сидишь дома — нервы, вышел из дому — истерика. А в промежутках — то у нее любовник сидит, то она платье переодевает, то ей какое-нибудь там кесарево сечение нужно делать.

— Странное у тебя представление о семейной жизни.

— Да уж поверь, брат, настоящее!

— Постой, Клинков, не трещи, — остановил его солидный Громов. — А не приходило тебе в голову, Подходцев, такое: просыпаешься ты утром после свадьбы — глядь, а сбоку чужая женщина лежит. И сам ты не заметил, как она завелась. То да се — хочешь ты к нам удрать — «нет-с, говорит, постойте! Я твоя мужняя жена, и ты из моих лап не вырвешься». Ты в кабинет — она за тобой; ты на улицу — она за тобой. Ночью пошел в какой-нибудь чуланчик,

где грязное белье складывается, — чтобы хоть на полчаса одному побыть — не тут-то было! Открывается дверь, и чей-то голос пищит: «Ты тут, Жанчик? Что же ты от меня ушел? Ну, я тут с тобой посижу! Зачем ты меня одну бросил, Жанчик?» Ну, конечно, ты ей возразишь: «Да ведь двадцать-то пять лет ты жила же без меня, дрянь ты этакая?! Почему же сейчас без меня минутки не можешь?» — «Нет, Жанчик, — скажет она, — надо было бы тебе на мне не жениться... Раз женился — так тебе и надо!» Повеситься захочешь, и то не даст — из петли вынет, да еще поколотит оставшейся свободной веревкой: «Как, дескать, смел, паршивец, вдову без прокормления оставлять!»

Пауза.

— Подходцев!

— Ну? — приостановился Подходцев.

— Не женишься? — робко спросил Громов, считая почву достаточно подготовленной.

— Женюсь! — вздохнул Подходцев. — Жалко мне вас, но что же делать... женюсь! А который теперь час?.. Ой-ой... Пять! А мы в половине шестого должны кататься. Друзья! До свиданья! Целую вас мысленно.

— Подавись ты своими поцелуями.

— Громов! Можно надеть твой серый жилет?

— Нельзя. Он мне сейчас будет нужен.

— Для чего?

— Чернилами буду обливать.

— Гм!.. Ну, прощайте, братцы. Бог с вами.

Клинков поманил его пальцем.

— А подойди-ка... Видишь, какой ты неаккуратный: кончик платка опять вылез.

— Осел ты пиренейский, — завопил Подходцев. — Да ведь так же и нужно, чтобы он торчал. А ты его уже в третий раз засовываешь.

Клинков уткнулся в подушки, и плечи его запрыгали: неизвестно было — смеялся он или оплакивал гибнущего друга?..

Стараясь не встречаться взглядом с оставшимися, Подходцев вышел в двери как-то боком, виновато.

По уходе его Клинков тяжело встал с кровати, подошел к зеркалу и с плаксивой миной стал разглядывать себя.

— Клиночек! Что с тобой? Охота тебе всякую дрянь разглядывать! Уже не думаешь ли и ты жениться?..

— Знаешь, что я сейчас почувствовал, Громов? — обернулся к нему Клинков, и углы губ его передернулись.

— Ну?

— Стареем, брат, мы... Подходцев женится, а у меня уже седые волосы на висках появились.

— А с ребрами благополучно?

— С какими ребрами?

— Беса в ребре не ощущаешь?

— Какого беса?

— Ну, говорят же: седина в бороду, а бес... и так далее.

Клинков кротко, печально улыбнулся.

— Не острится нынче что-то...

— Голова не тем наполнена.

— Ну, в отношении себя ты преувеличиваешь.

— Почему?

— Она у тебя ничем не наполнена.

— Нет, Клинков, — улыбнулся Громов еще печальнее, чем давеча Клинков. — И у тебя ничего не получается. Не остри, брат.

— Плохо вышло?

— Чрезвычайно.

— Да, действительно. Что-то не то...

И долго сидели так, осиротевшие, каждый на своей постели, пока не окутали их синие сумерки...

Глава 11

Вести оттуда

В большой комнате, в которой жили раньше трое, а теперь, после женитьбы Подходцева, только двое, было тихо... Даже мышь не скреблась под полом — вероятно, издохла от бескормицы. В комнате находился один толстый Клинков.

Конечно, он лежал на кровати.

Его дела, как и дела Громова, пришли в упадок: доходов не было, а расходы требовались колоссальные: на одну еду уходило не меньше рубля в день. Да квартира, на оплату которой расходовалось вместо денег чрезвычайно много нервов (при объяснениях с хозяйкой), да папиросы, да то и се...

Беззвучные вздохи раздирали массивную грудь Клинкава.

«А тут еще Громов исчез, — думал Клинков. — Наверное, попал в компанию меценатов и забыл и думать обо мне».

Но в этот самый момент в виде наглядного, фактического опровержения в комнату влетел запыхавшийся Громов.

— Что это ты, брат?! — спросил Клинков, скосив на него глаза. — Будто бы только что из церкви вырвался?

— Почему... из церкви?

— Да ведь ты принадлежишь к тому незадачливому разряду людей, которых и в церкви бьют. Вот я и думал...

— Ты? Думал?! Может ли с тобой это случиться?

— Тебя это удивляет? Очень просто: я думаю бесшумно, поэтому снаружи ничего не заметно, а ты, когда над чем-нибудь задумаешься, то в твоей голове слышно легкое потрескивание. Будто чугунная печка постепенно накаливается.

— Хочешь, я тебя сейчас водой оболью?

— Если ты этим докажешь высокое состояние твоих умственных способностей — обливай.

— Просто оболью. Чтоб ты не пристававал.

— Не надо. Я предпочитаю сухое обращение.

— Недурно сказано. Запишу. Может быть, в редакции «Скворца» за это нам заплатят рублишку. Кстати! Сейчас швейцар передал мне

письмо с адресом, написанным женским почерком...

— Тебе письмо?

— Нет.

— Мне?!

— Нет.

— А кому же?!

— Нам обоим.

— Странный вы народ, ей-Богу. Сколько вас по всем церквам ни бьют, все вы не умнеете. От кого письмо?

— Недоумеваю. Наверное, какая-нибудь графиня, увидя меня на прогулке, пишет, что я поразил ее до глубины души.

— Возможно. Если она гуляла на огороде, а ты стоял в своей обычной позе — растопыря руки и скривившись на бок для наведения ужаса на пернатых...

Не слушая его, Громов разорвал письмо и вдруг вскричал в неопишемом удивлении:

— Не сон ли?! Знаешь, кто нам пишет? Madame Подходцева!

— Уже?

— Что уже?

— Собирается изменить Подходцеву?

— Кретин!

— Первый раз слышу. Что она там пишет? Не просит ли развести ее?

— «Многоуважаемые Клинков и Громов»...

— Видишь, меня первого написала, — съязвил Клинков. — А тебя приписала так уж... из жалости.

— «Я знаю, что, выйдя замуж за Боба [1], я похитила у вас любимого друга, но, надеюсь, вы на меня не сердитесь. Чтобы доказать это, приходите нынче вечером пить чай. Познакомимся и, думаю, будем друзьями».

— Ишь ты, пролаза, — проворчал Клинков. — Сколько сахара! Больше там про меня ничего нет?

— Есть. Вот: если Клинков, благодаря своей толщине, не пролезет в квартиру, мы ему вышлем чаю на улицу, к воротам... Впрочем, может быть, он сидит в лечебнице для умалишенных, и потому...

— Брось, надоел. Как она подписалась?

— «Ненавистная вам Ната Подходцева».

— Правильно. Так что же мы... пойдём?

— Противно все это. А?

— Тошнехонько. Вышитые салфеточки, на чайнике вязаный гарусный петух...

— Верно. А Подходцев лежит в халате на диване, курит трубку и заказывает кухарке на завтра обед.

— А сбоку полотеры ерзают по полу, стекольщики вставляют стекла, а в углу мамка полощет пеленки.

— С ума ты сошел? Они всего два месяца как поженились!

— Ну да, — скептически покривился Клинков. — Будто ты не знаешь Подходцева. Так пойдём?

— Черт их знает. Правда, что там накормят. А я с утра ничего не ел.

— Красивая она, по крайней мере?

— Клинков!

— И о чем с ними говорить, спрашивается?

— Сейчас видно, что ты не бывал в хорошем обществе. Ну вот, предположим, приходим мы... «Здравствуйте, как поживаете?» — «Ничего себе, спасибо. Садитесь». Сели. Оглядываемся. «Хорошая у вас квартирка. Не дует?» — «Что вы, что вы!» — «С дровами?» — «Без дров. А за дрова теперь так дерут, что сил нет». — «Да, уж эти дрова». — «Можно вам чаю стаканчик?» — «Пожалуй». Понимаешь? Этакая нерешительность: «пожалуй». Могу, мол, и не пить. А то ведь я тебя знаю... Предложишь тебе чаю, а ты хлопнешь себя по животу, да еще подмигнешь, пожалуй: «Ежели с ветчиной да с семгой, то я и полдюжины пропущу».

— Гм... да. Может, там речи какие-нибудь за столом нужно говорить?

— Какие речи?

— Ну там по поводу брака; «ум, мол, хорошо, а два лучше».

— Там будет видно. Только ты уж не забудь, когда войдем, ручку у нее поцеловать.

— На этот счет я ходок.

— Еще бы. Сколько побоев принял — пора научиться. Кстати... могу тебе дать три совета: на ковер не плюй, в самовар окурки не

бросай и, если будешь есть крылышко цыпленка, — руки потом об волосы не вытирай.

— О свои не буду. А об твои готов хоть сейчас.

Переругиваясь, эти странные друзья принялись за свой туалет.

Глава 12

В гостях у Подходцева

Подходцев, видимо, немного конфузился своего нового положения. В передней встретил Клинкова преувеличенно шумно.

— А-а!! Клинище-голенище... Здравствуй, старый развратник! Давно пора... А где же Громов?

— Он там... на площадке.

— Почему?

— Стесняется, что ли. Капризничает. Не хочет идти.

Подходцев выпянул из дверей и увидел Громова, с громадным интересом и вниманием читавшего дверную доску, на которой было ровным счетом написано три слова.

Затратив на чтение время, достаточное для просмотра газетной передовицы среднего размера, Громов обернулся и увидел Подходцева.

— Чего ж ты остановился тут, на площадке, чужак?!

— Я сейчас. Отдохну только тут немного... Почитаю.

— Иди, иди. Нечего там. Вот, господа, позвольте вас познакомить с моей женой: Наталья Ильинишна.

Клинков прищелкнул лихо каблуком и стремительно клюнул красным носом узкую душистую ручку. Громов томно поднес другую ручку к губам и с некоторой натугой проворчал:

— Хорошенькая у вас квартирка...

— Осел, — толкнул его тихонько в бок Клинков. — Мы же еще в передней.

Перешли в гостиную.

— А, действительно, прекрасная квартирка, — воскликнул Громов с преувеличенным восторгом. — И много, скажите, платите?

— Сто десять.

— С дровами?

Подходцев не удержался.

— До вашего прихода квартира была без дров; теперь — с дровами.

— А была, ты говоришь, без дров, — спросил Клинков. — Можно подумать, что ты никогда не бываешь дома...

— Пойдемте пить чай, — сказала хозяйка, выглядывая из столовой.

— Что ты говоришь! — ахнул Подходцев. — Неужели это правда? Откуда ты это взял? Неужели сам придумал? Наверное, кто-нибудь сообщил?

— Ну, покажи же нам свою квартиру, — подтолкнул Клинков Подходцева. — Я думаю, изнываешь от желания похвастаться благополучием...

— Да что ж вам показывать... Вот это столовая.

— И верно. Столовая. Все в аккурате. А где гарусный петух, который на чайник нахлобучивают?

— Петуха нет.

— Упущение. А гардиночки славные. Прямо сердце радуется. И салфеточки вышитые.

— Ты, кажется, грозил мне, что будешь в них сморкаться...

Клинков вспыхнул и отвернулся от Натальи Ильинишны.

— Не выдумывай, Подходцев.

— Да уж ладно. Это вот мой кабинет.

Громов похлопал ладонью по спинке кресла:

— Кожа?

— Она самая.

— Здорово пущено. А чернильница-то! Когда я помру — поставь ее над моей могилой. Совсем как памятник. А книг-то, книг-то! Каждая небось с переплетом рубля по три...

— И все десять заплатишь, — подхватил Клинков с непроницаемым выражением лица.

— А ковер-то! Фу-ты ну-ты...

От яркого ли света или от чего другого, но тени на скулах Громова сделались резче и обозначились двумя темными впадинами. И голос, несмотря на наружный восторг, изредка вздрагивал и срывался.

— Ты похудел, Громов, — мягко заметил Подходцев. — Как дела?

— Дела? Замечательны. Денег так много, что мы стали вести с Клинковым грешный образ жизни, что, как известно, ведет к похудению.

Перешли в гостиную.

— Это вот гостиная, — отрекомендовал Подходцев.

— Как ты не спутаешься, — удивился Клинков. — Каждую комнату узнаешь сразу.

Наталья Ильинишна окинула хозяйским взглядом преддиванный столик и удивленно спросила:

— А куда же задевался альбом?

Подходцев смутился.

— Да я его... тово... положил на этажерку.

— С чего это тебе вздумалось? Всегда лежал на столе, а ты вдруг...

И безжалостная жена извлекла откуда-то и положила на стол пухлый плюшевый альбом, точно такого вида, как описывал его ядовитый Клинков перед женитьбой Подходцева.

Чтобы замаскировать смущение. Подходцев отвернулся от стола.

— А вот, господа, рояль.

Громов добросовестно осмотрел и рояль, приблизив глаза к самой полированной крышке, будто бы он рассматривал не рояль, а маленькое диковинное насекомое...

— А теперь к столу, господа, к столу!

Было все... Сверкающий самовар. Бутылка коньяку. Бутылка белого вина. Графинчик рому. Свежая икра. Семга. Ветчина. Сардины. Холодные телячьи котлетки. Сверкающая белизной посуда. Чудесно вымытые салфетки. Около икры — лопаточка! Около сардин — другая! Около семги — двузубая фигурная вилочка!

Подходцев не знал, куда девать глаза. А Клинков сидел, ел за троих и жег Подходцева горячим взглядом.

После третьей рюмки Громов вдруг застучал ножом по тарелке. Бедняга сделал это машинально, просто по привычке к ресторану, где таким образом подзывается официант для перемены тарелок или для чего другого.

Но тут же опомнился и с ужасом поглядел на хозяев.

— Bravo, — не понял его Подходцев. — Громов хочет сказать речь. Говори, дружище, не бойся.

Это все-таки был выход.

— Господа! — начал Громов, запинаясь. — Русская пословица говорит: «Одна голова не бедна, а если и бедна, так одна»... Гм! То

есть не то! Я хотел сказать другое. Впрочем... Зачем слова, господа? Главное — поступки! Гм!..

И совершил поступок: сел и обжег себе губы чаем.

Домой возвращались угрюмые.

— Насколько я понял твой стук ножом по тарелке, — сердито сказал Клинков, — ты просто звал официанта?

— Понимаешь... Я совсем машинально. Привычка...

— Знаешь, чего я боялся?

— Ну? — робко взглянул на него измученными глазами Громов.

— Что ты, когда поужинаешь, вдруг застучишь по тарелке и скажешь: «Человек, счет!»

— Ты психолог.

Оба остановились, обернули лица к лунному небу, и Клинков сказал тихо:

— Нет... Нам с тобой в приличных домах нельзя бывать.

Громов серьезно добавил:

— Кто знает. Может быть, в этом тоже наше счастье.

— Аминь.

Глава 13

У Клинкова оказались принципы

Комната большая, но низкая.

Меблировка довольно однообразная: три стола, заваленные книгами, исписанной бумагой и газетами; три кровати, две из которых завалены телами лежащих мужчин; и наконец, три стула — ничем не заваленные.

Третья кровать — пуста.

Зато у ее изголовья прибита черная дощечка, как на больничных кроватях.

А на дощечке написано:

«Подходцев — млекопитающее, жвачное, и то не всегда.
Заболел женитьбой 11 мая 19...
Выздоровел...»

— Клинков?

— Ну?

— У моей кровати сзади стоит безногая старуха с косой.

— Худая?

— Очень.

— Жаль. А то можно было бы зарезать ее этой косой и съесть.

— Клинков?

— Ну?

— Уверю тебя, что тебе не нужны серые диагональные брюки.

Ну, на что они тебе?

— Нельзя, нельзя. И не заикайся об этом.

— Ты и без них обойдешься. Человек ты все равно красивый, мужественный — в диагональных ли брюках или без них. Наоборот, когда ты в старых, черных — у тебя делается очень благородное лицо. Римское. Ей-Богу, Клинков, ну?

— Не проси, Громов. Все равно это невозможно.

— Ведь я почему тебя прошу? Потому что — знаю — ты умный, интеллигентный человек. В тебе есть много чего-то эдакого, знаешь,

такого... ну, одним словом, чего-то замечательного. Ты выше этих побрякушек. Дух твой высоко парит над земными суетными утехами и интеллект...

— Не подмазывайся. Все равно ничего не выйдет.

— Вот дубина-то африканская! Видал ли еще когда-нибудь мир подобную мерзость?! Если ты хочешь знать, эти брюки сидят на тебе, как на корове седло. Да и не мудрено: стоит только в любой костюм всунуть эти толстые обрубки, которые в минуты сатанинской самонадеянности ты называешь ногами, чтобы любой костюм вызвал всеобщее отвращение.

— А зато у меня благородное римское лицо, — засмеялся Клинков. — Ты сам же давеча говорил.

— С голоду, брат, и не то еще скажешь. Собственно, у тебя лицо, с моей точки зрения, еще лучше, чем римское, — оно напоминает хорошо выпеченную булку. Только жаль, что в нее запечены два черных тусклых таракана.

Клинков, не слушая товарища, закинул руки за голову и мечтательно прошептал:

— Пирожки с ливером... Я разрезаю пирожок, вмазываю в нутро добрый кусок паюсной икры, масла и снова складываю этот пирожок. Он горячий, и масло тает там внутри, пропитывая начинку... Я выпиваю рюмочку холодной английской горькой, потом откусываю половину ливерного пирожка с икрой... Горяченького...

— Чтоб тебе подавиться этим пирожком.

— Я иду даже на это. Давай разделим труд: ты доставляй мне подобные пирожки, а я беру на себя давиться ими.

— Хороша бывает вареная колбаса, положенная толстым ломтем на кусок развесного серого хлеба, — заметил непритязательный Громов и, помедлив немного, сделал дипломатический шаг совсем в другую область: — Теперь, собственно говоря, в свете уже перестали носить серые диагональные брюки. Это считается устаревшим. Мне говорил один прожигатель жизни, граф.

— Пусть я провалюсь, если ты не выдумал сейчас этого графа.

— Свинья.

— Серьезно?

— Хуже свиньи. Если бы ты был только свинья, я бы зажарил тебя и съел.

— Перешел бы, так сказать, в самоеды?

— В лопари, во всяком случае. А знаешь, что я тебе скажу?

— Воображаю.

— Пойдем к Подходцеву. У него, наверное, есть какой-нибудь харч.

Лениво-ироническое выражение лица Клинкава изменилось. Будто ветром сдуло.

Он встал с кровати, сжал губы и сказал твердо и значительно:

— Что бы с нами ни случилось, не смей даже и говорить об этом.

— Почему?

— Почему, почему? Да по тому самому, о чем и ты думаешь! По тому самому, по той самой причине, по которой и ты до сих пор, выискивая самые различные и тупоумные способы нашего пропитания, все время умалчивал о Подходцеве! Казалось бы — до чего просто! У нас нет денег, мы голодны. У нас есть товарищ и друг Подходцев, у которого есть деньги, припасы и серебряные лопаточки для икры. Чего проще? Пойти к товарищу Подходцеву и воспользоваться всем этим! Однако ты до сих пор, корчась на кровати от голодухи, даже не подумал об этом?

Громов проворчал угрюмо:

— Однако же вот — подумал.

Клинкава снова вернулся на свою кровать, зарыл лицо в подушку и сказал неопределенным тоном:

— Однако, значит, ты очень голоден. Ты еще голоднее меня.

Громов молчал.

— Пойти к Подходцеву!.. — снова начал Клинкава. — Конечно, Подходцев нам будет очень рад, даст нам все, что мы попросим, приласкает нас. Да! Но ведь Подходцев теперь сам себе не принадлежит. Подходцева нет! Он растворился. Мы найдем теперь не Подходцева, а «мужа Перепетуи Панкратьевны»! Зачем же мы будем обворовывать Перепетую? Когда мы у них были в гостях и ели разные деликатесы — ты думаешь, они мне легко в горло лезли, эти деликатесы? Подходцев, конечно, друг нам, но Перепетуя? Кто она нам такая? Простая посторонняя женщина, свившая себе со своим самцом гнездо и не желающая, чтобы посторонние самцы прилетали в это гнездо лопать тех червячков, которых эта благополучная пара промыслила. Понял? У холостого Подходцева я заберу все, да еще

наиздеваюсь над ним, потому что он то же самое может проделать со мной. У женатого Подходцева я не возьму бутерброда с колбасой.

Громов с некоторым удивлением следил за разгорячившимся Клинковым.

— Толстяк! — со скрытым чувством уважения пробормотал он. — У тебя есть принципы...

— Да-с, — засмеялся Клинков застенчиво и чуть-чуть сконфуженно. — Только это такая вещь, которую нельзя зажарить на сливочном масле и подавать с картофельным пюре.

— Гм... да. Это скорее для наружного употребления. Значит, Подходцев провалился?

— Да. Скорей я свои диагоналевые пушу в ход.

— Ну, пусть!

— Завтра.

— Смотри! Они и сегодня вышли уже из моды, а завтра они сделаются на один день старомоднее и еще больше упадут в цене.

— Вещь, которая теряет цену как модная, постепенно приобретает ценность как античная, — сентенциозно заметил упрямый Клинков...

Глава 14

Возвращение под родной кров

Меньше всего Клинков и Громов ожидали в эту минуту Подходцева.

Может быть, именно поэтому Подходцев и вошел в комнату.

Оба, как ужаленные, обернулись к нему, хотели что-то спросить, но, увидев в его руке чемодан, деликатно замолчали, и только любопытные глаза их исподтишка следили за Подходцевым.

Подходцев бросил чемодан в угол, снял пальто, шляпу, лег на свою, пустовавшую до того, кровать и рассеянно стал глядеть в потолок.

Клинков потихоньку встал со своего ложа, отыскал на подоконнике кусочек мела и, подойдя к подходцевской кровати, твердой уверенной рукой написал на дощечке около слова «выздоровел» сегодняшнее число.

«Подходцев — млекопитающее, жвачное, и то не всегда.
Заболел женитьбой 11 мая 19...
Выздоровел 15 августа 19...»

Ничего не возражая против свежей приписки, он, однако, выразил сомнение по поводу предыдущего определения.

— Вот тут у вас сказано: «жвачное»... Какое же я жвачное, если вы мне ничего не даете жевать?

— Ты голоден, Подходцев?

— Как волк. Я ведь ушел от роскошного, обильного ужина.

— Что ты говоришь!

Подходцев уселся на кровать и долго молчал, будто собираясь с мыслями.

— Перед ужином пили чай: Марья Кондратьевна, Лидия Семеновна, Зоя Кирилловна, Артемий Николаевич, Петр Васильич и Черт Иваныч. Разговор: «Что это давно не видно Марьи Захаровны?» — «Вы разве не знаете? Она поехала в Москву!» — «Ну, что вы говорите! И надолго?» — «Определенно вам не могу сказать. Кажется,

дней на пять». — «А как же дети?» — «Определенно вам не могу сказать, но, кажется, старшенькую взяли с собой, а Бобик остался с нянькой. Да, кроме того, у них гостит ведь ее сестра Пелагея Владимировна». — «Что вы говорите! И давно она приехала к ним?» — «Определенно не могу сказать, но, кажется, уже неделю живет». — «Что вы говорите! Уже неделю? А муж ее, значит, остался в Киеве?» — «Определенно не могу сказать, но, кажется, она говорила, что его перевели в Харьков». — «Да что вы говорите! А как же их сын Володя, который...» Тут я больше не выдержал. Откинул ногой стул, встал и вышел в другую комнату. Догнала жена. «Куда ты, милый? Кстати, надо завтра нам поехать к Пелагее Владимировне, а то неловко». Я говорю: «Пусть она издохнет, твоя Пелагея Владимировна!» Жена в слезы: «Ты в последнее время стал невыносим. Тебе мои гости и родственники не нравятся. И сейчас тоже...» — «Что сейчас?!» — «Устраиваешь историю в то время, когда гости за столом. Почему ты ушел?» — «Потому что я предпочитал бы, чтобы они были на столе!» — «Ах, так?! В таком случае, я уезжаю к мамаше...» — «Правильно. Удивляюсь, как ты до сих пор жила с таким мерзавцем!» Уложил свои вещи и вот — к вам! А вы как живете?

— Как живем? Да теперь, брат, когда ты обратился в первобытное состояние, можем сказать прямо: вчера вечером пили чай.

— И только? Голый чай?!

— Нет. Громову в стакан попала муха. Так что чай был с вареным мясом.

— Одевайтесь, — лаконично сказал Подходцев.

По улицам бродили, не спеша, с толком читая вывески ресторанов и выбирая наиболее подходящий.

— Ресторанная жизнь, — заметил повеселевший Клинков, — приучает человека к чтению. Сколько приходится читать: сначала вывеску, потом меню, потом — счет...

— Чтение последней литературы я беру на себя, — важно возразил Подходцев. — Дорогие мои, чего вам хочется?

— Закажи пирожок с ливером, да чтобы масло дали и паюсной икры, — задумчиво сказал Клинков.

Громов скромно осведомился:

— А нет ли тут вареной колбасы?

Заказывали долго и серьезно.

А когда принесли между прочими яствами и свиные котлеты и слуга спросил, кто их будет есть, — Клинков, указывая на Подходцева, серьезно сказал:

— Свиные котлеты — ему! Ибо сказано: кесарево кесарю!..

Подходцев засмеялся, зажмурился и сказал, сдерживая радостные нотки, прорывавшиеся в голосе:

— Боже, как я счастлив, что снова с вами.

А Громов льстиво поддакнул:

— Дуракам всегда счастье...

Глава 15

Безоблачное небо

Добрый Громов

Нижеследующий разговор произошел однажды вечером после хлопотливого трудового дня.

— Господа, — сказал Подходцев, пренебрежительно поглядывая на Клинка и Громова, — умеете ли вы держать себя в обществе?

— Только один раз я не мог держать себя в обществе, — возразил Клинок, — и то это было Общество электрического освещения. Они мне подали счет дважды за одно и то же. Я и раскричался.

— А я себя держу в обществе так замечательно, что все окружающие застывают в немом изумлении, — улыбнулся тихо и ласково кроткий Громов.

— Ну, это тоже лишнее. Это уж слишком. Приковывать к себе общее внимание — тоже не рекомендуется. Одним словом — берите пример с меня.

— Собственно, в чем дело? — нетерпеливо спросил Клинок.

— Дело в том, что мы приглашены в один фешенебельный дом.

— Ну что ж — повращаемся, повращаемся, — самодовольно усмехнулся Клинок. — Надеюсь, будут и танцы?

— Нет, уж ты, пожалуйста, не танцуй, — искренно встревожился Громов. — У тебя есть дурная привычка на половине вальса бросать свою даму, засовывать большие пальцы рук в проймы жилета и начинать перед самым носом оторопевшей дамы подбрасывать ноги чуть не до потолка.

— Эх ты, деревня! Во всех шикарных кабачках Парижа так танцуют.

— Может быть. Но нас зовут в семейный дом.

— Большая важность. А у Синягиных я разве не танцевал перед хозяйкой с большим успехом?

— А чем кончилось? Отвели в уголок и отказали от дому.

— Тоже и дом у них: сырой, одноэтажный, чуть не на краю города. А куда нас теперь приглашают?

— К Троицыным.

— Удивляюсь я, — пожал плечами Громов, — зачем все эти люди нас приглашают: придем, нашумим, съедем и выпьем все, что есть под рукой, уязвим гостей и уйдем, оставляя за спиной мерзость запустения.

— Я думаю, вас приглашают ради меня, — заметил Клинков, пыхтя от важности.

— Возможно, — согласился Подходцев, — как болгарина с обезьяной — пускают во двор ради обезьяны. Итак, завтра в девять отсюда, все втроем.

Как-то выходило так, что все трое держались вместе: Громов не мог минутки пробыть без Подходцева, Клинков терся около Громова с вечной мыслью уколоть его, подцепить на что-нибудь, а Подходцев держался около Клинкова с целью удержать этого разнузданного толстяка от истерического желания пуститься в нескромный пляс.

— Знаешь, — заметил Клинков, оглядывая гостей. — Мне очень нравится та блондинка в черном. Я, признаться, за ней уже приударил.

— Вот тебе раз, — опечалился Подходцев. — Как раз она и мне нравится. Отступишь, голубчик.

— Что даешь? — хладнокровно спросил корыстолюбивый Клинков.

— Рубль хочешь?

— Рубль и коврик, что лежит около твоей кровати.

— Хорошо. Только ты познакомь меня с ней.

— Сколько угодно! Пойдем...

Клинков подтащил Подходцева к пышной блондинке, даже не подозревавшей, что она только что была продана, и сказал самым светским тоном:

— А я, Анна Моисеевна, хочу познакомить вас с человеком, которого вы буквально ошеломили. Замечательная личность. Имеет у женщин шумный успех, но до сих пор ни на кого не обращал внимания. Вы — первая. Понимаете? Кто он?.. Вы, вероятно, слышали — это Подходцев. Известный Подходцев. Человек, полный тайного обаяния. Будьте счастливы, детишки.

И, заработав честно свой рубль, Клинков снова отошел к Громову.

— Ты что повесил нос, Громушка? Может, и тебе какая-нибудь девушка нравится? Могу уступить. Имеются на разные цены.

— Не трещи. Послушай: видишь ты ту барышню, что сидит одиноко в углу?

Громов указал на девушку лет 35, с длинным носом, маленькими, ушедшими под рыжие брови глазками и редкими волосами, взбитыми над узким лбом, как пакля, вылезшая из щели старого тюфяка.

— Вижу. Это та, которая сложила костлявые руки на острых коленях? Я боюсь, как бы колено не проткнуло ее руки. А почему ты обратил на нее внимание?

— Ты знаешь: мне ее так жалко, что плакать хочется. Я уже полчаса наблюдаю за ней. Сидит тридцатипятилетняя, не знавшая мужчины, некрасивая, одинокая, все ее обходят, никому она не нужна и, кроме всего, обязана делать вид, что ей весело. Для этого она изредка смотрит в потолок, оглядывает стены, а когда близорукий танцор сослепу налетит на нее, она делает вид, что ее вывели из глубокой задумчивости, но что она не прочь пошалить, потанцевать. Однако близорукий кавалер в ужасе умчался, а она снова погружается в деланную рассеянность. Какая мелкая, глупая трагедия!

— А ты пойди, поплачь у нее на груди, — посоветовал Клинков. — Жестко, но добродетель всегда жестка...

Не слушая его, Громов поник головой и прошептал:

— Ей, видно, очень плохо живется. Как ты думаешь — целовал ее кто-нибудь?

— Слепой... и то едва ли. Ведь у них, говорят, очень развито осязание...

— Клинков, но ведь это ужас! Не испытать никогда поцелуя мужских губ, трепета мужской страсти на своей груди!..

— А ты вот такой добрый: взял бы да и поцеловал ее. Вот-то рада будет!

Громов смущенно усмехнулся.

— А ты знаешь: я только что думал об этом. Отчего девушке не доставить хоть минутку удовольствия. Потом вспоминать будет поди всю жизнь... Ведь другой-то раз едва ли это случится.

Клинков взглянул на Громова с почтительным удивлением:

— Ты, я вижу, совсем святой человек! Экие мысли приходят тебе в голову...

— Ну, ты только посмотри на нее: какая же она несчастная.

— Да, вид у нее дождливый. Пожалуй, осчастливь ее — только сейчас же беги ко мне. Я тебя спрячу.

Если бы Клинков обрушился на Громова, высмеял его, Громов, пожалуй, оставил бы свое странное намерение без исполнения. Но лукавому, проказливому Клинкову самому было интересно посмотреть, что выйдет из этой филантропической затеи.

— Знаешь: пригласи ее в ту комнату посмотреть картины — комната пуста, а я у дверей постерегу.

И, как Мефистофель, он подтолкнул добряка Громова под локоть.

Глава 16

Небо хмурится

Буря

Громов в опасности

— Что это вы тут сидите в одиночестве? — раздался над пыльной поникшей девицей музыкальный голос Громова.

Девица вспыхнула и оживилась.

— Так, знаете. Я люблю одиночество.

— Одиночество развивает меланхолию. А молодая хорошенькая девушка не должна быть меланхоличной.

— Удивительно, — кокетливо поежилась барышня. — Все вы, мужчины, говорите одно и то же.

— Но ведь мужчины же не виноваты, что вы хороши. Миллионы людей говорят, что солнце прекрасно. Разве они надоели солнцу своими восторгами?

— Куда вы сейчас спешили? — зарделась барышня.

— В ту комнату. Там висят хорошие картины. Хотите посмотреть?

— Но там, кажется, никого нет!

— А вы боитесь меня?

— О, я ведь знаю вас, мужчин... Хотя, впрочем, вы кажетесь мне порядочным человеком. Пойдемте.

Она встала и уцепилась рукой за локоть Громова с такой энергией, с какой утопающий среди открытого моря хватается костенеющими руками за обломок мачты.

— Вот вам картины, — благодушно указал Громов. — Видите, какие.

— Да, хорошие, — подтвердила барышня.

— Если бы я был художник, я написал бы с вас картину.

— Что же вам так во мне нравится? — спросила барышня, поправляя дрожащей рукой вылезшую из невидимого тьюфяка паклю на голове.

— Какие волосы! — дрожащим от страсти голосом прошептал добрый до самоотречения Громов. — Ваши губы... О, эти ваши губы! Я хотел бы крепко-крепко прильнуть к ним... Так, чтобы дух захватило. О, ваши розовые губки!..

— Вы не сделаете этого, — пролепетала барышня, закрывая лицо руками. — Это было бы так ужасно!..

— Я не сделаю? О, плохо же вы меня знаете! Страсть клоочет во мне... Я...

Он безо всякого усилия оторвал от лица руки барышни, запрокинул ее голову и — действительно впился своими горячими красными губами в ее бледные увядшие губы.

— Что вы делаете, — прошептала барышня, обвивая руками шею Громова. — Что ты делаешь, мой дорогой... как тебя зовут?..

— Васей.

— ...дорогой Вася... Разве можно позволять себе это сейчас? Потом, после свадьбы... Когда мы останемся вдвоем.

Громов вдруг обмяк, обвис в цепких объятиях, как мешок, из которого высыпался овес.

— Свадь... ба? Какая свадьба?

— Наша же, глупенький. Имей в виду, что до свадьбы я позволю тебе целовать только кончики моих пальцев...

— По... чему свадьба?! Я не хочу...

Девушка вдруг откинулась назад и с пылающим лицом воскликнула тоном разгневанной королевы:

— Милостивый государь! Я — девушка... И вы меня целовали. Вы мне говорили вещи, которые можно говорить только будущей жене!!

Колени Громова сделались мягкими, будто были набиты ватой.

— Я... больше не буду... Простите, если я что-нибудь лишнее... позволил.

Девушка толкнула его на диван, сама уселась рядом и, прижав свое пылающее лицо к его щеке, миролюбиво сказала:

— Лишнее? Почему лишнее? Если человек любит — ничего ни в чем нет лишнего...

С глазами, устремленными в одну точку, застыл на месте неопытный благодетель Громов. А она терлась щекой о его плечо и шептала на ухо:

— Ах, какое у нас будет гнездышко. Я уже сейчас вижу его... Прямо из передней — столовая. Налево твоя комната. Направо гостиная. Ты голубой цвет любишь? Голубая. Ты знаешь?.. Я думаю обойтись одной кухаркой: стирать пыль или какие-нибудь другие мелочи я буду делать сама. Правда? О, я не разорю тебя, не бойся.

И нежным поцелуем в потускневший, закатившийся, как у недорезанной курицы, громовский глаз она закрепила это заманчивое обещание...

Глава 17

Шторм

Громов идет ко дну

Лицо Клинкава, когда он подошел к выскочившему из комнаты Громову, сияло весельем и лукавством.

— Как ты думаешь, Подходцев заплатит мне рубль за проданную блондин... Боже, что с тобой такое?

— Она... там... — утирая мокрый лоб, простонал Громов, — женится на мне... Уже... почти женилась... Клинков — что же это такое? Есть же ведь полиция, суд, — могут же они за меня заступиться. Любишь, говорит, голубой цвет — гостиная будет голубая, не любишь — будет красная...

— Милый... Громов! Опомнись. Что она там с тобой сделала? Ты поцеловал ее?

— Ну, да. А она...

За их спиной раздался веселый голос:

— Где он тут, этот ловелас, этот покоритель сердец?! А! Вы тут, шалунишка. Здравствуй, Вася. Очень приятно познакомиться. Сестра мне все рассказала. И как это все у них быстро... Ну, поздравляю. Она хорошая баба, без штук. А я вам даже столовый буфет подарю — у меня есть очень хороший буфет.

— Что вам нужно, милостивый государь? — сурово спросил Клинков.

— Мне? Да вот обниму только шурина, поцелую да и пойду себе. Много ли мне надо.

Он схватил Громова в объятия, скомкал его, как тряпку, лизнул где-то между глазом и ухом, опустил на пол и понесся дальше с сияющим лицом.

А в углу громовская барышня, окруженная кольцом гостей, что-то оживленно и радостно рассказывала.

Бледный, с трясущейся нижней губой вылетел из этого кольца Подходцев и, скользнув к прятавшимся за портьерой Громову и Клинкову, быстро сказал:

— Клинков! Уводи Громова во что бы то ни стало! Можешь даже опрокинуть кого-нибудь, кто станет на дороге. А я буду в арьергарде задерживать гостей. Бегите через спальню. Вы куда, молодой человек? Что? Поздравить? Осади назад, мерзавец, а не то я тебе сломаю позвонки!

Клинков схватил Громова за руку и в то время как Подходцев широкой грудью сдерживал напор ликующих гостей, повлек испуганного жениха к выходу через спальню.

Они уже были почти в безопасности, как вдруг из-за дивана вынырнул невидимый дотоле старик с сивым лицом, схватил маленького Громова за шею и, как орел когтит ягненка, повлек Громова за собой. Клинков ринулся за ними, но нахлынувшая толпа торжествующих гостей отделила его от похищенного Громова...

Молча, в бессильной ярости стояли плечо к плечу Клинков и Подходцев и из-за спины гостей, остолбенелые, могли любоваться на такую сцену: сивый старик держал Громова под руку, по другую сторону сивого старика стояла барышня с паклей на голове и сивый старик растроганным голосом говорил такое:

— Господа! Все здесь, включая и хозяина дома, — наши друзья и знакомые!.. Так порадитесь же вместе с нами на счастье этих двух дорогих моему сердцу сердец. Господин Громов сделал нынче моей дочери предложение, и я предлагаю выпить за их здоровье и счастье. От имени Громова (не правда ли, Вася?) объявляю всем, что кто откажется приехать на бракосочетание — всех трех нас кровно обидит... Ура!

Громов отыскал глазами лица двух своих друзей и кротко, печально им улыбнулся: так улыбались христианские мученики, вытолкнутые в дверь на арену цирка, перед пастью тигра...

В глубоком отчаянии, пошатываясь, вышли оба друга в коридор, не в силах будучи вытерпеть этого зрелища.

— Клинков! — простонал Подходцев. — Ведь это что же?!?! Катастрофа?

И сердце Клинкова подсказало ему единственно возможное утешение:

— Ничего, Подходцев. Она уже старая; может быть, скоро умрет.

А из зала неслись крики «ура» ликующих от неизвестной причины гостей и стучали бокалы, как комья земли, осыпавшиеся на

отверстую могилу кроткого, доброго Громова.

На улице светало. Было сыро. Было холодно.

Глава 18

Похороны Громова

Семейное воркование

Читателями уже, вероятно, замечено, что автор по складу своего характера с большим удовольствием обращает взор свой на яркие, солнечные стороны жизни, избегая теневых печальных сторон.

Именно поэтому история женитьбы Громова освещена только вскользь — до того это было грустное, мрачное событие...

На бракосочетание беднягу вели, как на казнь, и сходство это еще усугублялось тем надежным зловещим эскортом, которым был окружен жених: по бокам сивый старик — отец невесты — и развязный брат, сзади — тетка, говорившая таким густым басом, что даже бесстрашный Подходцев поглядывал на нее с некоторым уважением...

Свадебный пир больше напоминал погребальную трапезу, жених сидел около невесты, как придавленный дубовым бревном, а Клинков и Подходцев, молча, вливали в себя вино непрерывной струей, но не пьянели...

На середине пира Клинков встал и произнес двусмысленный тост, пожелав невесте долголетия:

— Дай Бог, — дрожащим от искренних слез голосом возгласил он, — чтобы вы, дорогая Евдокия Антоновна, прожили много-много лет, так... года три-четыре.

— Значит, вы хотите, — мрачно возразил развязный брат, — чтобы моя сестра умерла через три года?

— О, дорогой Павел Антонович, — с готовностью ответил Клинков, — я ведь основываюсь на возрасте.

Чтобы замять этот разговор, кто-то из гостей поднял бокал и крикнул:

— Горько!

— А еще бы! — подхватил угрюмый Подходцев. — Правильно сказано, многоуважаемый Семен Семеныч! Еще бы не горько.

— Я не Семен Семеныч, а Василий Власич, — поправил аккуратный гость.

— Что вы говорите! Никогда бы не сказал по первому впечатлению! Итак, господа, — горько! Очень горько!

— Поцелуй жениха, — подсказал невесте Василий Власич.

Подходцев прорычал:

— Так ему и надо — не женись!

Поднялся шум, крик, чем Подходцев и Клинков, раздраженные, со слезами бессильного бешенства на глазах, и воспользовались, чтобы скрыться, а родственники еще плотнее обсели бедного кроткого Громова, — так что он, затертый ими, как бриг северными льдами, накренился на бок и тихо примерз к своей съеденной молью невесте.

Прошло три дня со времени этого тяжкого бракосочетания... Все это время унылый муж бродил по комнатам, насвистывал мелодичные грустные мотивы, хватался за дюжину поочередно начатых книг и даже «прижимался горячим лбом к холодному оконному стеклу», что по терминологии плохих беллетристов является наивысшим признаком скверного душевного состояния.

Вечером третьего дня Громов вышел в переднюю и стал искать свою шляпу.

Сзади послышалось воркование жены:

— Куда ты? Куда ты, моя куколка?

— К товарищам пойду.

— Какие там еще товарищи? Какие такие еще товарищи?

— Разве вы не знаете их, Евдокия Антоновна? Мои друзья. Клинков и Подходцев.

— Что-о? Идти к этим пьяницам и пошлякам, которые позволяли себе говорить обо мне такие гадости?!

Громов поднял на нее кроткие, молящие голубые глаза:

— Я просил бы вас, дорогой друг Евдокия Антоновна, не обижать моих товарищей. Мне это очень больно...

— Подумаешь, нежности какие! Две подозрительных личности, без всякого налета аристократизма — да я же еще должна молчать... Не пушу я тебя к ним!

Голос Громова сделался еще тише, еще музыкальнее:

— Очень прошу вас, не удерживайте меня. Мне очень нужно.

— Зачем?! Пьянствовать?

И совсем тихо, будто проглатывая что-то жесткое, пролепетал Громов:

— В наших отношениях это было не главное...

— А что же, что было главное? Что они издевались над тобой да жили на твой счет — это главное?

Голубые, сияющие добротой глаза Громова как-то потемнели, сузились. Он сделал усилие, проплотил что-то жесткое, царапавшее плотку, и вдруг — бешеный звериный рев, как гром небесный, исторгся из груди его:

— А-а, рр-р-р!!! Заткни плотку, старуха, или я тебе заткну ее раз навсегда этим зонтиком!! Голову отгрызу тебе зубами, если еще раз пикнешь что-нибудь о Клинкове и Подходцеве!! Поняла?

У Громова было такое лицо, скрюченные руки его с такой экспрессией протянулись к горлу Евдокии Антоновны, что она, бледная, в предсмертной тоске, тихо попятилась к вешалке и забилась там между пальто и накидками.

Молчали оба долго.

Потом она, выглядывая из-за какой-то ротонды, прохрипела тихо и подавленно:

— С ума ты сошел, что ли?

— Еще нет! Скоро сойду, вероятно... Ты! Ты, как ведьма, вскочила на меня, оседлала, дала пинка, и я побежал, подстегиваемый твоим сивым старикашкой-отцом и каторжным братом... Что ж... (он криво улыбнулся) я побегу... Я уже человек погибший... Но если ваши нечестивые уста скажут хоть слово о Подходцеве и Клинкове — я тебя сброшу с себя, а твоего старичка и братца исковеркаю, как пустую коробку из-под спичек. Поняла?

— Ты... нас... хочешь... убить? — пролепетала Евдокия Антоновна трясущимися губами.

Но Громов был уже спокоен, как летняя зеркальная вода на реке. Глаза его сияли по-прежнему, а тихая улыбка застыла, на пухлых губах.

Он почистил рукавом шляпу и благодушно сказал:

— Итак, значит, дорогая Евдокия Антоновна, я пойду к Подходцеву и Клинкову и вернусь поздно вечером. К ужину меня не ждите.

Она вышла из-за вешалки и, цепляясь за его рукав, пролепетала:

— Скажи... ты часто так... будешь уходить?

Глубокая гнетущая печаль покрыла темным крылом лицо Громова.

— О, нет... Это, вероятно, последний раз. Я для них человек конченный — для чего я им? Я бы и сейчас не пошел, если бы Клинков не был сегодня именинником.

Он грустно улыбнулся.

— Каждый год он добросовестно об этом забывал, и каждый год я ему напоминал об этом... Напомню в последний раз.

И через минуту его легкие шаги и печальный свист послышались уже внизу лестницы.

Евдокия Антоновна долго стояла у вешалки, сжав голову руками, будто сдерживая вылезшую из невидимого тюфяка паклю бесцветных волос, и о чем-то напряженно, мучительно думала...

Глава 19

Клинкову угрожает опасность

Клинок и Подходцев занимали в гостинице большой угловой номер с двумя кроватями. Квартиру, в которой жили все трое, сейчас же после свадьбы Громова оставили, мотивируя это тем, что в ней «трупиком пахнет».

Причина была несколько иная: просто каждый угол, каждая вещь напоминала о безвозвратно потерянном друге, и эти воспоминания давили обоих друзей, дышали прямо в лицо могильным запахом.

В новой обстановке дышалось легче.

Клинок, дождавшись сумерек, затопил камин и уселся перед ним в кресле, приняв позу самого безнадежного отчаяния. Подходцев, вытянувшись во весь свой длинный рост, лежал на диване.

Беседа, конечно, шла о Громе.

— Но ведь может же он ее бросить? — глядя застывшим взором на красные уголья, пробормотал Клинок.

— Не бросит, — отвечал Подходцев.

— Ради нас даже?

— Не бросит.

— Однако ты же вот разошелся с женой.

— Я — дело другое. А его эта трясина засосет... медленно, но верно. Такой уж он человек.

— Такое у меня настроение, — прошептал Клинок, — что хочется биться головой об стенку.

— Бедная, — вздохнул Подходцев.

— Кто?!

— Стенка.

— Ты всегда так плоско остришь?

— Только для тебя. Кесарево кесарю, как говорил Громов.

— Громовские шутки были во сто раз умнее.

Из полуоткрытых по случаю жары дверей послышался голос:

— Раньше вы мне таких приятных вещей не говорили.

— Громушка, милый!! Пришел! Вспомнил о нас?!

— Можете же себе представить, как я вас люблю, если даже радости медового месяца не удержали меня около обожаемой жены.

И столько тоски слышалось в этой легкомысленной фразе, что сердца обоих друзей болезненно сжались.

— А жена твоя, как... — стараясь быть светским, спросил неуклюжий Клинков. — Здорова? Хорошо себя чувствует?

Громов отвечал самым серьезным тоном:

— Благодарствуйте, недурно. Кланялась вам. Может быть, навестите нас?

— Почтем за честь, — вежливо отвечал Подходцев. — Да некогда все, дела, знаете...

— Скажите! А вы чем сейчас заняты?

— Открыл богатое месторождение меди.

— Что вы говорите? Где? Далеко?

— Совсем близко. В голове у Клинкова.

— И много добываешь?

— Не очень. Место сырое, к сожалению. Водянка головы начинается.

Все трое, как воробьи, забывшие о еще громыхающем вдали грома, повеселели и зачирикали, запрыгали по веткам, но новый удар грома, еще более грозный, раздался в этот момент...

Выразился он в довольно тихом стуке в дверь, стуке, в первый момент даже не услышанном за общим смехом.

Так и первое отдаленное погромыхивание грома почти не достигает уха, а потом вдруг усиливается, растет, растет...

— Можно войти?

— Кого там черти принесли?! Войдите!

Небольшого роста, рыжеватый человек с лисьей физиономией, одетый в рыжее платье, с оранжевым галстуком и в ботинках с рыжим верхом вошел в комнату.

Освещенный ярким светом камина, приблизился к трем друзьям и заискивающе сказал:

— Кто здесь Клинков?

— А! Вы, право, можете выбрать по своему вкусу, — с досадой заметил Клинков. — Мы здесь все одинаковые.

— Нет, — не обращая внимания на тон, возразил незнакомец, — может быть, вы все и были одинаковые, но с этого момента один из

вас будет резко отличаться от других.

— Кто? — отрывисто спросил Подходцев.

— Господин Клинков.

— Послушайте, — угрюмо пробормотал Подходцев, — если с ним случится что-либо плохое — я вас испорчу; мне теперь все равно...

— Плохое? Что вы... Господин Клинков! Я поверенный вашего покойного отца... Он вчера скончался и оставил вам (гром все усиливался, крепчал и вдруг обрушился самым оглушительным образом), как единственному наследнику, два дома и около трехсот тысяч процентными бумагами!!! Я рад, что имел честь первый поздравить вас.

— Вы меня поздравляете? — странным тоном спросил Клинков.

— Да! Конечно. Вы сейчас богатый наследник.

— А знаете, я даже рад, что отец умер...

— Клинков! — укоризненно вскричал Громов.

— Рад за него, что он умер. По крайней мере, ему не придется иметь с вами дела...

Он ушел в угол и долго простоял там, лицом к стене. Отошел. Спросил глухо:

— Вспоминал меня перед смертью?

— Да. Говорил, что был неправ по отношению к вам. Еще раз — приношу мои искренние поздравления...

— Мне очень жаль... — промямлил Клинков.

— Чего?..

Клинков подумал и сказал искренним тоном:

— Что не вы умерли вместо него. Ступайте! Заходите завтра. Сейчас мне не до вас. У меня — Громов. Ясно? Прямо и налево!

Глава 20

Гибель Клинкова

Последняя шалость

Рыжий, похожий на лисицу человек, не смущаясь резким тоном Клинкова, заулыбался, завертелся и, изгибаясь хребтом, сказал медовым голосом:

— О, конечно! Я понимаю. Господи! Улетучусь, как дым. Но, вы простите, — передо мной, как перед духовником, стесняться нечего: может быть, вам сейчас нужны деньги?

— Как деньги? Сейчас? Можете дать? — недоверчиво спросил Клинков.

— Да, ведь это ваши же деньги. Я, так сказать, дам авансом...

Клинков расставил массивные ноги, погрузил руки в карманы и впал в глубокую задумчивость. Очнулся.

— Десять тысяч можете дать?

— Сделайте одолжение... У меня дома на всякий случай приготовлено...

Клинков что-то промычал, взял Громова под руку и отвел его в угол:

— Послушай, Громушка... Ты меня знаешь: я мужчину ценю в десять тысяч раз больше любой женщины... На днях я продал Подходцеву довольно красивую девушку за рубль. Мне сейчас пришла мысль: я куплю тебя за десять тысяч. Довольно?

— Бедняга, — вздохнул Громов, сочувственно поглаживая плечо Клинкова. — Богатство отуманило твой обычно не богатый мозг.

— Ты не понимаешь меня. Скажи: она уступила бы тебя за десять тысяч?

— Кто?!

— Жена. Можно даже без развода. Черт с ней.

Громов нахмурил брови и энергично замотал головой.

— Нет-нет! Ничего не выйдет. Кажется, что она не возьмет и ста тысяч.

— Почему?!!!

Громов застенчиво пробормотал:

— Дело в том, что... что...

— Ну?!!!

— Дело в том, что...

И закончил с милым смущением женщины, сообщающей, что она скоро будет матерью:

— Дело в том, что... она... меня, кажется, любит!

Клинков досадливо крякнул и засвистал.

— Угораздило тебя, действительно. Послушай...

— Ну?

— А может быть, ты слишком много о себе воображаешь?

— То есть?

— Может быть, она тебя не любит?

В глазах Громова мелькнула и погасла безысходная тоска:

— Нет, брат... любит. Уж я знаю наверное.

— А ты не мог бы... отравить ее, что ли?

— При водянке головы нужно провертеть буравчиком дырку на темени и, опрокинув человека вверх ногами, вылить скопившуюся воду. Мы с Подходцевым устроим тебе это.

— Я говорю серьезно. Ну, напейся пьян и избежь ее до полусмерти.

— А вдруг после этого она меня еще больше полюбит. Сердце женщины — загадка.

— Ну, хочешь, я ее увлеку?

— Она только вчера сказала, что твоя фигура напоминает ей диванный валик, с розеткой вместо головы.

— Гм! Надеюсь, ты оборвал ее?

— О, неужели ты сомневаешься? Я с негодованием возразил, что ты больше похож на галапагосскую черепаху, ставшую на задние лапы.

— Господа! — перебил их Подходцев. — В обществе не принято шептаться. Этот золотистый молодой человек и я — мы скучаем без вас.

— Сейчас-сейчас, — обернулся Клинков. — В таком случае мне, господин доверенный, не понадобится десяти тысяч. Давайте пока пятьсот рублей, чтобы я мог похоронить своего друга по первому разряду.

— А! — с преувеличенным сочувствием подхватил рыжий человек. — У вас умер друг? Какое несчастное событие.

— И не говорите. Его убила одна женщина с волосами цвета пакли.

— Не надо отчаиваться, — подхватил рыжий доверенный. — Ему там будет лучше.

— Вы думаете?

— Я уверен. Раз он ваш друг, значит, это — светлая личность.

Громов подошел и пожал ему руку.

— Спасибо, голубчик. Видно, что вы знаете людей.

— Когда же похороны? — осведомился обстоятельный доверенный. — Я бы тоже пришел отдать последний долг.

— Да зачем же вам беспокоиться. Отдайте через меня.

— Что?

— Вы говорите, должны ему что-то?

— Нет, это вообще такое выражение, — ласково захихикал рыжий, изгибая стан. — Так вам нужно пятьсот? Я распоряджусь по телефону. Здесь телефон близко?

— Внизу у швейцара.

Делая змеиные движения спиной, доверенный вышел из номера.

Подходцев печально оглядел обоих друзей и промолвил, вздыхая:

— А все-таки лучше, если бы этот рыжий паренек совсем не приходил сюда.

— Почему? — возразил Клинков. — Он даст нам денег. Я сегодня справлю пышную тризну по Громову!

— Боюсь я, — со зловещим спокойствием отчеканил Подходцев, — что тризну придется справлять по двум.

— А второй кто? — смутился Клинков.

— Ты.

— Я? Что за вздор. Наоборот, мы теперь будем богаты и заживем хорошо.

— Мы? Нет, это ты. Ты будешь богат и, конечно, имеешь полное право жить хорошо.

— Вздор-вздор. Мы не расстанемся, — растерянно бормотал Клинков, пытаясь обнять и поцеловать ледяного Подходцева.

Подходцев вернул ему поцелуй, но продолжал тем же решительным тоном:

— Видишь ли: это совершится чисто автоматически, как нож гильотины отделяет голову от плеч... Тебе, конечно, не будет смысла жить со мной в этом полутемном, гробового вида номере. Мне никак нельзя поселиться в одном из твоих палаццо...

— Почему?!! — зарычал бледный от злости Клинков.

— Зачем объяснять, когда ты сам понимаешь. Я тебе напомним один штрих, один пустяк: помнишь, когда я был женат, имел квартиру с портьерами, сверкающими салфетками и лопаточками для свежей икры, а вы пришли с Громовым ко мне, с подведенными животами, стыдящиеся своего голодного вида и брюк с бахромой... Что удержало вас от откровенного разговора со мной? Почему вы стали хвастаться роскошной сытой жизнью?! Ага?

Подходцев с видом смертельно усталого человека бросился в кресло, вытянул ноги и, освещенный светом камина, заговорил, полузакрыв глаза:

— Дело в том, дорогие мои, что мы все трое горды, как знатные, но нищие испанцы. И все у нас идет хорошо, пока, мы в одинаковом положении и состоянии...

— Я не гордый, — пробормотал Клинков.

— Ты?! Я ведь знаю, что ты мог бы получать от отца солидное содержание, и ты не взял у него ни копейки только потому, что он был сух с тобой!! Разве это не гордость? Почему я разошелся со своей женой? Из гордости! Почему Громов не разоидется со своей женой? Из гордости!! Нет, хлопчики, наше преступное сообщество расшаталось вконец, я это чувствую. Не надо закрывать глаза! Первый удар нанесла своей нежной, но жестокой рукой высокочтимая Евдокия Антоновна, второй — эта противоестественная помесь лисицы и очковой змеи, это доверенное лицо, этот погубитель Клинкова, чтоб его там у телефона убило током высокого напряжения!

— Хотите, я спущу его с лестницы и откажусь от наследства? — донесся из дальнего угла голос притихшего Клинкова.

— Э, нет, братку. Этого уж я не позволю. Дружба хороша, когда она — вольное лесное растение, а не оранжерейная штучка, выращенная искусством опытного садовника. Мы расходимся — я люблю иногда взглянуть в глаза старухе-правде — над нами сейчас разразилась гроза с ливнем, грянул гром... и... и долго мы не обсушимся!

— Летние грозы коротки, — с усилием выдавил из судорожно сжавшегося горла Громов.

— Возможно. Жена твоя может разлюбить тебя или, наконец, не дай ей Бог этого, умереть. Клинков — любитель женского пола — может спустить все свои капиталы на какое-нибудь алчное, розовогубое, золотоволосое существо, а я...

— Ты? Что же ты? Почему ты остановился?

— Я буду ждать вас, детки. Только и всего. Профессия незатруднительная, но отнимающая много времени. Правду ведь сказать, я вас очень любил. У Клинкава были женщины. У Громова — поэзия и высокие искусства, а я — прозаический земной человек, в любой момент мог променять и то и другое на любого из вас.

— Я сейчас заплачу, — простонал Клинков из дальнего угла.

— При водянке головы жидкость, переполняющая мозг, иногда течет из глаз, — сказал не совсем уверенным от тайного волнения голосом Громов.

— Что ж ты, голубчик, — упрекнул Клинков. — Стал уже на своих бросаться?.. Все равно, как бы ты меня ни оскорблял, я тебя люблю.

— Ах, не говори так жалостно! Господи! И что мы за несчастные такие... Я торопился к вам, хотел поздравить тебя с днем ангела...

— Да разве я именинник? — удивился Клинков.

— Еще бы. Всюду флаги. Фонари, торжественное шествие по городу алкоголиков и дегенератов. А что же это твой рыжий купидон не идет?! Не убило ли его, в самом деле, у телефона электричеством?

— Придет. А он довольно препротивный, братцы. Хорошо бы ему учинить какую-нибудь гадость.

Подходцев встал с кресла, потянулся и, сбросив свой оцепенелый вид, засмеялся.

— Я знаю, что мы ему сделаем! Клинков! Достань из твоего чемодана пару атласных дамских туфель. Не красней, пожалуйста. Я знаю, что ты уже целый год прячешь эту реликвию, стащенную у нашей «женщины, найденной на площадке». Не стыдись, дружище. Это доказывает нежность твоей натуры. Есть туфли? Давай! Громов! снимай ботинки... Давай! Поскорее, детки. Заливай камин водой, туши электричество. Есть? Выставляй туфли и ботинки за дверь...

Есть?! Тсс... Он, кажется, возвращается. Прячься за ширму, голубчики!

Раздался тихий смех, легкая суетня, и все стихло. По коридору послышались шаги. Кто-то остановился у дверей номера; потоптался нерешительно и дернул за ручку двери. Лисья физиономия, освещенная светом из коридора, просунулась в номер...

— Пардон, извините... Здесь живет господин Клинков?

Клинков поднес свою руку к губам и стал ожесточенно целовать ее.

Лисья физиономия спряталась; наступило на несколько секунд молчание. В коридоре, за притворенной дверью, доверенный переминался с ноги на ногу и вздыхал сокрушенно и недоуменно...

Снова приотворилась дверь, и просунулся лисий нос.

— Пардон, здесь господин Клинков живет?

Подходцев закрыл себе рот подушкой и взвизгнул тонким пронзительным голосом:

— Ах, мужчина! Нельзя... Я раздета. Что вам нужно?!

А густой голос Клинкова прорычал:

— Что за мерзавцы шатаются, спать не дают! Вот встану, дам по затылку...

Дверь захлопнулась. Послышались быстрые удаляющиеся шаги.

Все трое вскочили с кровати и подкрались к дверям.

— Ушел?

— Нет, кажется, возвращается. Опять шаги. Тсс! В соседний номер постучали.

— Кто там? — донесся из-за стены голос.

— Можно?

— Войдите.

Хлопнула дверь, в соседнем номере послышался разговор, сначала тихий, потом громче, потом все это перешло в яростный крик:

— Вон, животное! Я тебе покажу, как шататься по чужим номерам! Еще стащишь что-нибудь! Коридорный! Дай ему по шее!!

Снова послышался топот бегущих ног, и на минуту — тишина.

— К швейцару пошел, — сказал Подходцев. — Зажигайте электричество! Полный свет! Убирайте ботинки! По местам, господа!.. Тсс! Идут.

Простуженный голос швейцара хрипел:

— Я же вам по-человечески докладываю, что господин Клинков живут в 49-м.

— Да нет же! Там какие-то женские ботинки, кто-то спит.

— Где ботинки? Снится вам? Светло у них, где ж тут ботинки? Никаких ботинок. Только зря от дел отрывают, ей-Богу.

Клинков встал, отворил дверь и спросил с самым невинным лицом:

— Что за шум? В чем дело, господа?

Ошеломленный доверенный протер глаза и неуверенно спросил:

— Я сейчас стучал к вам, господа?

— Нет, что вы, зачем же? Ничего подобного. Мы сидим втроем, ждем вас. Никто не стучал. Вы, вероятно, не в тот этаж попали. А что? Случилось что-нибудь?

— Ничего, ничего... Гм! Вот ваши пятьсот рублей, я сам съездил за ними. А мне уж разрешите откланяться. До завтра.

— Откланивайтесь, это можно.

Клинков вернулся и, потрясая деньгами, воскликнул:

— Ловко сработано!

А Подходцев печально закончил:

— Тем более что это, кажется, последняя наша работа.

— Почему?

— Ах, Господи!.. Погляди: ты небрежно держишь в руках пятьсот рублей, и это только одна тысячная твоих денег!! С этого момента мы тщательно разгорожены: женатый человек, миллионер и бобыль-прощельга...

— Пить! — простонал пересохшими губами Громов, хватаясь за голову.

Глава 21

Подходцев уезжает совсем

Если бы кто-нибудь вошел в комнату с закрытыми глазами — он был бы уверен, что Подходцев горячо убеждает кого-то молчаливого, мрачного, сидящего с сомкнутыми устами и не произносящего ни одного слова в ответ на горячие монологи Подходцева. А если бы вошедший открыл глаза, он заметил бы странное явление: в комнате никого, кроме Подходцева, не было.

В противоположность своим привычкам Подходцев не лежал на диване, а крупно шагал по комнате и говорил, ероша и без того растрепанные волосы:

— Собственно, в чем дело?.. Ну, сошлись, ну, познакомились, привыкли друг к другу. Не вечно же это! Во всяком случае, я могу утешиться тем, что расстались мы по причинам, не лежащим в нас самих: откуда-то глупым порывом ветра нанесло стареющую самку, бросило под ноги слабохарактерному Громову, он споткнулся, упал... Откуда-то с неба свалились добряку Клинкову на голову большие деньги... Он их не искал, но раз они сами лезут в руки, имеет ли он право отказаться от них? Ни за что! Так чего же я, собственно говоря, хочу? Ничего я не хочу!! Пусть все оставят меня в покое, и все, все!!

Шагая по комнате, он беспрестанно натыкался на уложенный чемодан, злобно толкал его ногой и, как дикий зверь, шагал из угла в угол.

— Дело ясное: нельзя основывать свою жизнь только на дружбе. Что главное в жизни? Любовь к женщине, общественное положение, карьера... Все это стояло для меня на втором плане. Ну, вот это и неправильно. А теперь я одинок, свободен, широкая жизнь лежит передо мной. Собственно, чего я ною? Друзей мне не жалко: Клинков прекрасно устроился, Громов тоже, кажется, чувствует себя недурно, пригревшись у сытного домашнего очага... Кого же мне жалко? Себя! Собственно, почему?

На улице послышался звук автомобильного гудка и пыхтение. Прошла минута, и пыхтение послышалось уже на пороге комнаты, будто автомобиль взобрался по лестнице.

Пыхтел Клинков, отчасти от быстрых прыжков по лестнице, отчасти от важности.

— Получил твою записку, — сказал он, обнимая Подходцева. — Это правда, что ты уезжаешь? Куда, голубчик?

— Ко всем чертям, — сурово сказал Подходцев. — Скажи, пожалуйста, зачем ты приехал на автомобиле? Друга своего потопить хочешь?

— Что ты?! Почему?

— Да ежели хозяин моей комнаты увидит, что гости приезжают ко мне на автомобиле, ведь он вдвое будет драть за комнату?!

— Наоборот: он откроет тебе широкий кредит, а кредит, братец ты мой, двигатель торговли и коммерции.

Подходцев саркастически усмехнулся.

— Ты уже и это знаешь?.. Автомобиль собственный?

— Да. По случаю купил. Если ты хочешь, он в любую минуту в твоём распоряжении.

— Спасибо. Когда мне понадобится почистить брюки, я одолжу его у тебя.

— Как так?!

— Возьму немного бензина. По-моему, это единственный для меня способ пользоваться твоим автомобилем.

— Какой у тебя сердитый тон, — прошептал Клинков, отворачивая в сторону опечаленное лицо. — Ты как будто не тот.

— Ах, милый мой, надо же кому-нибудь делаться не тем. Вы оба остались теми... приходится мне меняться.

— Мы теперь оба больше тебя любим, чем ты нас, — с детской улыбкой сказал Клинков. — Мы как раз недавно вспоминали тебя с Грозовым и нашли, что ты круто изменился. Ты как будто даже уклоняешься от встреч с нами...

— А что же мне делать?

— Что? А мы как раз проектировали с Грозовым: я оставлю дома все свои деньги, Грозов всю свою жену, забираем тебя и идем в наш старый притон «Золотой Якорь»; там принимаемся уничтожать шашлыки и знаменитый салат из помидоров. Вино, для экономии, захватим, как прежде, с собой из дому и будем пить, вынимая его тайком из кармана.

— Тссс, ребята! Искусственное удобрение! Это не то. Выпивая это контрабандное вино, ты не забудешь, конечно, о том, что можешь в любую минуту потребовать дюжину французского шампанского; Громов не забудет, что дома ему этот знаменитый салат приготовили бы во сто раз лучше. К чему же эта комедия?

— Подходцев! Как тяжело все то, что ты говоришь!..

— Даром ничто не дается, — усмехнулся Подходцев.

...Судьба

Жертв искупительных просит.

Чтоб одного возвеличить, она

Тысячи слабых уносит.

Ты возвеличенный. Я — слабый. Вот меня черти и уносят.

— Пусть они будут прокляты, эти самые мои деньжонки, — заскрежетал зубами Клинков. — Я их сожгу.

— Боже тебя сохрани! На всю жизнь будешь несчастным человеком. Истратить их планомерно — другое дело. Машина эта сколько стоит?

— Автомобиль? Семь тысяч.

— Ну вот, — утешил Подходцев. — Начало-то уж и положено. А там еще пойдет и пойдет...

— Ты куда едешь?

— В этот самый... как его... ну... в Харьков я еду.

— Зачем?

— А там этого... Взялся приводить в порядок библиотеку одного богатого чудака.

— У тебя деньги есть? — заботливо спросил Клинков.

— Немного есть. Рублей 25 могу одолжить, если тебе нужно.

— Ей-Богу, ты стал такой, что мне страшно и предложить тебе.

— А ты не предлагай, — ласково засмеялся Подходцев. — Вот и не будет страшно.

— Принимаешь? — раздался в передней голос Громова. — Ты прости, голубчик, я не один. Жена, узнав, что ты уезжаешь, захотела тоже с тобой проститься.

Действительно, за спиной Громова виднелась жена, прямая, как палка, строгая, с поджатыми губами.

— Ах, вы знаете, мосье Подходцев, я хоть и мало с вами знакома, но Вася вас так любит, так много говорит о вас, что я тоже как будто вас полюбила.

— А обо мне он разве не говорил? — ревниво спросил Клинков, выдвигаясь из глубины комнаты.

— Он говорил и о вас, но вы теперь такой богатый, важный. До вас и рукой не достанешь.

— Да, — сокрушенно сказал Подходцев. — Совсем человек возмечтал о себе. Я уж тут резонился с ним, уговаривал его не делать этого.

— Чего? — удивленно спросил Громов.

— Вбил человек себе в голову, что на автомобиле ездить не шикарно. Хочет купить слона и ездить на его спине по делам. В этакой расшитой золотом палатке. Я ему говорю: «С ума ты сошел, ведь народ будет сбегаться, полиция запретит». И слушать не хочет. У меня, говорит, есть связи с губернатором: устроюсь. Хоть бы вы его пожурили, Евдокия Антоновна!..

Евдокия Антоновна поглядела на Клинкова с немым изумлением.

— Seriously, вы хотите это сделать, господин Клинков?

— Нет, он уже уговорил меня не делать этого. Мы покончили на паре верблюдов.

— Конечно, — деликатно промямлила Евдокия Антоновна, — не мое дело вмешиваться, но верблюды... тоже... это не то, не изящно. Что может быть лучше автомобиля?..

— Я люблю красочную жизнь, — серьезно сказал Клинков. — Думаю завести у себя негритянскую прислугу. В гостиной, в уголку, леопард на цепи, в другом — фонтан из старого хереса...

— Какой вы оригинал, — удивилась Евдокия Антоновна.

— Такие оригиналы носят рубашки с длинными рукавами и живут в изоляторе, — пожал плечами Громов. — Не говори глупостей, Клинков. Ты шутишь, а Евдокия Антоновна тебе верит.

Заметно было, что ему немного неловко за жену. Подходцев пришел на помощь.

— Так вот, значит, мы и расстанемся, господа...

— Ты надолго уезжаешь?

— Месяца на три.

— Так-так.

Громов и его жена сидели на стульях рядом, у стены, как бедные родственники, явившиеся с визитом.

Клинков приткнулся в напряженной позе на диване, мрачно поглядывая на Подходцева, а Подходцев по-прежнему шагал из угла в угол.

Наступило тягостное молчание. Оно продолжалось минуты две, а казалось, как месяц.

— Что это мы, — неловко рассмеялся Клинков. — Будто на похоронах. Будем же разговаривать. Ну, что вы, Евдокия Антоновна, устроились с квартирой?

— Да, ничего себе. Папа нам нанял.

— Кланяйтесь от меня вашему батюшке, — нашелся Клинков.

— Спасибо. Он будет очень рад. Хотите, завтра к ним отправимся; мы с мужем собираемся.

— Завтра? Гм... Да я завтра занят. У меня один человек будет.

— Жалко. А то бы поехали.

— Да, жалко.

— Ты, Подходцев, напишешь мне? — спросил Громов, поглядывая на Подходцева робкими, молящими глазами.

— Обязательно. А как же?

Помолчали. Клинков сосредоточенно сосал папироску.

— А ты мой адрес знаешь?

— Нет, — рассеянно отвечал Подходцев.

— Так как же ты напишешь, если не знаешь адреса?

— Я марку наклею, — сказал Подходцев, упорно глядя в стену невидящими глазами.

— Что с тобой, братец?! Очнись.

— Да этого... Мне уже на вокзал ехать надо...

У всех вырвался вздох облегчения. Супруги Громовы задвигали стульями, сразу сделалось шумно.

— Я тебя подвезу на автомобиле, — сказал Клинков, обнимая Подходцева.

— Нет, зачем же? Мы тут простимся.

— Нет-нет! Мы все вас поедem провожать, — сказала жена Громова, любезно щуря бесцветные глаза под рыжими бровями. — Нам так жалко, что вы уезжаете. Оставались бы, право, а? Иногда приходили бы к нам обедать, повеселились бы, поговорили...

— Нет, знаете, — повторил Подходцев с непроницаемым выражением лица. — Мне нужно. Я уж поеду.

Клинков схватил мощной рукой чемодан Подходцева и потащил его к выходу. Все двинулись за ним.

Громов на лестнице отстал немного, придержал Подходцева за рукав и шепнул ему:

— Ты плохо выглядишь, старина. Что с тобой?

— Мне было скучно без вас, — пробормотал Подходцев, похлопывая по колену коробкой со шляпой.

— Эх, миляга! Судя по сегодняшнему великосветскому разговору — оно и с нами не весело. Ты знаешь, почему я взял с собой жену?

— Ну?

— За себя боялся. Думал: буду один, плюну на все и удеру за тобой.

Подходцев промолчал, но про себя подумал: «Я бы на твоём месте этого не боялся, а именно так бы и сделал. Вот она и разница между нами».

— Подходцев! А ведь я чувствую, что ты мне не напишешь...

— Конечно, не напишу.

Громов сосредоточенно нахмурил брови:

— Почему?

— Разные интересы, голубчик, разные интересы... Ты знаешь, соловью в клетке опасно показывать свободного соловья на ветке. Затоскует и издохнет.

— Эй, вы там! — раздался снизу голос Клинкова. — Не заставляйте даму ждать! Неучтиво.

Клинков собственноручно заботливо укладывал чемодан на верх автомобиля. Покончив с этим, спустился вниз и расшаркался перед Подходцевым.

— Готово, ваше сиятельство. На чаек бы.

— На-на, голубчик. Старайся.

Подходцев вынул из кармана рубль и сунул его в руку Клинкова.

— Ого! — вскричал весело Клинков. — Давно я не зарабатывал своим трудом денег. Спрячу этот рубль для курьеза.

— Спрячь, спрячь, — странно улыбаясь, согласился Подходцев.

Клинков усадил всю компанию в автомобиль, причем Евдокию Антоновну постарался усадить так, чтобы на нее дуло из полуоткрытого окна (невинная месть за разбитую жизнь друга).

Поехали. Бедный Клинков все время смущался, не зная, какую принять позу, потому что Подходцев глядел на него во все глаза и, видимо, искренно потешался над напряженной фигурой друга.

— А знаешь, автомобиль очень идет тебе. Прямо-таки к лицу. Мило, мило... Чрезвычайно мило! Только ты должен сидеть, откинув вот этак голову, а рукой в бок.

— В чей? — отшучивался с напряженным оживлением Клинков, но тайная печаль раздирала его сердце.

— Стоп! Приехали. Ну, тут я с вами, друзья, прощусь.

— Ни-ни. Мы тебя проводим до вагона, усадим и...

— Ради Бога, не надо! Я избегаю трогательных сцен и сильных волнений... У меня слабое сердце. Одним словом, обнимите меня и прощайте. Весной, вероятно, свидимся.

Подходцев соскочил с автомобиля, бросил носильщику свой не особенно тяжелый чемодан, расшаркался перед Евдокией Антоновной, наскоро поцеловал раскисшего Клинка и, вырвавшись из цепких объятий Громова, бросился в подъезд вокзала.

В полутьме Клинков и Громов даже не рассмотрели его лица. Автомобиль запыхтел, затарахтел и, сделав плавный поворот, умчался...

Глава 22

Конец

Пыль и паутина

— На какой поезд прикажете? — осведомился носильщик, дергая за рукав задумчивого Подходцева. Оба они стояли в вестибюле вокзала.

— На какой? Гм! Да ни на какой. Что, автомобиль уже уехал?

— Так точно.

— Ну, вот. На тебе... Гм...

Подходцев ощупал все свои карманы, набрал несколько медяков, сунул их в руку оторопевшего носильщика и, вскинув на плечо чемодан, быстрыми шагами вышел обратно на улицу.

— Оно бы, конечно, лучше на извозчике, — улыбаясь, пробормотал он. — Да это животное Клинков забрал последний рубль. А, впрочем, не суть важно: чемодан маленький, а я большой.

Был уже глубокий вечер. Пешеходы попадались редко, и поэтому почти никто не обращал внимания на широкоплечего молодца, размашисто шагавшего с чемоданом на спине.

Вот и его улица. Вот и дом.

Подходцев легко взбежал по лестнице, открыл в темноте свою дверь, бросил на кровать чемодан и, переведя дыхание, опустился в кресло...

В печке дрова еще не погасли. Тишина в квартире стояла мертвая, только изредка какое-нибудь обгоревшее полено с тихим шуршанием обламывалось, сползая двумя половинками вниз.

Синие, желтые и красные огоньки прыгали, кривляясь и подмигивая...

Лицо Подходцева, освещенное красным светом, было сосредоточенно-спокойно. Он медлительно вынул из кармана трубочку, набил ее табаком из старого потертого кисета, откинулся на спинку кресла, испустил глубокий вздох и пробормотал, закрыв глаза:

— Ну, что ж, ждать так ждать. Над нами не каплет... Будем ждать.

Засмеялся и умолк. Погрузился в неподвижность.

Вокруг все молчало. А в позе сидящего было столько спокойного терпения и уверенности в себе, что, казалось, этот человек способен просидеть так несколько лет, ожидая.

1917

notes

Примечания

Имя Подходцева — Александр (см. главу «Жестокий поединок».
(Прим. ред.)